

КНУТЬ ГАМСУНЪ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ВЪ 12 ТОМАХЪ

ПРИ ВЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ

К. БАЛЬМОНТА, Ю. БАЛТРУШАЙТИСА
и С. ПОЛЯКОВА

Т. X.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1910

Р 2183

КНУТЬ ГАМСУНЪ

ЦАРИЦА ТАМАРА

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Пер. К. Д. Бальмонта

ПОДЪ ПОЛУМѢСЯЦЕМЪ

Пер. К. Д. Бальмонта

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.
1910

801-15
2550

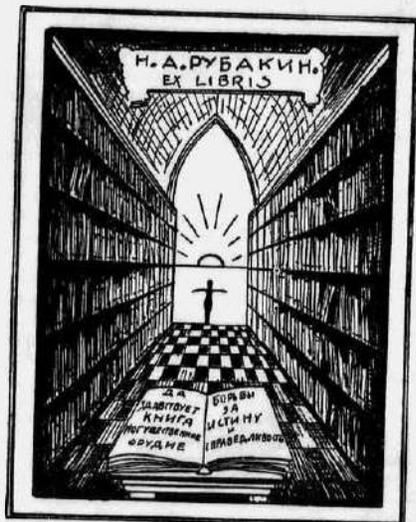
69409

2010380240

Государственная
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

73773-48

ЦАРИЦА ТАМАРА

Пер. К. Д. БАЛЬМОНТА

Дѣйствующія лица

Тамара, царица Грузин.

Князь Георгій, ея супругъ.

Георгій и
Русуданъ, } ихъ дѣти.

Настоятель.

Игумень.

Фатима.

Ханъ Товинскій.

Зайдата.

Іоната.

Софія.

Меседу.

Адъютантъ князя Георгія,

Два татарина, офицера.

Два плѣнника, грузина.

Гетманъ.

Офицеры и солдаты царицы, офицеры и солдаты товинцы.
монахи, писцы, музыканты, танцовщицы, дѣвушки, слуги.

Мандрагора.

Стоитъ и растеть она въ страшномъ кустѣ,
Гдѣ Симла снѣгами бѣлѣеть.
Подъ мѣсяцемъ стынетъ она въ высотѣ,
И Дьяволъ росу въ нее сѣетъ.
Не плодъ ея, корень есть кладъ въ темнотѣ,
Въ немъ страстность и прихоть задора.
Тотъ корень зовутъ—Мандрагора.
Онъ всѣхъ вовлекаетъ въ свой странный угаръ,
Въ одномъ словно пляшутъ всѣ чувства,
Другой умираетъ отъ душности чаръ,
Въ немъ сильное, злое искусство,
И ненависть въ немъ, какъ зловѣщій пожаръ,
Огонь потемнѣвшаго взора.
То—корень, и онъ—Мандрагора.
Но также бываетъ,—хоть разъ только, разъ,—
Что небомъ и солнцемъ онъ дышитъ,
И счастье любви онъ, въ тотъ сказочный часъ,
Даритъ, и блаженныхъ колышетъ.
И звѣздное свѣтитъ сіяніе глазъ,
И въ сердцѣ—какъ пѣніе хора.
Тотъ корень таковъ, Мандрагора.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Замокъ Тамары у Ани. Теплый лѣтній день. Зала съ колоннами, съ овальными боковыми стѣнами. Тамъ и здѣсь диваны, кавказскіе и восточные ковры; разноцвѣтная икона, съ неугасимой лампадой передъ ней. Входъ на заднемъ планѣ образуется изъ четырехъ колоннъ, которыя теперь скрыты занавѣсомъ изъ ковровъ; сцена въ самой глубинѣ кончается низенькой лѣстницей, ведущей на площадку подъ открытое небо. Тутъ и тамъ, на полу, между колоннъ, кусты и цвѣты. Направо два дверныхъ отверстія, ведущія въ корридоръ—передъ этими дверями также ковры вмѣсто дверей. Налѣво, совсѣмъ въ глубинѣ, дверь, обитая желѣзомъ; на той же сторонѣ на переднемъ планѣ возвышеніе въ нѣсколько ступеней, на которомъ стоитъ сидѣніе и столъ царицы.

Дѣвушки въ покрывалахъ, закрывающихъ нижнюю часть лица, вносятъ цвѣты, выходя изъ-за второго занавѣса; вооруженные слуги, въ коричневыхъ кафтанахъ, съ большими черными мѣховыми шапками на головахъ, помогаютъ имъ.

Изъ-за того-же занавѣса входитъ солдатъ; озирается.

Первый слуга. Откуда ты?

Солдатъ. Я пришелъ этой дорогой, потому что не зналъ, какой дорогой мнѣ было идти.

Первый слуга. А куда ты идешь?

Солдатъ. Къ князю Георгію. Я изъ лагеря.

Первый слуга. Я доложу ему. (Уходит за первый занавѣсъ).

Второй слуга. У тебя такой видъ, будто ты проигралъ сраженіе.

Солдатъ. А у тебя такой видъ, будто ты ничего не понимаешь.

Второй слуга. Ты отвѣчаешь? А знаешь ты, что говоришь со слугой царицы?

Солдатъ. Ты тоже говоришь со слугой царицы.

Заидата. Да, онъ правъ. Онъ тоже слуга царицы.

Второй слуга. Но я расхаживаю свободно, а ты долженъ стоять у дверей.

Заидата. Тише—Князь Георгій!

(Передъ княземъ Георгіемъ откидывается первый занавѣсъ. Князь безъ бороды, на немъ бѣлая, тибетскаго мѣха, папаха и свѣтло-зеленый шелковый кафтанъ съ золотыми цѣпями на груди. На его великолѣпномъ поясѣ висятъ кинжалъ и сабля; сапоги желтые сафьяновые, голенища доходятъ до колѣнъ, бѣлые шаровары. За нимъ идетъ адъютантъ и дѣлаетъ знакъ солдату подойти).

Князь Георгій. Ты изъ лагеря?

Солдатъ. Да.

Князь Георгій. Все спокойно?

Солдатъ. Да.

Князь Георгій. А ты зачѣмъ?

Солдатъ. Мы стоимъ передъ самымъ врагомъ. Мы просимъ тебя осѣдлатъ коня твоего и пріѣхать.

Князь Георгій. Тебя послалъ Тарасъ?

Солдатъ. Да.

Князь Георгій (думая). Скажи Тарасу, чтобы всѣ отдохали. Я пріѣду черезъ нѣсколько дней и ночей.

Солдатъ. Но, князь Георгій, Тарасъ послалъ меня сказать тебѣ...

Князь Георгій. Черезъ нѣсколько дней и ночей.

(Солдатъ уходитъ).

Князь Георгій. Ты не понялъ моего отвѣта.

Адъютантъ. Нѣтъ.

Князь Георгій. Я хочу успокоить своихъ людей. Я нагряну къ нимъ сегодня ночью въ лагерь.

Адъютантъ. А!

Князь Георгій. Я строгій повелитель.

Адъютантъ. Великій повелитель.

Князь Георгій. Я слуга царицы... Вели позвать игумена.

(Адъютантъ уходитъ за первый занавѣсъ).

Князь Георгій. Эй, Заидата.

Заидата. Твоя слуга.

Князь Георгій. Все время твое ты отдаешь цвѣтамъ.

Заидата. Царица скоро будетъ. Ея свиту видно внизу на дорогѣ.

Князь Георгій. Царица — она моя супруга. А ты бы могла быть моей возлюбленной.

Заидата. Ты только говоришь это. Ты это говоришь ужъ много лѣтъ. Царица сама будетъ твоей возлюбленной, когда вернется.

Князь Георгій. Ты думаешь, она захочетъ?

Заидата. Конечно, захочетъ. Развѣ она не супруга твоя?

Князь Георгій. Конечно, она захочетъ быть моей возлюбленной. А если не захочетъ, я заставлю ее. На это у меня есть власть, Заидата.

Заидата. Царица меня не любитъ. И Юнату и Софію, которыхъ ты называлъ своими возлюбленными, она не любитъ.

Князь Георгій. Мы всѣ слуги царицы; помни это.

Ионата. Теперь ты навѣрно радъ, что царица прѣзжаетъ.

Князь Георгій. Тише, Ионата. Ты сама царица.

Нѣтъ другой такой, какъ ты.

Заидата. И какъ я.

Князь Гергій. И какъ ты.

Софія. И какъ я.

Князь Георгій. И какъ ты, Софія. Ты какъ огонь. Я говорю, ты какъ огонь.

Заидата. Это уже ты много лѣтъ говоришь намъ всѣмъ, но ты этого не думаешь. Ты только думаешь, что нѣтъ другой такой, какъ царица.

Князь Георгій. И ты бы должна это думать, Заидата.
(Садится).

(Входитъ игумень изъ-за перваго занавѣса).

Князь Георгій. Вы кончили, дѣвушки?

Заидата. Мы уходимъ.

(Дѣвушки и слуга уходятъ).

Игумень. Ты призвалъ своего слугу?

Князь Георгій (послѣ нѣкотораго молчанія). Сядь

Игумень (садится). Твой ликъ темень сегодня, князь Георгій. Сейчасъ царица прибываетъ. Ты обыкновенно радуешься ей.

Князь Георгій. Сегодня я хочу рѣшиться на одно или другое.

Игумень. Лишь бы ты на правое рѣшился!

Князь Георгій. Я первый слуга царицы, я главный военачальникъ, и я одерживаю большія побѣды. Вѣдь правда?

Игумень. Правда.

Князь Георгій. Но я не царь.

Игумень. Да, ты не царь. Это вѣрно.

Князь Георгій. Я не царь. Я всего лишь отецъ ея дѣтей, ея сына и ея дочери. Когда я нахожусь передъ ца-

рицей, я долженъ держать свою шапку въ рукахъ. Что можетъ думать жена о своемъ мужѣ, когда онъ стоитъ передъ ней съ шапкой въ рукахъ? (Жестко). Невысокаго она должна быть о немъ мнѣнія.

Игумень (съ любопытствомъ). Царица о тебѣ невысокаго мнѣнія?

Князь Георгій. Это моя участь, быть супругомъ въ этомъ домѣ. Я все время говорю съ сыномъ, который больше меня. Я говорю со своей маленькой дочерью, которая однажды быть можетъ будетъ повелѣвать мной.

Игумень. Это ужъ слишкомъ.

Князь Георгій. Ты это понимаешь, отецъ игумень. Я завоевалъ Трапезундъ, Эрзерумъ, и Ани; но я слуга своихъ дѣтей.

Игумень. Я говорю тебѣ, что это слишкомъ, князь Георгій.

Князь Георгій. Это совсѣмъ не слишкомъ. Ты этого не понимаешь, отецъ игумень. Я охотно буду слугой своихъ дѣтей, но я не хочу быть рабомъ царицы.

Игумень. Рабомъ? Неужели она дѣйствительно сказала?..

Князь Георгій. Три ночи тому назадъ я взялъ въ плѣнъ хана Товинскаго; но я не посмѣлъ зарубить его на мѣстѣ, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ царицы. Онъ ждетъ рѣшенія царицы. Я тамъ держу его въ плѣну. (Показываетъ на дверь, обитую желѣзомъ).

Игумень. Царица даруетъ ему жизнь.

Князь Георгій. Ты это понимаешь. Потому что не я царь. (Рѣзко). А почему мнѣ имъ не быть? Моя супруга рожденная Багратъ, я самъ Багратъ. Мы изъ того-же рода. Но она была единственнымъ ребенкомъ Георгія III и стала царицей; если бы мой отецъ былъ царемъ, я бы былъ его наслѣдникомъ.

Игуменъ. Это такъ.

Князь Георгій. Никто изъ васъ не знаетъ, что такое быть всегда супругомъ царицы. Когда я приказываю сдѣлать что-нибудь, то меня спрашиваютъ: это царица приказала? Посмотри кругомъ: эти цвѣты для царицы. Герольды возвѣщаютъ о ея прибытіи. Солдаты спускаютъ копья, при появленіи ея. А я между тѣмъ лишь князь Георгій.

Игуменъ. Ты живешь въ большой печали въ собственномъ своемъ домѣ.

Князь Георгій. А можетъ-ли кто-нибудь сказать что про меня? Развѣ не я заставилъ дѣвушекъ носить покрывала, чтобы онѣ не вводили меня въ искушеніе?

Игуменъ. Это ты хорошо сдѣлалъ, потому что Заидата, какъ огонь.

Князь Георгій. Да, и Заидата тоже. Но эта Софія, какъ огонь.

Игуменъ. И она тоже. Софія, какъ огонь. Онѣ всѣ, какъ огонь.

Князь Георгій. А ты какъ это знаешь?

Игуменъ. Я этого не знаю. Я только слышу, когда онѣ купаются; онѣ играютъ между собою и визжать.

Князь Георгій. Я, слава Богу, ни съ одной изъ нихъ не купался.

Игуменъ. Нѣтъ? Конечно, нѣтъ. Потому что ты съ царицей.

Князь Георгій. Я съ царицей?

Игуменъ. Конечно, она твоя. (Съ любопытствомъ). Или царица не твоя?

Князь Георгій. Замолчи. У меня есть власть сдѣлать ее моей, и царица никого не любитъ кромѣ меня; почему же ей не быть моей?

Игуменъ. Это такъ.

Князь Георгій. Или, быть можетъ, я не считаюсь?

Нѣтъ. Но иногда мнѣ приходятъ въ голову мысли, далеко не кроткія и не мягкія. Этому есть отпущеніе?

Игуменъ. Да, есть.

Князь Георгій. Что же изъ того, что царица на меня иногда холодно смотритъ? Она могла бы причинить большое зло мнѣ, если бы тепло смотрѣла на меня!

Игуменъ. Но царица ни на кого другого тоже не смотритъ тепло.

Князь Георгій. Но я князь Георгій, а не кто другой; это бы всѣ должны были помнить... Тутъ сейчасъ былъ солдатъ вѣстникомъ изъ лагеря. Онъ не всталъ на колѣни, когда говорилъ со мной.

Игуменъ. Онъ не всталъ на колѣни?

Князь Георгій. А передъ царицей онъ бы всталъ. И передъ калифомъ восточнымъ тоже, а передо мной онъ не всталъ. Я подумалъ въ то мгновеніе, не отрубить-ли ему голову.

Зайдата. (Изъ-за второго занавѣса). Царица приближается. (Исчезаетъ).

Князь Георгій. Вотъ, слышишь. Здѣсь сидитъ ея супругъ, въ то время какъ возвѣщаютъ: царица приближается! Ну и пусть царица придетъ — я не на ея мѣстѣ сижу, а сижу тутъ, внизу. У нея большая свита, я смѣшаюсь съ ней, и буду, какъ одинъ изъ ея офицеровъ. Съ ней музыка; у меня ея нѣту. Ея духовникъ — настоятель, мой—игуменъ.

Игуменъ. Да, — въ сущности я вѣдь долженъ былъ быть настоятелемъ. Почему не я сдѣлался имъ?

Князь Георгій. Ты, отецъ игуменъ? (Въ другомъ тонѣ). Да—почему ты не сдѣлался настоятелемъ?

Игуменъ. Царица была несправедлива ко мнѣ, и потому я озлобился на нее.

Князь Георгій. Ты можешь чувствовать озлобленіе?
Я хочу сказать ты, который такъ кротокъ?

Игумень. Я? Ты шутишь!

Князь Георгій. Конечно, я шучу. Ты можешь чувствовать большое озлобленіе. Хочешь мнѣ помочь?

Игумень. Да, хочу.

Князь Георгій. Ты мнѣ нуженъ; у меня нѣтъ никого, кто бы мнѣ помогъ. А теперь мнѣ остается побѣдить или погибнуть.

Игумень (садится). Что ты хочешь сдѣлать?

Князь Георгій. Я хочу побѣдить. (Молчаніе). Тарась послалъ ко мнѣ вѣстника изъ лагеря, чтобъ я пріѣзжалъ. Я пріѣду черезъ нѣсколько дней и ночей, отвѣтилъ я.

Игумень. Этотъ отвѣтъ можно дурно истолковать.

Князь Георгій. Тому, кто его дурно истолковываетъ, я говорю, что я хочу успокоить лагерь, а потомъ ночью внезапно нагрянуть на него и наказать спящихъ. Но тебѣ, отецъ игумень, я говорю, что отвѣчая такъ, у меня есть свои намѣренія.

Игумень. Теперь я вижу, что они у тебя есть. Твои глаза стали такими дикими.

Князь Георгій. Мы воюемъ съ ханомъ Карскимъ. Онъ въ нашихъ рукахъ. Если я нападу на него сегодня ночью, онъ долженъ сдаться.

Игумень. А.

Князь Георгій. А не нападу я на него и пропущу удобное время, онъ укроется куда-нибудь и спасется. А если я пощажу его, что ханъ за это мнѣ сдѣлаетъ?

Игумень. Онъ будетъ тебѣ вѣчно благодаренъ.

Князь Георгій. Во всякомъ случаѣ, сегодня ночью я пощажу его. А если я пойду къ нему завтра ночью и поведу его войско въ спящій лагерь царицы, и безшумно умерщвлю тамъ всѣхъ—что тогда ханъ сдѣлаетъ?

(Игумень всплескиваетъ руками).

Князь Георгій (громко). Послѣ этого онъ будетъ мнѣ всегда помощникомъ во всемъ.

Игумень. Я постигаю твой великій замыселъ.

Князь Георгій. И ты долженъ будешь отправиться къ хану съ этимъ предложеніемъ.

Игумень. Я?

Князь Георгій. Потому что ты озлобленъ.

Игумень. Я не могу.

Князь Георгій. У меня нѣтъ никого кромѣ тебя. Я полагаюсь на тебя. Ты отнесешь хану Карскому письмо.

Игумень. Я это сдѣлаю, потому что у тебя нѣтъ никого, на кого бы ты могъ положиться. Но, подумай, князь Георгій, я дрожу за тебя, ты идешь на вѣрную гибель.

Князь Георгій. Такая гибель будетъ мнѣ желанна. Я въ крайности на это рѣшаюсь. Я обдумалъ это за эти долгіе темные годы; теперь я больше объ этомъ не думаю. Или въ твоей ученой головѣ есть другой совѣтъ для меня?

Игумень. Опасный этотъ планъ. Но если ты хочешь быть царемъ, ты долженъ быть смѣлымъ.

Князь Георгій. Царемъ? Я не хочу быть царемъ.

Игумень. Ты не хочешь быть царемъ?

Князь Георгій. Нѣтъ.

Игумень. Ты не хочешь завоевать страну царицы и самъ сѣсть на престоль?

Князь Георгій. Ты ошибаешься. Я хочу завоевать царицу.

Игумень. Этого я не понимаю. Царица же твоя?

Князь Георгій. Я солгалъ. Царица не моя.

Игумень (съ любопытствомъ). Но ты сказалъ, что она тебя любитъ?

Князь Георгій. Она меня не любитъ.

Игумень. Ты сообщалъ мнѣ большую новость.

Князь Георгій. Много, много лѣтъ я втайнѣ боролся съ царицей. Я былъ одинъ, на ея сторонѣ былъ старикъ настоятель. Повернула ли она когда-нибудь глаза въ мою сторону? Ни разу. Не смотри на него!—сказалъ настоятель. Что же мнѣ было упасть къ ея ногамъ и просить ее? (Вскрикиваетъ). Нѣтъ... Такъ проходитъ время. Я притворяюсь, будто Заидата, Ионата и Софія мои возлюбленныя, а царица представляется, будто она—мнѣ не вѣрять.

Игуменъ. Но она вѣрять?

Князь Георгій. Да, вѣрять. Но не хочеть этого показать. Никогда. Ни однимъ взглядомъ. Что-же мнѣ просить ее о чемъ-нибудь? Нѣтъ, говорю я. И такъ мы боремся.

Игуменъ. Никогда не слыхивалъ я большей новости.

Князь Георгій. Я все тебѣ рассказываю, чтобы ты помогъ мнѣ.

Игуменъ. А твой великій замыселъ?

Князь Георгій. Онъ не великій. Я такъ его не называлъ.

Игуменъ. Ты же собираешься уничтожить цѣлое войско?

Князь Георгій. Небольшое войско; у царицы есть еще. Я хочу царицу наказать. Она не смѣетъ думать обо мнѣ пренебрежительно. Когда я съ войскомъ хана буду стоять передъ ней, я не сниму шапки, а скажу: Тамара, вотъ твой супругъ; видишь-ли меня ясно?

Игуменъ. А страна? А царство?

Князь Георгій. Я нетронутымъ оставлю ихъ у ея ногъ. Но я могъ бы ихъ взять! вотъ въ чемъ услада! (Входятъ слуги и откидываютъ занавѣси на заднемъ планѣ; яркій свѣтъ падаетъ въ комнату; снаружи видны зеленыя горы, солнце. Вдали слышна музыка, которая приближается—флейты, струнные инструменты и барабаны).

Игуменъ (встаетъ). Никто, вѣрно, не дерзаль большаго, чтобы достигнуть того...

Князь Георгій. Достигнуть всего. Я хочу достигнуть всего.

(Множество солдатъ съ короткими копьями входятъ маршируя и становятся снаружи, до входа въ залъ. На нихъ сѣрыя шаровары, и рубашки съ мѣховыми рукавами; у пояса кинжалъ и сабля. Всѣ они съ непокрытыми головами. Офицеры въ сѣрыхъ кафтанахъ со шнурами на груди. Дѣвушки и слуги входятъ изъ-за второго занавѣса и заглядываютъ другъ другу черезъ плечо. Входитъ адъютантъ князя Георгія, распахиваетъ дверь обитую желѣзомъ и кричитъ; сюда! Два солдата грузина показываются; они прикованы ручными кандалами одинъ къ другому. Они безъ мундировъ, на нихъ синія длинныя рубахи.

Музыка смолкаетъ.

Одинъ изъ офицеровъ, въ красномъ кафтанѣ, идетъ съ опущенной саблей къ сидѣнью царицы. Минуту спустя входитъ другой, красный офицеръ, тоже съ опущенной саблей, и становится рядомъ съ первымъ.

Звучитъ труба.

У входа появляются носилки царицы. Солдаты опускаютъ копьѣ. Носилки ставятъ на землю, изъ нихъ выходитъ царица и, кланяясь на обѣ стороны, подъ привѣтственные крики, идетъ на передній планъ. Когда крики смолкаютъ, она оборачивается къ иконѣ и крестится. Въ свитѣ появляется Фатима, дочь князя Эрзерумскаго; ея лицо совершенно закрыто золототканымъ покрываломъ, спускающимся ей до колѣнъ. Она отворачивается отъ иконы и не крестится. За царицей слѣдуютъ ея дѣти Георгій и Русуданъ, тотчасъ-же за ними настоятель, монахи, офицеры, писцы, дѣвушки, слуги, они всѣ крестятся).

Царица. Привѣтъ всѣмъ. И тебѣ первому, князь Георгій.

Князь Георгій. Ты говоришь это послѣднему.

Царица (улыбается). О, я вижу, ты усталъ. Тебя утомили твои побѣды.

Князь Георгій. Дѣти мои, подойдите-же ко мнѣ. (Обнимаетъ и цѣлуетъ ихъ).

Царица. Посмотри, какъ они выросли. Они стали такими же большими, какъ я.

Князь Георгій. И какъ я. Всѣ перерастаютъ меня.

Царица. Странно ты насъ привѣтствуешь! Быть можетъ, я поступила противъ твоего добраго совѣта и потеряла какое-нибудь сраженіе?

Князь Георгій. Нѣтъ. И поэтому я еще одержалъ новую побѣду.

Царица. Пусть музыка играетъ въ честь моего супруга, великаго воина! (Трубы и барабаны. Бьютъ въ ладоши. Царица кланяется, и благодаритъ).

Царица. А теперь музыка въ честь побѣдоносной вѣры! (Снова звуки трубъ).

Царица. Могу ли я думать, Фатима, что и ты была въ ладоши?

Фатима. Да, царица. Я тоже была въ ладоши. За мою вѣру.

Царица. Вотъ какъ. Все еще упорствуешь. Ну, хорошо. Побольше кротости, много больше кротости! (Улыбается). Потому что ты будешь побѣждена, милая Фатима.

Фатима. Аллахъ да сохранить меня отъ этого!

Князь Георгій. У меня важное сообщеніе, Тамара, и мало времени.

Царица. У тебя всегда мало времени.

(Входитъ на первую ступень къ своему трону).

Князь Георгій. День коротокъ, а мнѣ сегодня ночью надо быть въ лагерѣ.

Царица. Тарасъ вѣдь въ лагерѣ.

Князь Георгій. Хорошо, я подумаю о томъ, могу-ли я поступить по твоему совѣту и не быть сегодня ночью въ лагерѣ.

Царица. Нѣтъ, нѣтъ. Я только хотѣла... ты только не думай, что я... (взглядываетъ на толпу). Благодарю васъ, офицеры, благодарю, солдаты! Вы можете идти. (Офицеры и солдаты выходятъ маршируя, за ними выходятъ монахи).

Царица. И вы, дѣти, идите и поиграйте на дворѣ. (Георгій и Русуданъ уходятъ. Царица садится на тронъ. Писцы, одѣтые монахами, располагаются у ея ногъ на полу, раскладывая свои письменные приборы).

Царица. Твои сообщенія касаются новой побѣды? Когда было дано сраженіе?

Князь Георгій. Три ночи тому назадъ. Войско дѣлало чудеса и заняло крѣпость. Надо было взять приступомъ двойныя стѣны изъ гранита.

Царица. Многихъ взяли въ плѣнъ?

Князь Георгій. Немногихъ.

Царица. Ты не берешь больше многихъ въ плѣнъ и щадишь жизни, гдѣ можешь. Такъ дѣлаетъ калифъ, я слышала.

Князь Георгій. Нѣсколько человѣкъ мы взяли въ плѣнъ.

Царица. И вы съ ними хорошо обращались?

Князь Георгій. Да. По твоему приказанію.

Царица. Кто эти оба тамъ?

Князь Георгій. Грузины, какъ видишь; это наши собственные люди. Они приговорены къ смерти.

Царица. Что они сдѣлали?

Князь Георгій. Они бѣжали. Бѣжали съ поля битвы.

Царица. Такъ они не воины. Не надо даромъ проливать крови. Если они умѣютъ только пасти овецъ, они не воины. Камень есть не болѣе, чѣмъ камень. Вы что умѣете дѣлать, грузины? Воевать вы не умѣете.

(Плѣнники бросаются передъ нею на землю).

Первый плѣнникъ. Мы ничего не умѣемъ, царица. Мы лишь два брата; мы встрѣтили нашего третьяго брата у враговъ; онъ магометанинъ; онъ грозилъ намъ. Онъ старше насъ.

Царица. Они встрѣтили своего брата, слышишь, Георгій... Ну, и тогда вы бѣжали?

Первый плѣнникъ. Да. Мы потеряли наши копья, когда узнали его, и тогда мы бѣжали.

Царица. А вы христіане?

Второй плѣнникъ. Да, мы христіане. Мы сдѣлаемъ все, что ты намъ прикажешь, царица.

Князь Георгій. Я не лишилъ ихъ жизни, чтобъ ты сама могла рѣшить, какого рода казни ихъ подвергнуть.

Царица. А если я рѣшу, чтобъ имъ не умирать?

Князь Георгій. Твоя мягкость приноситъ войску вредъ, Тамара. Я уже раньше говорилъ тебѣ это.

Царица (смотреть на него). Ты прежде не былъ такъ жестокъ.

Князь Георгій (упрямо). Всегда былъ такой. Все время. Я всегда былъ тотъ-же самый.

Царица. Уведите плѣнниковъ. Пока я не найду имъ работы... А вы подумайте, грузины, о томъ, что нельзя бѣжать съ поля сраженія. Вамъ оставятъ на сегодняшнюю ночь кандалы, чтобы вы помнили это.

(Плѣнниковъ уводятъ черезъ дверь, обитую желѣзомъ).

Царица. А какую крѣпость ты взялъ?

Князь Георгій. Крѣпость хана Товинскаго.

Царица (къ писцамъ). Пишите... Это могучая побѣда. А самъ ханъ?

Князь Георгій. Онъ у меня тутъ плѣнникомъ.

Царица. Тутъ? Ханъ?

Князь Георгій. Вотъ тутъ. Въ самой дальней келии.

Царица. Но ты совершилъ прямо чудо, Георгій. Какихъ лѣтъ ханъ?

Князь Георгій. Вчера сюда пріѣзжали два офицера изъ Товина, чтобы выкупить его. Я поставилъ имъ разныя условія. Они еще вернутся.

Царица. Это могучая побѣда! А какъ ты думаешь, что Товинцы дадутъ за своего хана?

Князь Георгій. За живого?

Царица. Да, за живого. Почему ты меня объ этомъ спрашиваешь? Конечно, за живого.

Князь Георгій. Онъ стоитъ хорошаго куска ихъ земли.

Царица. Они магометане, Товинцы; и если они любятъ своего хана, то они исполнятъ мою небольшую просьбу, чтобы получить его назадъ.

Князь Георгій. Постой! Ты вѣроятно захочешь всю ихъ землю за его трупъ.

Царица. Чей трупъ?

Князь Георгій. Хана. Чтобы они могли похоронить его по своему языческому обряду.

Царица. Князь Георгій!

Князь Георгій. Это большая страна. И много плодovъ зрѣетъ у нихъ въ поляхъ. И крѣпость, которую мы взяли, чудесная.

Царица. Я возвела шесть крѣпостей, и земли у меня довольно. Я царствую отъ Арменіи до Казбека почти.

Князь Георгій. Но тогда бы твоя земля стала еще больше. И народу бы прибавилось у тебя, этотъ народъ свѣ-

дущей въ музыкѣ и они бы забавляли тебя ею. Мы слышали, какъ они играли ночами въ Товинѣ. Съ ними были два еврея, которые играютъ на арфѣ.

Царица. Скажи, досточтимый отецъ, что можетъ стоить ханъ?

Настоятель. Себя обрадуй и старика, дитя мое, по совѣсти потребуй, когда наступитъ время.

Царица. Я знаю, что я потребую; если они только захотятъ мнѣ дать это. Если Товинцы согласятся креститься, я освобожу ихъ хана. Какихъ лѣтъ ханъ?

Князь Георгій. Если не согласятся, ты можешь ихъ заставить. На это твоя власть. Существуетъ много способовъ заставить. Можно имъ языки вырѣзать—это хороший, сильный способъ. Или двѣсти палочныхъ ударовъ.

Царица. Они бы могли спасти своего хана, заплативъ меньшимъ... Я спрашиваю въ третій разъ; какихъ онъ лѣтъ?

Князь Георгій. Не хочешь-ли ты тоже знать, какое у него лицо?

Царица. (удивленно). Нѣтъ. Я объ этомъ не спрашиваю. Зачѣмъ же?

Князь Георгій. А что касается самого хана, то и для него есть неподобный способъ.

Царица. Какой?

Князь Георгій. Поймать его гаремъ и выстроить его передъ нимъ.

Царица. И...

Князь Георгій. И выпустить на него солдатъ.

Царица (поднимаясь). Князь Георгій!

Князь Георгій. Тогда онъ сдаться. Но это не лучший способъ, я не этотъ разумѣлъ. Другой еще лучше. У тебя есть два турка, царица, два палача у тебя. У нихъ есть шелковый шнурокъ.

Царица (опускаясь на сидѣнье). О, досточтимый отецъ,—посоветуй ты мнѣ!

Настоятель. Ханъ можетъ быть самъ исполнить твою просьбу, если ты его позовешь.

Князь Георгій. Какъ будто тебѣ надо его просить объ этомъ! Военачальникъ я, или нѣтъ? Если я военачальникъ, то я знаю, что Товинцы сдались бы на волю побѣдителя. Зачѣмъ же тебѣ просить ихъ объ этомъ? Еслибъ мы сейчасъ не воевали съ ханомъ Карскимъ, то Товинцы теперь были бы въ нашихъ рукахъ. Они бѣжали въ горы—хорошо, въ полнолуиѣ, когда ночи будутъ свѣтлыя, мы найдемъ ихъ въ горахъ и одолѣемъ ихъ. Тогда мы можемъ съ ними обойтись, какъ ты обходишься со всѣми другими народами, которыхъ мы покорили.

Царица. Но ханъ у меня въ крѣпости плѣнникомъ, развѣ это ничего? Если Товинцы исполняютъ мою просьбу, ихъ ханъ будетъ свободенъ. Тогда войны не будетъ больше.

Настоятель. Вели послать за ханомъ, царица, можетъ быть онъ исполнить твою просьбу.

Царица. Подожди немного... Почему вы всѣ здѣсь стоите, дѣвушки? Заидата, что я вижу? Ты опять лицо закрыла покрываломъ. Снимите покрывала, дѣвушки. И ты Софія, и ты Ионата. Христіанскимъ дѣвушкамъ подобаешь быть безъ покрываль.

(Дѣвушки снимаютъ покрывала).

Заидата. Фатима тоже въ покрываль.

Фатима. Я не христіанка.

Настоятель. Нѣтъ, она не христіанка, и несмотря на это, она все-же въ домѣ у царицы.

Царица. Еще ты не христіанка, Фатима, еще нѣтъ... Всегда, когда я отсутствую нѣкоторое время, вы впадаете въ магометанство и закрываетесь покрывалами.

Ионата. Намъ это приказали.

Царица. Кто приказалъ?

Ионата. Князь Георгій.

Князь Георгій. Я приказалъ закрываться дѣвуш-
камъ, чтобы онѣ не вводили меня въ искушеніе. Потому что
онѣ, какъ огонь.

Царица. Онѣ, какъ огонь? Ты это откуда знаешь?

Князь Георгій. Откуда я это знаю? Ты себя этого
не можешь представить?

Царица (закусываетъ себя губы на мгновеніе). Нѣтъ.
Я не могу себя представить, чтобы ты это находилъ.

Князь Георгій. Онѣ совсѣмъ, какъ огонь.

Настоятель. Губительный огонь горитъ во многихъ
въ твоёмъ домѣ, царица Тамара; но ты сама, слава Богу,
холодна.

Князь Георгій. Мы съ игуменомъ слышали, какъ
онѣ купались.

Царица. Твоему игумену не слѣдовало бы подслуши-
вать, когда онѣ купаются... А вы что же не уходите, дѣ-
вушки?

Заидата. Мы хотѣли тебя привѣтствовать. Мы укра-
сили залу цвѣтами.

Царица. Благодарю васъ всѣхъ. Теперь вы можете
идти. (Всѣ дѣвушки и слуги уходятъ. Фатима хочетъ за
ними идти). Не уходи, Фатима, останься со мной.

Фатима (возвращается). Да благословить тебя Аллахъ!

Царица. Велите позвать хана.

Фатима. Приготовься-же, царица. Товинскій ханъ —
великій ханъ.

Царица. Мнѣ приготовиться? (Улыбается). Что же
мнѣ корону надѣть?

Фатима. Ты бы могла застегнуть воротникъ у платья.

Царица (застегиваетъ воротникъ). Солнце такъ жгло,
что я разстегнула его.

Фатима. И на тебѣ сегодня надѣты разные чулки.

Царица. Разные чулки? (Смотритъ на свои чулки).
Такъ подали мнѣ дѣвушки. Ну, это все равно. Велите по-
звать хана.

(Адъютантъ князя Георгія уходитъ въ дверь, обшитую же-
лѣзомъ и черезъ мгновеніе возвращается съ ханомъ).

Царица. Помогите мнѣ теперь, отецъ досточтимый.
Тогда намъ можетъ быть удасться.

Князь Георгій. Не легко это вамъ будетъ. Ханъ
жилъ при дворѣ калифа. Онъ умѣетъ говорить настоящія
слова. Онъ умѣетъ также красивыя слова говорить.

(Ханъ Товинскій подходитъ. Онъ безоруженъ, въ длинномъ,
черномъ долманѣ, безъ украшеній, только съ лѣваго плеча
свѣшивается красная кисть конскаго волоса. Широкіе ру-
кава низко висятъ. Тюрбанъ у него бѣлый, съ узкой чер-
ной каймой внизу; въ бѣломъ тюрбанѣ блеститъ большой
изумрудъ. Серебряный поясъ также украшенъ изумрудами.
На немъ бѣлые сафьяновые сапоги. Онъ здороваётся, при-
кладывая пальцы къ груди, ко рту и ко лбу, и все время
стоитъ съ опущенными глазами).

Царица (привстаетъ и такъ стоитъ; удивленно). Это
ханъ?

Князь Георгій. Это ханъ. А что?

Царица. И безъ оружія?

Князь Георгій. Его обезоружили. Онъ плѣнникъ.

Царица. Принесите ему его оружіе.

(Адъютантъ князя Георгія приноситъ изъ-за перваго зана-
вѣса кинжалъ и саблю хана, которые онъ ему привѣши-
ваетъ къ поясу).

Царица. Такой молодой ханъ Товинскій!

Князь Георгій. Ты возвращаешь ему оружіе. Это
для того, чтобы разрушить то, что я сдѣлалъ?

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, князь Георгій. Ты бы самъ это сдѣлалъ, если бы меня здѣсь не было. Мы заодно.

Князь Георгій. Пусть будетъ такъ.

Царица. Расположенъ ли ты отвѣчать мнѣ, ханъ?

Ханъ. Великая царица, прими сначала мою благодарность за то, что ты вернула мнѣ оружіе.

Царица. Большое несчастье тебя постигло, разъ ты здѣсь въ моей крѣпости плѣнникомъ.

Ханъ. Большое несчастье, въ которомъ много счастья. Я видѣлъ твою красоту, и слышалъ твой голосъ.

Князь Георгій. Вотъ теперь ты можешь слышать, какія онъ сладкія рѣчи держитъ.

Царица. Ты меня не видалъ вовсе, ханъ. Ты все время смотрѣлъ внизъ мнѣ подъ ноги.

Ханъ. Наши обычаи другіе, чѣмъ твои, царица.

Царица. Если бы я закрылась покрываломъ, ты бы вѣрно поднялъ глаза.

Ханъ. Это такъ. Я бы поднялъ глаза. Но я видѣлъ, что твои руки красивы.

Князь Георгій. Ты покраснѣла, царица. Солнце жжетъ и здѣсь въ залѣ.

Царица. Нѣтъ... Но все же здѣсь жарко... Дай мнѣ покрывало, Фатима, чтобы ханъ могъ не смотрѣть въ землю.

(Фатима уходитъ за второй занавѣсъ).

Князь Георгій (кричитъ ей вслѣдъ). Красное покрывало. Чтобъ не просвѣчивалъ румянецъ царицы.

Царица. Князь Георгій, не говорилъ ли ты, что Тарась ждетъ тебя въ лагерѣ.

Князь Георгій. Иду.

(Князь Георгій и игумень уходятъ за занавѣсъ. Адьютантъ передаетъ ключъ настоятелю и слѣдуетъ за ними).

(Фатима приноситъ бѣлое покрывало и помогаетъ надѣть его царицѣ).

Царица. Твой народъ требуетъ тебя, ханъ. Два твоихъ офицера были здѣсь, они хотѣли выкупить тебя.

Ханъ (съ этихъ поръ смотритъ на нее открыто). Они плохо исполнили свою задачу, потому что я еще здѣсь.

Царица. Это было безъ меня.

Ханъ. А! такъ они не могли рассчитывать на счастливый исходъ.

Царица. Значитъ ты вѣришь, что наши переговоры съ тобой будутъ счастливы.

Ханъ. Великая повелительница, намъ извѣстно твое имя въ Товинѣ. Мы слышали о твоей мудрости и о твоей кротости.

Царица. Я хотѣла тебя попросить исполнить одну просьбу, и ты будешь свободенъ.

Ханъ. Что ты удостоишь просить у меня, чтобы я исполнилъ это?

Царица. Ну скажи. Ты отдалъ бы что-нибудь изъ твоей земли за твою свободу?

Ханъ. Да. Много.

Царица. Но у меня достаточно земли. Отдалъ бы ты и народъ твой свою вѣру.

(Ханъ молчитъ).

Царица. Крестился бы ты во имя Христа?

(Ханъ поднимаетъ руки и прячетъ лицо въ сгибы локтей).

Царица. Такъ знай, это моя просьба къ тебѣ.

Ханъ. Великая повелительница, мы не могущественны въ нашей странѣ и мы не надменны. Мы не шутимъ святыней.

Царица. Ты думаешь, я надменна и шучу? Но, правда же, я тебѣ добра желаю.

Ханъ. Если бы я и народъ мой могли бы перейти въ твое учение, мы бы не противились тебѣ изо всѣхъ силъ. Ты нападаешь на нашу страну и хочешь насъ крестить:

мы не хотимъ, чтобы насъ крестили. Мы будемъ бороться до послѣдняго человѣка.

(Фатима бьетъ въ ладоши).

Ханъ. Твой пророкъ былъ іудей, нашъ—арабъ; ты вступишь въ своего, мы въ своего. Ты помѣнялась бы?

Царица. Нѣтъ.

Ханъ. И мы тоже нѣтъ.

(Фатима бьетъ въ ладоши).

Царица. Фатима!

Фатима. Прости, царица.

Ханъ. Мы тихо жили въ Товинѣ, и солнце свѣтило намъ днемъ и звѣзды ночью. Тогда ты пришла въ нашу страну; ты вошла въ наши жилища и окрасила кровью свои копья.

Царица (смущенная). Отвѣть ты ему, досточтимый отецъ. Мнѣ... мнѣ кажется онъ правъ... нѣсколько правъ.

Настоятель. А вы въ Товинѣ, всѣ какъ голубки, не окрашиваете кровью вашихъ копій? Много народу изъ Эрзерума, который окрестила царица, вы загнали въ горы и умертвили.

Ханъ. Когда это извѣстіе дошло до моихъ ушей, я предложилъ удовлетвореніе, чтобы остаться въ дружбѣ съ великой царицей.

Царица. И я потребовала удовлетворенія.

Ханъ. Ты потребовала нашу вѣру.

Настоятель. Такимъ образомъ, ты, ханъ, вызвалъ войну. Царица предложила вамъ креститься, и послѣ этого вы беззаботно могли бы жить въ своихъ виноградникахъ, подъ своими фиговыми деревьями: ты выбралъ противостоять ей.

Ханъ. Пророкъ повелѣлъ намъ бороться, когда нашей вѣрѣ грозитъ опасность. А твой пророкъ не повелѣваетъ этого?

Настоятель. Поставь ему разъ навсегда твои условія, царица. Ты кротостью здѣсь ничего не сдѣлаешь.

Царица. Ты знаешь мои условія, ханъ. Что ты отвѣтишь на нихъ?

Ханъ. Если бы у меня было больше воиновъ, чѣмъ у тебя, царица, если бы я одолѣлъ тебя, ты стала бы одной изъ нашихъ?

Царица (задумывается). Нѣтъ, нѣтъ—что же я задумалась? Я бы не стала вашей. Никогда.

Настоятель. Это правильно, дитя мое.

Ханъ. Какъ же ты предлагаешь мнѣ стать однимъ изъ вашихъ?

Настоятель. Онъ слѣпъ и не видитъ своего собственного спасенія.

(Князь Георгій, его адъютантъ и игумень входятъ всѣ трое съ копьями въ рукахъ. У адъютанта перекинуть на рукѣ плащъ).

Царица. Да, онъ слѣпъ. И все же я никогда не видывала у слѣпого такого взгляда.

Князь Георгій. О-о- въ твоихъ глазахъ подъ покрываломъ огонь, Тамара.

Настоятель. Князь Георгій, ты ошибаешься, царица холодна.

Царица. Проси Бога, досточтимый отецъ, чтобы я всегда была такой!

Князь Георгій. Георгій, Русуданъ во дворѣ вѣрно?

Царица. Да, они во дворѣ. Простись съ ними, прежде чѣмъ пойдешь.

Князь Георгій. А съ тобой?

Царица. Со мной? (Молчить).

Князь Георгій. Ты не хочешь?

Царица (поднимается и поспѣшно спускается со ступеней). Нѣтъ, нѣтъ, Георгій, я хочу! (Откидываетъ покры-

вало, обнимаетъ и цѣлуетъ его). Господь съ тобой! (Опускаетъ снова покрывало на лицо).

Князь Георгій. И съ тобой, Тамара. (Крестится передъ иконой и уходитъ въ сопровожденіи своей свиты).

Царица. Видишь, ханъ, вотъ князь Георгій теперь уходитъ къ новымъ побѣдамъ надъ врагами христіанства. Онъ великій воинъ.

Ханъ. У него больше солдатъ, чѣмъ у насъ.

Царица. Сегодня ночью онъ побѣдитъ хана Карскаго. Никуда не укроешься отъ князя Георгія.

Ханъ. Все въ рукахъ Аллаха. Захочетъ Аллахъ даровать ему побѣду, онъ побѣдитъ. Никто не можетъ укрыться отъ воли Аллаха.

Царица. Ты каждый разъ отвѣчаешь мнѣ, какъ будто ты не мой плѣнникъ. Какъ это возможно? Все, что я говорю, пропадаетъ для тебя.

Настоятель. Такъ покажи ему свою власть, царица, и онъ покорится тебѣ.

Царица. Досточтимый отецъ, писцы могутъ уходить. (Настоятель принимаетъ отъ писцовъ пергаменты и просматриваетъ ихъ. Писцы въ это время стоятъ, выжидая, и слѣдятъ за нимъ глазами).

Ханъ. Все, что ты говоришь? Нѣтъ, не все, что ты говоришь, пропало для меня, повелительница. И я дрожу отъ твоего голоса; такой у тебя голосъ.

Царица. Но я и непреклонна, не забудь этого.

Ханъ. Такъ ты вѣрно рѣшила мою участь, если ты непреклонна. Скажи мнѣ, что ты рѣшила, чтобъ я больше не утруждалъ тебя. Смерть?

Царица. Чью смерть? Твою смерть? Нѣтъ.

Ханъ. Ты за мой трупъ можешь получить больше, я потому сказалъ это.

Царица. Боже мой, ты такого высокаго мнѣнія о моей жестокости, ханъ!

Ханъ. За то, что ты мнѣ жизнь даруешь, я дамъ тебѣ много земли, и много виноградниковъ за твою кротость. А въ Товинѣ у меня много цвѣтовъ въ садахъ, ихъ я дамъ тебѣ за красоту твою.

Царица. У меня земли достаточно и много садовъ на моихъ земляхъ.

Ханъ. У меня нѣтъ больше ничего, что бы я могъ тебѣ дать.

Царица. Подумай, у тебя быть можетъ есть что-нибудь еще. Я подожду... Здѣсь такъ много людей. Почему писцы не уходятъ?

(Настоятель дѣлаетъ знакъ писцамъ. Они уходятъ изъ залы черезъ главный выходъ. Настоятель кладетъ пергаменты на столъ царицы).

Царица. Досточтимый отецъ, ты усталъ, ты можешь удалиться отдохнуть.

Настоятель. Я запру плѣнника.

Царица. Я сама запру его. (Беретъ ключъ и отворяетъ дверь, обитую желѣзомъ).

(Ханъ подноситъ палецъ къ груди, ко рту и ко лбу и уходитъ. Настоятель протягиваетъ руку за ключемъ).

Царица. Ключъ остается у царицы. (Откидываетъ покрывало). Какъ это странно, Фатима. Здѣсь сразу стало такъ пусто. Здѣсь больше нѣтъ совсѣмъ людей.

Фатима. Ханъ ушелъ.

Царица. То-есть и ханъ ушелъ... Досточтимый отецъ, ты можешь удалиться на покой. (Садится на одинъ изъ дивановъ).

(Настоятель кланяется и удаляется черезъ главный выходъ).

Фатима. Хочешь музыки и танцовщицъ?

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, у насъ тутъ плѣнникъ въ

крѣпости... Я думаю, какъ тоскливо ему сидѣть тамъ. Онъ могъ бы тутъ быть. Я не знаю, можетъ ли онъ тутъ быть.

Фатима. Позвать мнѣ его сюда?

Царица. Если хочешь, Фатима. Какъ ты хочешь. Да, позови его сюда; здѣсь ему будетъ прохладнѣй. И у меня покрывало на лицѣ, какъ у тебя.

(Фатима беретъ ключъ).

Царица. Подожди немного, подожди немного. Позови Меседу.

Фатима (зоветъ изъ-за второго занавѣса) Меседу!

Царица. Она мнѣ надѣла сегодня разные чулки, это непростительно. Всѣ въ крѣпости видѣли на мнѣ разные чулки. Ханъ стоялъ и смотрѣлъ на мои ноги.

(Появляется Меседу, выслушиваетъ приказаніе Фатимы и поспѣшно опять убѣгаетъ).

Царица. И другія туфли, Фатима. Самыя лучшія туфли мои. Есть у меня туфли съ изумрудами?

Фатима. Это самыя лучшія твои туфли. Лучше этихъ у тебя нѣтъ.

Царица. Такъ у меня нѣтъ изумрудовъ. Эти съ жемчугами. Мнѣ бы нужны были красивыя туфли, не правда ли Фатима?

(Меседу приноситъ персидскіе шелковые чулки).

Царица. Нѣтъ, не желтые. Дай мнѣ бѣлый, парный къ тому, что на мнѣ.

(Меседу становится на колѣни и надѣваетъ ей чулокъ).

Царица. Меседу, ты должна отнынѣ быть внимательной къ тому, какіе ты чулки мнѣ подаешь, чтобъ они были парные... Царица такъ сказала. Потому я хочу, чтобъ мнѣ приготовили нѣсколько паръ красивыхъ туфель, какъ у меня были въ юности.

Меседу (встаетъ). Что еще прикажетъ царица?

Царица. Да, зеркало.

Меседу. Зеркало? У тебя тамъ большое зеркало.

Царица. Развѣ у меня нѣтъ маленькаго?

Меседу. Нѣтъ.

Царица. У меня было одно въ юности. Я носила маленькое зеркальце въ карманѣ и часто смотрѣлась въ него.

Фатима. Но на тебѣ покрывало, царица; никто не видитъ твоего лица.

Царица. Хорошо, ты можешь идти, Меседу. Мнѣ не надо зеркала.

(Меседу уходитъ).

Царица. Позови его теперь. (Опускаетъ покрывало).

Фатима. Одно слово, царица: не будь слишкомъ красива для хана.

Царица. Что ты говоришь, Фатима?

Фатима. Онъ молодъ. Ты можешь довести его до того, что онъ забудетъ свою страну, забудетъ то, что важнѣе всего.

Царица. Позови его.

(Фатима исчезаетъ за дверью, обитой желѣзомъ. Царица сидитъ съ минуту спокойно, затѣмъ встаетъ, становится передъ иконой, шепчетъ что-то, крестится, кланяется и возвращается на свое мѣсто. Она поправляетъ такъ складки юбки, что дѣлаются видны чулки).

Ханъ и Фатима.

Царица. Тебѣ тоскливо тамъ, ханъ. Если ты хочешь быть здѣсь, мы противъ этого ничего не имѣемъ.

Ханъ. Благодарю тебя за твое доброе сердце, царица. Но мнѣ тамъ не тоскливо. Я думаю о своемъ народѣ, оставшемся безъ господина.

Царица. Это тебѣ сейчасъ Фатима сказала?

(Ханъ молчитъ).

Фатима. Да, царица, я это ему сказала.

Царица. Въ моемъ обществѣ ты не оставишь своего народа, ты будешь служить ему еще лучше, я помогу тебѣ.

Ханъ. Всѣ Товинцы будутъ тебѣ благодарны. Я ихъ послѣдній ханъ. У нихъ нѣтъ другого.

Царица. Не правда ли здѣсь прохладнѣе?

Ханъ. Да. А если ты при выходѣ поставишь часовыхъ, ты можешь быть еще спокойнѣе за меня.

Царица. Часовыхъ? Я объ этомъ не подумала. Нѣтъ, не надо часовыхъ. Тогда опять здѣсь будетъ больше людей, а здѣсь достаточно людей... Я не понимаю, Фатима, мнѣ кажется опять, что здѣсь много народу.

Фатима. Однимъ человѣкомъ стало больше.

Царица. Не поищешь ли ты во дворцѣ Георгія и Русудана? А когда найдешь ихъ, скажи имъ, чтобы пришли сюда.

(Фатима уходитъ).

Царица. У меня не было намѣренія сдѣлать твой плѣнъ такимъ приятнымъ, чтобы ты забылъ свой народъ.

Ханъ. Я не забуду свой народъ. Фатима, твоя подруга, ошибается. Я не оплакиваю громко свой народъ и себя. Но я размышляю о насъ.

Царица. И о моихъ условіяхъ?

Ханъ. Нѣтъ.

Царица. Нѣтъ? А слѣдовало бы. О чемъ же ты думаешь?

Ханъ. Три ночи и три дня я думалъ о бѣгствѣ. Но я былъ безоруженъ.

Царица. Но теперь тебѣ вернули твое оружіе.

Ханъ. Да. Но теперь я видѣлъ тебя, и я больше не думаю о бѣгствѣ.

Царица. Я твоихъ словъ не понимаю... Какъ случилось, что твою крѣпость взяли?

Ханъ. Предательство. Одинъ изъ моихъ рабовъ ушелъ съ большимъ ключемъ къ князю Георгію.

Царица. Этого супругъ мой не рассказалъ мнѣ. Но князь Георгій вѣдь не взялъ ключа, когда тотъ принесъ его?

Ханъ. Онъ не взялъ ключа?

Царица. Нѣтъ. Быть можетъ, кто-нибудь другой, но не онъ взялъ его. Я слышала, что это былъ кто-то другой... Теперь, ханъ, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Ты когда-то жилъ въ замкѣ у калифа; расскажи мнѣ что-нибудь о жизни тамъ.

Ханъ. Это было давно. Но я ничего не забылъ. Я бы могъ рассказать о мудрости калифа и о его могуществѣ.

Царица. Ты бы лучше рассказалъ о себѣ самомъ. Что ты тамъ дѣлалъ?

Ханъ. Я былъ гостемъ калифа, и его ученикомъ. Я научился многимъ наукамъ у его ученыхъ. Въ осеннюю пору мы выѣзжали на охоту и убивали большихъ звѣрей; когда мы возвращались домой, насъ на пути встрѣчали пѣвцы и танцовщицы.

Царица. Знаешь, ханъ, что я тебѣ скажу... Я лучше встану. Ты такой большой, когда стоишь.

(Поднимается и откидываетъ покрывало).

Ханъ. Ты поднимаешь покрывало!—

Царица. Я подчинилась твоему обычаю, теперь подчинись ты моему. Одно мгновеніе. Ты можешь посмотреть на меня.

Ханъ. Такъ красива царица Грузіи!

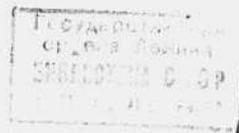
Царица. Благодарю за эти слова—ты радость мнѣ доставилъ ими. Я царица, но я радуюсь твоимъ словамъ. Я показала тебѣ мое лицо, потому что у меня немного что есть другого.

(Опускаетъ покрывало).

Ханъ. Ты какъ будто звѣзды бросаешь въ меня.

(Фатима вводитъ за руку Георгія и Русудана).

Царица. Да благословитъ тебя Богъ. Благодарю тебя

за твои слова; такъ бѣдна я. Посмотри, какъ радуются мои дѣти, такъ радуюсь и я. (Обнимаетъ дѣтей). Поиграйте съ этимъ чужимъ человѣкомъ, поищите его, когда онъ будетъ прятаться за колоннами!

(Ханъ прячется, дѣти ищутъ его, онъ снова прячется, они снова ищутъ. Потомъ дѣти начинаютъ играть одни и вскорѣ исчезаютъ за вторымъ занавѣсомъ).

Царица. Ты можешь идти, Фатима.

(Фатима уходитъ за второй занавѣсъ.

Солнце склоняется къ закату).

Ханъ. Ты не боялась, чтобъ я не скрылся украдкой.

Царица. Я не знаю. Я не подумала объ этомъ.

Ханъ. Нѣтъ, ты знаешь. Ты хорошо знаешь свою власть, царица Тамара. Ты знала, что я не скроюсь.

Царица. Пусть такъ. Я не подумала о томъ, что ты сказалъ, но твои слова такъ удивительны для меня.

Ханъ (проводитъ рукой по глазамъ). Царица, ты какъ будто завела меня въ кусты мандрагоръ. Это опасные цвѣты. Они что-то дѣлаютъ со мной.

Царица. Они и со мной что-то дѣлаютъ. Мы оба въ кустѣ.

Ханъ (близко подходит къ ней). Ты хочешь обратить меня. Вотъ, что ты хочешь сдѣлать.

Царица. Я хочу спасти тебя. Посмотри же въ лицо твоей судьбѣ и не противься мнѣ больше.

Ханъ. Ты хочешь обратить меня и крестить; поэтому ты такъ стараешься.

Царица. Поэтому? Лишь поэтому? (Измѣненнымъ голосомъ). Да, это такъ. Почему же мнѣ иначе стараться? Я вижу въ этомъ спасеніе твое и твоего народа.

Фатима (входитъ). Великій ханъ, солнце зашло. Ты забылъ свой часъ молитвы. (Уходитъ).

(Быстро темнѣетъ).

Ханъ. Она права. Ты доводишь меня до того, что я все забываю. Чтобъ наказать себя, я не лягу спать сегодня, я просижу всю ночь. Да будетъ милостивъ ко мнѣ Аллахъ! (Подноситъ пальцы къ груди, ко рту, ко лбу и идетъ къ своей двери).

Царица (протягиваетъ руку). Возьми мою руку, ханъ!

Ханъ. Наши обычаи другіе, чѣмъ твои.

Царица. Подумай объ моихъ условіяхъ этой ночью! (Запираетъ за нимъ дверь и беретъ къ себѣ ключъ; бросается на мгновеніе на диванъ).

Изъ глубины входитъ солдатъ въ плащѣ).

Царица. Что тебѣ?

Солдатъ (падая на колѣни). Гдѣ князь Георгій?

Царица. Онъ уѣхалъ въ лагерь.

Солдатъ. Я всюду искалъ его и не могу найти. Его нигдѣ нѣтъ и по дорогѣ.

Царица. Онъ вернется. Ихъ было трое.

Солдатъ. Я встрѣтилъ пастуха, который сказалъ, что онъ видѣлъ въ горахъ мертваго всадника. Это могъ быть князь Георгій.

Царица. (Вздрагиваетъ). Мертваго всадника? Какъ онъ выглядѣлъ? Нѣтъ, это не онъ. А какъ онъ былъ убитъ?

Солдатъ. Ударомъ въ спину.

Царица. Въ спину?

Солдатъ. И въ затылокъ.

Царица. Это не онъ. Князь Георгій не далъ бы ранить себя въ спину. Тебя послалъ Тарасъ?

Солдатъ. Да.

Царица. Скажи Тарасу, что князь Георгій навѣрное вернется. Иди. (Она идетъ ко второму занавѣсу).

(Солдатъ поднимается и сбрасываетъ плащъ. Это князь Георгій).

Царица. Георгій!

Князь Георгій. Онъ самъ. Я не былъ убитъ сегодня ночью.

Царица (шатаясь, подходитъ къ дивану). Какъ безобразно ты шутишь, Георгій.

Князь Георгій (смутившись на мгновение). Ты права. Я не то хотѣлъ. Я хотѣлъ... Но спасибо за хорошее мнѣніе обо мнѣ.

Царица. Какое хорошее мнѣніе?

Князь Георгій. Что я не погибъ бы отъ раны въ спину. Ты это сейчасъ сказала.

Царица. Надо же мнѣ было что-нибудь сказать.

Князь Георгій. Ты этого не думала?

Царица. Тебѣ сегодня ночью надо было быть въ лагерѣ,—не такъ ли?

Князь Георгій (холодно). Я послалъ туда моего проводника, а самъ вернулся. Я сегодня не буду въ лагерѣ, какъ я тебѣ обѣщаль.

Царица. Объ этомъ я тебя не просила. Хорошо, что Тарась въ лагерѣ.

Князь Георгій. А ты сама стала тюремнымъ надсмотрщикомъ? Не лучше ли мнѣ къ себѣ спрятать этотъ ключъ?

Царица. Я довѣряю его только царицѣ.

Князь Георгій. Ха-ха—а не супругу царицы?

Царица. Нѣтъ, не супругу царицы.

Князь Георгій. Супругъ царицы невысоко поставленъ въ этомъ домѣ.

Царица (поднимаясь). Но онъ высоко стоялъ, а—высоко! Наивысшее мѣсто я дала ему у себя. Помнишь, въ Тифлисъ, ты былъ единственнымъ между всѣми, котораго я выбрала, и я гордилась этимъ.

Князь Георгій. Вышло такъ, что мнѣ надо было

стать отцомъ Георгія. А послѣ этого, я не былъ ничѣмъ другимъ.

Царица. Вышло такъ скорѣй, что ты для меня былъ великимъ властелиномъ, и я любила тебя. Вотъ какъ это вышло. Ты былъ единственный князь между всѣми, которыхъ я видѣла. Когда ты возвращался домой, я встрѣчала тебя съ музыкой и цвѣтами, а когда ты уходилъ въ походъ, становилось тихо и темно въ Тифлисъ. Какъ будто звѣздное небо опрокидывалось въ море.

Князь Георгій. Но теперь это не такъ?

Царица. Да, теперь это не такъ.

Князь Георгій. Ну, что же. Милостыни я у тебя просить не буду.

Царица. Въ началѣ твое сердце было, какъ сердце ребенка, и мы были вмѣстѣ въ городахъ и на большихъ базарахъ. Потомъ ты повелъ другую жизнь.

Князь Георгій. Да—съ твоими дѣвушками?

Царица. Замолчи. Я этому не вѣрю. Это, какъ ты хочешь; меня это не касается. Что ты вообразилъ себѣ? Скажи мнѣ лучше, почему у тебя прежде было другое сердце? Ты многихъ враговъ бралъ въ плѣнъ и рѣдко убивалъ. Теперь это не такъ.

Князь Георгій (смотреть на нее). Тамара, мы не подѣлимъ эту вину?

Царица. Подѣлится? Нѣтъ? Развѣ я требовала отъ тебя кровожадности?

Князь Георгій. Требовала? Ты меня толкала, при- нуждала—вотъ чего ты отъ меня требовала. Ты улыбаешься. Я вижу при свѣтѣ лампы, какъ ты стоишь и улыбаешься. Хорошо, царица, я тоже не плачу.

Царица. Ты усталъ отъ твоихъ побѣдъ, потому ты такъ зло говоришь. Отдохни, лягъ спать. Покойной ночи Георгій.

Князь Георгій. Покойной ночи, Тамара. Милостыни я не буду просить у тебя.

Царица. Хорошо, что Тарасъ сегодня ночью въ лагерь.

(Уходитъ за второй занавѣсъ).

Князь Георгій (одинъ). Прежде всего хорошо, что меня сегодня ночью нѣтъ въ лагерь.

(Уходитъ за первый занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Подъ утро. Заль темень, входъ въ глубинѣ занавѣшенъ. Одна маленькая лампада горитъ только передъ иконой.

Быстро свѣтаетъ.

Фатима входитъ изъ-за второго занавѣса; у нея въ рукахъ желѣзная лампа, она отпираетъ дверь, обитую желѣзомъ, и исчезаетъ за ней. Черезъ мгновеніе она возвращается, въ сопровожденіи хана, запираетъ за собою дверь и беретъ съ собою ключъ.

Фатима. Ты думаешь, насъ плѣнники видѣли?

Ханъ. Я не знаю... Что тебѣ отъ меня нужно?

Фатима. Я хочу тебя спасти.

Ханъ. Спасти меня?

Фатима. Чтобы ты опять могъ быть съ твоимъ народомъ. Ты вѣдь началъ забывать его.

Ханъ. Я не забывалъ своего народа; я думалъ объ этомъ. Ты видѣла. Я просидѣлъ всю ночь и думалъ объ этомъ.

Фатима. Царица до сихъ поръ не спала, отъ своихъ мыслей. Я не могла придти раньше. Теперь царица спитъ и я взяла у нея ключъ. Иди сюда.

(Идетъ направо, въ глубину).

Ханъ. Что же мнѣ, бѣжать?

Фатима. Да. Чтобы ты не долго тутъ жилъ и не заблѣлъ своей вѣры. Вчера ты заблѣлъ часъ молитвы, когда былъ около царицы.

Ханъ. Это правда.

Фатима. Я знаю дорогу подь замкомъ, ведущую въ горы. Иди сюда.

(Отворяетъ потайную дверь направо въ глубинѣ).

Ханъ (не двигаясь). Я не хочу бѣжать.

Фатима (возвращается). Что ты сказалъ?

Ханъ. Ты другъ царицы?

Фатима. Да, и слуга пророка. А ты кто? Ты уже заразился учениемъ Христа?

Ханъ. Не знаю. Нѣтъ, учениемъ Христа я не заразился. Но я не хочу бѣжать.

Фатима (ломая руки). О, Аллахъ! Онъ не хочетъ бѣжать! Онъ не хочетъ бѣжать! (Подходитъ къ нему близко). Или мнѣ придется тебѣ сказать правду, ханъ? Я поступаю по повелѣнію царицы.

Ханъ. Царицы? По повелѣнію ея?

Фатима. Да. Теперь ты бѣжишь?

Ханъ. Но ты сказала, что царица спала, и что ты у нея взяла ключъ?

Фатима. Чтобъ пощадить царицу я такъ сказала. Царица не хотѣла помочь бѣжать своему собственному плѣннику, потому я такъ сказала. Она мнѣ дала ключъ и сказала: выпусти его!

Ханъ (идетъ за ней къ потайной двери). Это другое дѣло. (Останавливается). Въ такомъ случаѣ мнѣ нужно поблагодарить царицу.

Фатима. Ужъ разсвѣтаетъ, ханъ, почти уже совсѣмъ свѣтло. Въ это время слуги встаютъ въ замкѣ; они сейчасъ войдутъ сюда поднявъ занавѣси. Тогда будетъ поздно.

(Ханъ задумывается).

Фатима. Я слышу шаги въ прихожей. Это слуги идутъ сюда. Что же ты ждешь? Ты хочешь посрамить доброе сердце царицы?

Ханъ. Нѣтъ. (Идетъ черезъ потайную дверь и сходитъ нѣсколько ступеней внизъ, такъ что видно только верхнюю часть его тѣла). Царица сказала: выпусти его?

Фатима (суетъ ему лампу въ руку). Да. И дала мнѣ ключъ.

Ханъ. Тогда пусть будетъ такъ. О, царица знаетъ хорошо свою власть, она знаетъ, что связала меня.

Фатима. Она тебя связала? Ты знаешь, что царица христіанка?

Ханъ. Она выказала много мягкости ко мнѣ.

Фатима. Царица? Постыдись ты, грѣшникъ! Такія слова развѣ достойны хана Товинскаго? Молю Аллаха, чтобы онъ отвратилъ свой гнѣвъ отъ тебя!

Ханъ. Ты права, женщина. Я смирюсь передъ Аллахомъ и не сойду съ его пути.

Фатима. Такъ хорошо. Ты не долженъ сходить съ пути Аллаха. Разыщи свой народъ, ханъ, и поведи его снова на враговъ пророка. Найдешь ли ты дорогу въ горахъ?

Ханъ. Я знаю, гдѣ укрылся мой народъ.

Фатима. Гдѣ?

Ханъ. Къ востоку у горы Аллагесъ.

Фатима. Если я могу тебѣ помочь, я сдѣлаю все. Тебя встрѣтитъ вѣстникъ у горы Аллагесъ?

Ханъ. Да, черезъ нѣсколько дней и ночей. Потомъ быть можетъ мы возьмемъ назадъ мой замокъ, тогда меня тамъ встрѣтитъ вѣстникъ. Я чувствую, я буду воевать съ большимъ воодушевленіемъ!

Фатима. Это хорошо.

Ханъ. Но поклонись царицѣ. Я помню ея голосъ; онъ подобенъ многимъ струнамъ.

Фатима (прислушивается; быстро). Иди! Дорога выходитъ къ каменистому срыву, тамъ тебя никто не найдетъ. Къ тому же сегодня густой туманъ надъ Ани.

Ханъ. Передай ей благодарность отъ меня!
(Фатима запираетъ за нимъ дверь и выходитъ изъ залы че-
резъ второй занавѣсъ).

Князь Георгій (изъ-за перваго занавѣса). Отецъ
игуменъ, ты вернулся? (Прислушивается). Кто говорилъ?
(Прислушивается; идетъ къ двери, обитой желѣзомъ, и сту-
чить въ нее). Вы здѣсь, грузины?
(Слышно, какъ изнутри отвѣчаютъ. Появляется нѣсколько
слугъ и откидываютъ занавѣси въ глубинѣ. Воздухъ бѣлый
отъ тумана; все затянато имъ).

Князь Георгій. Игуменъ вернулся?

Первый слуга. Игуменъ въ своей кельѣ.

Князь Георгій. Позови его!

(Первый слуга уходитъ).

Князь Георгій. Это вы сейчасъ здѣсь говорили?

Второй слуга. Мы не говорили, господинъ.

Князь Георгій. Кто-нибудь говорилъ. Царица была
здѣсь?

Второй слуга. Царица? Мы не видали ея. Царица
спитъ.

Князь Георгій. Вы не слыхали, что царица здѣсь
съ кѣмъ-то говорила?

Второй слуга. Нѣтъ господинъ. Царица не вставала.

Князь Георгій. Такъ ходите тихонько, чтобъ не
разбудить царицу. (Садится. Входитъ игуменъ изъ-за второго
занавѣса).

Князь Георгій. Вы скоро тамъ кончите?

Второй слуга. Мы кончили.

(Всѣ слуги уходятъ).

Князь Георгій. Ну?

Игуменъ. Я только что вернулся; скакалъ всю ночь
напролетъ. Никто не видалъ меня, горы скрывали меня,
туманъ скрывалъ меня.

Князь Георгій. Ты видѣлъ хана Карскаго?

Игуменъ. Я видѣлъ хана Карскаго, и онъ выслушалъ
меня.

Князь Георгій. Ну, а меня-то, онъ выслушалъ?

Игуменъ. Онъ выслушалъ тебя.

Князь Георгій (вскакиваетъ). Онъ выслушалъ меня?

Игуменъ. Онъ посылаетъ тебѣ поклонъ и благодар-
ность за твое письмо. А позже онъ пошлетъ тебѣ богатые
дары.

Князь Георгій. Отецъ игуменъ, ты оказалъ мнѣ важ-
ную услугу.

Игуменъ. Я можетъ быть не оказалъ бы тебѣ этой
услуги, если-бы царица не обошлась со мной пренебрежи-
тельно и не оскорбила бы меня. Я подслушиваю въ купальнѣ,
сказала она.

Князь Георгій. Царица оскорбила вчера не тебя
одного. Развѣ она не оскорбила меня?

Игуменъ. Онъ сказала такъ, что всѣ это слышали.
И настоятель тоже слышалъ.

Князь Георгій. Если она и оскорбляетъ насъ—мы
всѣ слуги царицы—помни это!

Игуменъ. Мы всѣ слуги царицы? Я сегодня ночью слу-
жилъ тебѣ.

Князь Георгій. Ты долженъ хорошо говорить о ца-
рицѣ. Она не оскорбляетъ намѣренно никого, кромѣ меня.

Игуменъ. Что же я одинъ остался со своимъ озло-
бленіемъ, князь Георгій? Тебя царица вѣрно поманила?

Князь Георгій. Меня царица не манила. Я бы не
послушался ея и не пошелъ бы къ ней. Я твердъ въ своемъ
замыслѣ. Что ты общалъ хану Карскому?

Игуменъ. Всѣ, что ты сказалъ и что стояло въ твоемъ
письмѣ; дождайся спокойно полуночи, сказалъ я, тогда
придетъ князь Георгій и поведетъ твое войско въ лагерь

царицы и умертвить тамъ всѣхъ. Ханъ отвѣтилъ: да будетъ такъ.

Князь Георгій. Что говорилось еще?

Игуменъ. Когда ханъ прочелъ, что царица холодно на тебя смотреть, онъ спросилъ: развѣ супругъ царицы такъ бѣденъ, что у него нѣтъ гарема? Я отвѣтилъ; князь Георгій не язычникъ!

Заидата (входитъ черезъ второй занавѣсъ). Царица идетъ! (Исчезаетъ).

Князь Георгій. Царица? Уже? Она въ большой тревогѣ и не спитъ. Вѣрно ханъ Товинскій далъ ей вчера много о чемъ подумать. О,— а завтра я дамъ ей подумать. Склоненной, склоненной передо мной будетъ стоять царица. Но ничего дурного я ей не сдѣлаю, отецъ игуменъ.

Игуменъ. Ты ее покарнешь.

Князь Георгій. Въ мѣру. Великодушно. Большая красота въ ея глазахъ, когда она боится. А затѣмъ я брошу къ ея ногамъ царство и возвышу ее.

Игуменъ. Но не тотчасъ. Не сейчасъ?

Князь Георгій. Нѣтъ, почти тотчасъ. Сейчасъ же. Потому что еще больше красоты въ ея глазахъ, когда она радуется... Отецъ игуменъ, что говорилъ еще ханъ Карскій? Онъ показался тебѣ великимъ, могущественнымъ? (Встаетъ). Пойдемъ со мной и доложи мнѣ обо всемъ.

Игуменъ. Два ряда копыеносцевъ стояло передъ нимъ въ то время, какъ я съ нимъ говорилъ.

(Князь Георгій уходитъ за занавѣсъ въ глубинѣ).

(Входитъ царица, безъ покрывала, въ великолѣпномъ одѣяннн, много украшеннй на рукахъ выше локтей; въ рукѣ у нея ключъ отъ двери, обитой желѣзомъ. За ней входитъ Фатима и много дѣвушекъ).

Царица. Велите позвать настоятеля... Видишь, Фатима,

ужъ бѣлый день стоитъ надъ міромъ. Почему мнѣ было не встать?

Фатима. Ты поздно заснула, царица, и спала спокойно отъ множества мыслей.

Царица. Но я спала хорошо, когда я спала... Я не понимаю, почему сегодня такой густой туманъ лежитъ надъ Ани. Я такъ бы радовалась, если-бы сегодня свѣтило солнце. Но несмотря на это, я все же радуюсь... Можете всѣ уходить... Нѣтъ, не ты, Фатима—останься на минуту.

(Всѣ дѣвушки уходятъ).

Царица. Сегодня царица сдѣлаетъ поступокъ, который обрадуетъ тебя. Я придумала его сегодня ночью.

Фатима. Аллахъ благословить тебя!

Царица. Да, и Аллахъ меня благословить. Я жду настоятеля, чтобы узнать, что онъ скажетъ. Ты слышала, какъ я смѣялась во снѣ сегодня ночью? Сонъ мой былъ свѣтлый, и не было никакой печали во мнѣ.

Фатима. И лицо у тебя свѣжее сегодня, хотя ты такъ мало спала.

Царица. У меня свѣжее лицо? Я отнынѣ хочу носить маленькое зеркальце въ карманѣ. Ты говоришь, у меня свѣжее лицо?

Фатима. Ты сияешь. Какъ-будто радость нахлынула на тебя и сдѣлала тебя счастливой.

Царица. Я и о тебѣ подумаю, Фатима, и возвышу тебя. Ты не должна больше грустить. Ты слышала, что я говорила во снѣ сегодня ночью?

Фатима. Нѣтъ.

Царица. У меня больше не было печали, это было, какъ много лѣтъ тому назадъ въ Тифлисъ.

Фатима. Ты спала, покрывъ голову рукой.

Царица. Это потому, что я хотѣла быть одна.

Настоятель (изъ-за занавѣса въ глубинѣ). Ты призвала меня въ ранній часъ, царица. Случилось что-нибудь?

(Фатима уходитъ).

Царица. Нѣтъ, ничего. Царица счастлива сегодня. Пойди сюда. (Они садятся).

Царица. Досточтимый отецъ, у насъ война съ Товинцами. Но у нихъ нѣтъ больше вождя. Мы держимъ ихъ владыку тутъ въ замкѣ плѣнникомъ.

Настоятель. Это такъ. Господь тебѣ помогъ.

Царица. Съ нашей стороны не совсѣмъ только хорошо, что мы сражаемся съ войскомъ, которое осталось безъ вождя. Я обдумывала это сегодня ночью.

Настоятель. Не хорошо? Что ты хочешь сказать этимъ?

Царица. Что я хочу освободить хана Товинскаго.

Настоятель. Да—за настоящій выкупъ.

Царица. Нѣтъ, безъ всякаго выкупа. Я отпущу его, чтобы онъ могъ вернуться къ своему народу.

Настоятель. Ты этого не сдѣлаешь.

Царица. Я это сдѣлаю, досточтимый отецъ.

Настоятель. Почему? Быть можетъ тобою руководятъ тайные помыслы, въ которыхъ ты не хочешь сознаться дитя мое?

Царица. Ты думаешь? Самое главное освободить хана

Настоятель. Самое главное это твое побужденіе.

Царица. Досточтимый отецъ, ты старъ, а я молода, мои глаза иначе видятъ, чѣмъ твои. Я вижу, что если я отпущу хана, это больше подѣйствуетъ на Товинцевъ, чѣмъ кровь и желѣзо.

Настоятель. Они будутъ только благодарить Аллаха за чудесное спасеніе хана; это все.

Царица. Можетъ быть это не все. Быть можетъ сердце ихъ обратится къ христіанской царицѣ, кротость которой

взяла надъ всѣмъ верхъ, и имъ не такъ тяжело будетъ стать подъ ея скипетръ. Такъ видятъ это мои глаза. И калифъ это тоже узнаетъ когда-нибудь.

Настоятель. Никогда слуги Христа не воевали такъ.

Царица. А я на этотъ разъ такъ буду воевать. Я позвала тебя, чтобы сообщить тебѣ объ этомъ рѣшеніи. Вотъ оно мое рѣшеніе.

Настоятель (поднимается). Зачѣмъ-же ты призываешь меня, дитя мое, чтобы я выслушивалъ твои ночныя размышленія!

Царица. Князь Георгій возвратился; я тоже хочу сообщить ему о своемъ рѣшеніи.

Настоятель. Князь Георгій тебѣ отсоветуетъ.

Царица. Не будь такъ увѣренъ въ этомъ! Князь Георгій удивительный владыка; прежде онъ былъ другой. Теперь онъ, можетъ быть, найдетъ свое старое сердце и одобрить мое рѣшеніе. Дай хану лучшаго коня, чтобы онъ могъ вернуться къ себѣ, скажетъ онъ.

Настоятель (задумывается). Пусть будетъ такъ. (Идетъ, возвращается назадъ). Ты ведешь войну и съ ханомъ Карскимъ. Ты и его пощадишь такимъ образомъ?

Царица (раздумываетъ). Нѣтъ.

Настоятель. Но этого молодого язычника, котораго ты видѣла вчера, ты хочешь пощадить. Что это, что ты отъ меня скрываешь?

Царица. Я ничего не скрываю. Я дарую свободу хану.

Настоятель. Значитъ глаза его были слишкомъ теплы для тебя.

Царица. Этого я не знаю. Да, можетъ быть, это его глаза. Мое сердце устремилось къ нему; онъ былъ такъ одинокъ. И у нихъ въ Товинѣ нѣтъ другого хана.

Настоятель. Твое сердце устремилось къ нему? Тебѣ не слѣдовало этого говорить.

Царица. Да, да—мое сердце устремилось къ нему. И, мнѣ кажется, оно съ нимъ.

Настоятель. Замолчи, женщина. Тебя дурныя мысли посѣтили въ сегодняшнюю безсонную ночь.

Царица. Дурныя мысли? Нѣтъ, нѣтъ, свѣтлыя мысли, лучшія мысли, чѣмъ у тебя онѣ сейчасъ. Ты забываешься, отецъ настоятель!

Настоятель. Я не забываюсь; ты царица. Царица Грузіи на невѣрномъ пути.

Царица (вспыхиваетъ, овладѣваетъ собой). Ты не судья мнѣ.

Настоятель. Я смиренный слуга Христа въ твоемъ домѣ.

Царица. Ты отнынѣ не будешь больше служить въ моемъ домѣ.

Настоятель. Во имя Исуса Христа. Ты можешь все со мной сдѣлать.

Царица. Я сдѣлаю настоятелемъ игумена князя Георгія.

Настоятель. Да будетъ такъ. Я вновь монахъ среди моихъ монаховъ, Господь да будетъ съ тобой въ каждомъ дѣяніи твоемъ, и въ этомъ, Аминь.

(Уходитъ черезъ выходъ въ глубинѣ).

Царица (смотритъ ему вслѣдъ, бросается на диванъ, снова встаетъ). Я скажу это Георгію. (Идетъ къ первому занавѣсу, одумывается, возвращается). Нѣтъ, нѣтъ, скажу все! (Кричитъ по направленію перваго занавѣса). Георгій!

Первый слуга (появляется). Князь Георгій вышелъ.

Царица. Позови его.

(Слуга уходитъ).

Царица (оглядывается). Никого. Пусто! Я выпущу его. Да, выпущу. А князю Георгію скажу потомъ. (Приводитъ въ порядокъ свое платье, приподнимаетъ юбку, оглядываетъ

свои ноги, открываетъ затѣмъ дверь, обитую желѣзомъ, и кричить). Эй, грузины, подите сюда!

(Слышно какъ гремятъ цѣпи; черезъ мгновеніе оба плѣнника стоятъ въ дверяхъ, затѣмъ бросаются на землю).

Царица. Позовите хана оттуда. Того человѣка, одѣтаго въ черное, котораго вы видѣли.

Первый плѣнникъ. Хана? Его тамъ нѣтъ.

Царица. Да нѣтъ же, въ самой дальней кельѣ.

Второй плѣнникъ. Онъ ушелъ, царица. Мы видѣли, какъ онъ ушелъ.

Царица. Что ты говоришь? Позови хана!

Второй плѣнникъ. Онъ ушелъ, царица, его тамъ нѣтъ. За нимъ приходила женщина.

Царица. Женщина? Когда это было?

Второй плѣнникъ. Теперь. Когда еще не разсвѣло.

Первый плѣнникъ. У нея была лампа. Мы оба видѣли, какъ они уходили.

Царица. Вы спали, грузины. Подите туда посмотрите—тамъ ли онъ.

(Плѣнники уходятъ).

Царица. Ушелъ? Никогда! (Улыбается). Они воображаютъ, что видѣли, какъ царица его выпустила!.. А если онъ бѣжалъ? (Кричитъ). Нашли его?

(Слышно, какъ плѣнники что-то отвѣчаютъ).

Царица. Вы его не нашли?

Плѣнники (возвращаются и становятся на колѣни одинъ за другимъ). Нѣтъ.

Второй плѣнникъ. Нѣтъ. За нимъ приходила женщина, царица.

Царица. Женщина? Это была я?

Второй плѣнникъ. Нѣтъ. Женщина подъ длиннымъ покрываломъ.

Царица (у нея вырывается). Фатима!
Первый плѣнникъ. Она несла лампу. Еще не такъ давно.

Царица (спѣшить ко второму занавѣсу и зоветь).
Фатима! (Ходить взволнованная взадъ и впередъ; къ плѣн-
никамъ). У нея была лампа? Она вошла къ нему туда, и
они вмѣстѣ вышли?

Плѣнники (одинъ за другимъ). Да, такъ это.

(Входитъ Фатима).

Царица. Это она была?

Плѣнники (одинъ за другимъ). Да, она.

Царица. Можете уходить.

(Плѣнники уходятъ. Царица запираетъ за ними дверь, по-
ворачивается къ Фатимѣ и долго смотритъ на нее).

Царица. Открой лицо, Фатима!

(Фатима откидываетъ покрывало),

Царица. Ты освободила хана Товинскаго сегодня ночью?

Фатима (склоненная). Да, царица.

Царица. Тебѣ стыдно. Ты опускаешь глаза. Ты должна
была еще гораздо больше стыдиться.

Фатима. Нѣтъ, царица.

Царица. Нѣтъ? А знаешь ли ты, что отнынѣ ты от-
дана на мой судъ или мою милость? Ты знаешь это?

Фатима. Я это знаю. Ты все со мною можешь
сдѣлать.

Царица (бросается на диванъ). Зачѣмъ ты это сдѣ-
лала, Фатима? Ты плохо заплатила мнѣ за мою дружбу!

(Фатима молчитъ).

Царица. Ты хотѣла посрамить моего Бога и побѣдить
его, ты хотѣла, чтобы твой пророкъ былъ сильнѣе, чѣмъ мой.

Фатима. Да, такъ это. Ханъ начиналъ около тебя
забывать свою вѣру, потому что ты была такъ мила къ
нему.

Царица. Что сказалъ ханъ? Куда ты повела его?
Фатима (показываетъ). Вотъ этою дорогою.

Царица (всплескивая руками). Потайной дорогою? Ты
знала ее? Ты хорошо шпионила въ моемъ домѣ!

Фатима. Благодаря этому, я стала орудіемъ спасенія
хана.

Царица. Замолчи! Ты поступила недостойно. Я увѣ-
рена, что ханъ противился тебѣ. Что онъ сказалъ, ханъ?

Фатима. Я не поступила недостойно. Пророкъ самъ
напалъ на одинъ караванъ въ священный мѣсяцъ, и не по-
щадилъ ничьей жизни.

Царица. Это постыдно для твоего пророка.

Фатима (пламенья). Пусть Аллахъ накажетъ тебя
за твои слова!.. Что сказалъ ханъ? Ты думаешь онъ отка-
зывался бѣжать? Ханъ правовѣрный, онъ благословилъ меня
за великую побѣду надъ твоимъ Богомъ.

Царица. Онъ этого не сдѣлалъ... Ты горячишься, Фа-
тима, мнѣ жаль тебя.

Фатима (тронутая, бросается на землю). Прощенія,
царица!

Царица. Съ этого тебѣ бы слѣдовало начать. Садись.
(Фатима садится).

Царица. Нѣтъ не здѣсь, не около меня. Туда.
(Фатима мѣняетъ мѣсто).

Царица. А знаешь, что ты мнѣ испортила мой планъ
мира съ Товинцами?

Фатима. Нѣтъ.

Царица. Если-бы я сама сегодня освободила хана, то
онъ и его народъ приняли бы мою вѣру и сдѣлались бы моими
подданными.

Фатима. Тогда лучше, что я его выпустила и разожгла
его продолжать войну съ тобою.

Царица. Ты это сдѣлала?

Фатима. Да.

Царица. Такъ берегись!

Фатима. Чего беречься? Ты завоевала мою страну и утатила меня оттуда; о чемъ же рѣчь? О моей жизни? Возьми ее. Я не боюсь тебя. У насъ въ Эрзерумѣ была старинная поговорка: послѣдній день здѣсь на землѣ—первый день вѣчности.

Царица. Ты все еще разгорячена послѣ твоего вѣроломнаго поступка. Этого я не забуду тебѣ.

Фатима. Я поступила не вѣроломно.

Царица. Нѣтъ, очень вѣроломно. И ханъ—злосчастный, которому я выказала столько мягкости. Онъ не хочетъ бѣжать, сказалъ онъ вчера. А сегодня ночью бѣжалъ. Его юная душа была полна лжи. Вы всѣ такіе—магометане.

Фатима (вспыхивая). Въ священной войнѣ мы ничего не щадимъ и ничего не боимся. Вотъ какіе мы—магометане. (Князь Георгій и игумень выходятъ изъ-за занавѣса въ глубинѣ).

(Фатима опускаетъ покрывало).

Князь Георгій. Ты звала меня?

Царица. Фатима сегодня ночью выпустила хана Товинскаго,

Князь Георгій (ошеломленный). Выпустила хана? Фатима?

Игумень (приближается съ любопытствомъ). Послушаемъ-ка.

Царица. Въ то время, какъ я спала сегодня ночью—она взяла ключъ у моей постели и выпустила его.

Князь Георгій. Какъ, я сказалъ—ключъ надо было оставить мнѣ.

Игумень. Это величайшая новость, какую мнѣ приключилось слышать.

Князь Георгій. Можетъ быть мы можемъ его еще догнать. Какой дорогой онъ ушелъ?

Фатима. Этой дорогой.

Царица. Потайной дорогой, Георгій. Она знаетъ ее.

Игумень. Прости, я не могу молчать. Фатима входила къ нему?

Царица. Да, съ лампой.

Игумень. А какъ долго она тамъ оставалась?

Царица. Какъ это?

Игумень. Немало это имѣетъ значенія, сколько она тамъ оставалась!

Князь Георгій. Его надо догнать. Если-бы не туманъ, мы сейчасъ-бы его нашли... Почему Фатима сидитъ съ тобой?

Царица. Фатима? Я не знаю. Я не подумала объ этомъ.

Князь Георгій. У тебя два турка въ замкѣ, царица. (У нихъ есть шелковый шнурокъ).

Князь Георгій послѣшно идетъ къ выходу, за нимъ уходитъ игумень).

(Фатима поднимаетъ покрывало. Георгій, Русуданъ появляются изъ-за второго занавѣса. Они говорятъ одинъ за другимъ: здравствуй. Обнимаютъ и цѣлуютъ мать, потомъ бѣгутъ къ Фатимѣ и тоже обнимаютъ ее).

Царица. Нѣтъ, не ее. Фатиму не надо. Цѣлуйте меня только.

Дѣти (одинъ за другимъ). Фатиму тоже. (Цѣлуютъ ее).

Фатима. Аллахъ да благословитъ васъ.

Царица. Почему вы цѣлуете ее, дѣти? Вы любите Фатиму?

Дѣти (одинъ за другимъ). Да.

Царица (размышляетъ, поднимается). Ради дѣтей я прощаю тебя, Фатима.

(Уходитъ за второй занавѣсъ).

Фатима. Благодарю, царица. (Спѣшитъ за ней).

Георгій. Давай играть. Теперь ты ищи меня. (Прячется).

Русуданъ (которая стояла отвернувшись, начинаетъ искать). Вотъ ты гдѣ! (Оба снова появляются).

(Черезъ входъ въ глубинѣ входитъ ханъ Товинскій; онъ поспѣшно озирается кругомъ, кланяется, прикладывая палецъ къ груди, ко рту и ко лбу).

Ханъ. Не бойтесь, дѣти. Гдѣ ваша мать? Пойдите и скажите ей... Нѣтъ, не ходите. Давайте играть. Быть можетъ, она сама придетъ. Услышитъ насъ и, можетъ быть, придетъ. Мы играли вчера. Не бойтесь, дѣти! (Прислушивается и въ замѣшательствѣ смотритъ въ глубину комнаты). Скажите вашей матери, что ханъ вернулся. Теперь я спрячусь, только вы не находите меня. Милые дѣти, только не находите меня! Скажите царицѣ... (Прячется).

(Множество солдатъ съ копьями показываются въ глубинѣ; они останавливаются у входа, только двое изъ нихъ входятъ и оглядываютъ залъ).

Первый солдатъ. Сюда не входилъ человѣкъ? (Дѣти таинственно молчатъ).

Первый солдатъ. Человѣкъ, одѣтый въ черное?

(Дѣти молчатъ).

Второй солдатъ. Намъ не позволено искать внутри.

Первый солдатъ. Да, намъ не позволено искать здѣсь.

(Оба солдата удаляются).

Георгій (вмѣстѣ съ Русуданъ показываются). Какъ они плохо умѣютъ искать! Вотъ онъ!

(Нѣсколько солдатъ приближаются посмотрѣть, затѣмъ всѣ бросаются, слышенъ лязгъ мечей и копій за колоннами, затѣмъ раздается одинъ вскрикъ).

Георгій и Русуданъ (кричатъ другъ за другомъ).
Мать!

(Поспѣшно убѣгаютъ за второй занавѣсъ).

Первый солдатъ. Не дышитъ больше.

Второй солдатъ. Какъ же ему дышать, разъ въ него десять копій вонзили.

Первый солдатъ. Хорошо справились. Раненъ кто-нибудь?

Одинъ голосъ. Нѣсколько изъ насъ. Посмотри-ка.

(Они удаляются въ глубину залы. Многія копья окрашены кровью).

(Царица и Фатима поспѣшно входятъ; солдаты опускаютъ передъ ней копья).

Царица. Что это такое? Вы убиваете здѣсь людей?

Первый солдатъ (выступаетъ, падаетъ на колѣни).
Князь Георгій намъ приказалъ.

Царица (смотритъ на убитаго, восклицаетъ). Это ханъ? Фатима (также). Ханъ!

Царица. Откуда-же онъ? Господи Іисусе!

Первый солдатъ. Мы не знаемъ, откуда онъ. Мы видѣли, какъ онъ вошелъ сюда, и побѣжали за нимъ.

Царица. Зачѣмъ онъ здѣсь былъ?.. Фатима, это ханъ! Фатима (окаменѣвшая). Я вижу это.

Царица. Онъ болѣе не дышитъ? Попробуйте поднять его.

Первый солдатъ. Онъ болѣе не дышитъ. Десять копій вонзили въ него.

Царица. Что вы сдѣлали, солдаты? Что вы сдѣлали Первый солдатъ. Князь Георгій намъ приказаль.
Царица. Уйдите! Уйдите! Отыщите князя Георгія и скажите, что ханъ мертвъ.

(Всѣ солдаты уходятъ).

Царица. Я не хотѣла этого, вчера, когда я обѣщала ему жизнь. Какъ ты думаешь, почему онъ вернулся?

(Фатима откидывая покрывало, молчить).

Царица. Въ этомъ нѣтъ моей вины... Ты не отвѣчаешь, Фатима.

Фатима. Нѣтъ, я не отвѣчаю.

Царица. Его глаза открыты. Я хочу ихъ закрыть.

Фатима (поспѣшно). Дай мнѣ! (Закрываетъ глаза хану).

Царица. Я уберу его келью цвѣтами и положу его пока туда. Можно это? Какое несчастье, Фатима.

Фатима. Ты болѣе печалилась, когда ханъ бѣжалъ, чѣмъ теперь, когда онъ мертвъ. Какъ это возможно?

Царица. Замолчи! Я печалюсь о томъ, что онъ мертвъ.

Фатима. Но нѣтъ-ли и немножко радости въ тебѣ? Прости меня!

Царица. Немножко радости?

Фатима. Что ханъ изъ-за тебя вернулся, потому что ты связала его.

Царица. Да — почему онъ вернулся? Быть можетъ изъ-за меня. Не изъ-за тебя ужъ навѣрное.

Фатима. Нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ. Скорѣй изъ-за меня! Ханъ былъ правовѣрный! Твоя прелесть не могла на него подѣйствовать.

Царица (вспыльчиво). Ты этого не знаешь, Фатима. Онъ не изъ-за тебя вернулся. Ты же не любила его.

Фатима. Что ты говоришь.

Царица. Нѣтъ, ты не любила его. Я тоже, вѣроятно,

не любила его, но ты не почувствовала его великаго одиночества и его великой красоты; а я почувствовала ихъ. Онъ что-то сдѣлалъ со мной.

Фатима (неволью). Ты не такая грѣшница, чтобъ это думать!

Царица. Чтобъ думать что? Онъ вернулъ радость моему сердцу въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ, и вновь вернулъ мнѣ юность. Послушай, что ради него я сдѣлала сегодня ночью. Я молилась Аллаху, чтобъ онъ побѣдилъ моего собственнаго Бога! Я бранила твоего пророка, что онъ не всегда былъ добръ къ нему, что сдѣлалъ его плѣнникомъ! Сегодня я одѣлась красиво и роскошно, чтобы увидеть его опять, и я хотѣла не надѣвать покрывала!

Фатима. Нѣтъ, ты бы надѣла покрывало!

Царица. Нѣтъ. Я и вчера снимала покрывало, и онъ меня видѣлъ безъ покрывала, и онъ сказалъ: Такъ красива царица Грузіи! Мы такъ стояли, когда онъ это сказалъ! Онъ тоже сказалъ, что я звѣзды бросила въ него. Да благословить его Богъ за эти хорошія слова. Ни въ кого другого я не бросала звѣздъ; только въ него одного! А что онъ тебѣ говорилъ? Тебя онъ стыдился, потому что ты была вѣроломна относительно царицы своей, и склонила его на побѣгъ. Потому онъ и вернулся — потому что я не была вѣроломна. Онъ видѣлъ, что моя вѣра лучше, чѣмъ твоя!

Фатима (пламенѣя). Она не лучше! Ханъ былъ правовѣрный. Ты не побѣдила его своими словами и своимъ обращеніемъ.

Царица. Что ты объ этомъ знаешь? Вѣдь онъ не говорилъ этого?

Фатима. Говориль.

Царица. Такъ ты его не поняла. И ты не любила его и не могла понять его словъ.

Фатима. Я любила его.

Царица. Ты!

Фатима. Если ты непременно это хочешь знать! И онъ хотѣлъ поцѣловать мои туфли тамъ въ кельѣ.

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, онъ не хотѣлъ бѣжать.

Фатима. Онъ хотѣлъ тоже, чтобы я бѣжала съ нимъ. Бѣги со мной, сказалъ онъ.

Царица. Онъ этого не говорилъ.

Фатима. Ханъ былъ правовѣрный, онъ послалъ мнѣ сказать, чтобы я пришла и освободила его изъ христіанской тюрьмы. Тогда я пошла къ нему, потому что я любила его. Тебѣ больно, царица, что онъ не за тобой послалъ, а за мной.

Царица (ломая руки). Онъ не посылалъ за тобой, говорю я! Я не буду украшать его кельи цвѣтами, пусть тутъ лежитъ на землѣ, злосчастный!

Фатима. Какъ же онъ могъ послать за тобой — за тобой, за замужней царицей въ христіанской странѣ? Нѣтъ, онъ вернулся изъ-за меня, чтобы бѣжать со мной.

Царица. Злосчастный! Вчера еще онъ говорилъ, что онъ во власти моей и что мы въ кустѣ мандрагоръ! Вѣроломный! Вы всѣ вѣроломны, магометане! Вашъ пророкъ былъ тоже вѣроломный!

Фатима. Говори, что хочешь. Но сказать что-нибудь о пророкѣ ты не имѣешь власти.

Царица. Пророкъ твой, который въ священный мѣсяцъ напалъ на караванъ! Я бы велѣла его повѣсить, если-бъ онъ жилъ теперь!

Фатима. Да поразить Аллаха твой языкъ за эти слова. Пусть отсохнетъ онъ!

Царица. Я брошу тѣло хана въ погребъ. Пусть онъ лежитъ тамъ.

Фатима. Товинцы придутъ и унесутъ его.

Царица. Унесутъ? Ты думаешь, я отдамъ его.

Фатима (неволею прося). Да, царица, отдай его! Они тебѣ много за него дадутъ.

Царица. Я не продамъ его. Я вырою могилу и положу туда его тѣло. Онъ будетъ стоять на головѣ. И надъ нимъ долго будутъ читать христіанскія молитвы!

Фатима (судорожно сжимаетъ руки). Берегись, царица Тамара! Хана убили въ твоемъ домѣ—въ Товинѣ существуетъ кровавая месть!

(Князь Георгій и игумень входятъ изъ-за занавѣса въ глубинѣ; за ними солдаты.

Фатима опускаетъ покрывало).

Царица. Кровавая месть? Князь Георгій, эта женщина осмѣливается грозить мнѣ! Что мнѣ съ ней сдѣлать?

Князь Георгій. У тебя въ замкѣ два турка—развѣ я этого не говорилъ еще раньше.

Царица (показываетъ на второй занавѣсъ). Иди!

(Фатима уходитъ. Игумень рыщетъ по комнатѣ, пока не наткнется на трупъ).

Царица. Ханъ убитъ.

Князь Георгій. Солдаты доложили мнѣ.

Игумень. Вотъ онъ лежитъ и ротъ разинулъ. У него ротъ открытъ.

Царица. Онъ хотѣлъ сказать еще что-нибудь вѣроломное... Отнесите тѣло въ погребъ, солдаты, и положите его тамъ въ гробъ. Вокругъ гроба пусть стоятъ часовые.

Князь Георгій. Это зачѣмъ?

Царица. Потому что я не отдамъ его тѣла Товинцамъ. Царица это сказала.

(Солдаты уносятъ трупъ черезъ выходъ въ глубинѣ).

Царица. Царица была черезчуръ мягка.

Князь Георгій. Это я все время говорилъ,

Царица. Мнѣ угрожаютъ въ собственномъ домѣ моемъ!

Попробовали бы съ калифомъ такъ поступить! Даже настоятель упорствовалъ.

Игуменъ. Настоятель? Неужто настоятель?..

Царица. Замолчи. Настоятель ужъ болѣе не настоятель. Онъ снова монахъ.

Игуменъ (всплескиваетъ руками). Снова монахъ!

Царица. А что война съ ханомъ Карскимъ, князь Георгій?

Князь Георгій. Я собираюсь сегодня ночью въ лагерь.

Царица. Не рано собрался.

Князь Георгій. И не поздно.

Царица. И меньше въ плѣнъ брать, побольше умерщвлять... Что ты такъ смотришь на меня? Ты слышалъ, что я сказала?

Князь Георгій. Слышалъ.

Царица. Я была глупа и слѣпа отъ чрезмѣрной мягкости... Тамъ два плѣнника.

Князь Георгій. Да, два грузина.

Царица. Повѣсить ихъ!

Князь Георгій. Повѣсить ихъ? Ты же даровала имъ жизнь.

Царица. Повѣсить ихъ. Дай имъ ночь и день, чтобы приготовиться.

(Слышенъ бой барабана).

Царица. Я слышу барабанный бой. Кто это?

(Игуменъ бѣжитъ ко входу въ глубинѣ и выглядываетъ).

Князь Георгій. Если ты не отдашь тѣла хана, Товинцы будутъ мстить. Фатима права.

Царица. Фатима никогда не права. Я достаточно могущественна, чтобы уничтожить Товинцевъ.

Игуменъ (возвращается). Это люди изъ твоего лагеря, Царица.

(Уходитъ въ глубину сцены).

Царица. Съ барабаннымъ боемъ. Значитъ, было сраженіе и Тарасъ побѣдилъ.

Князь Георгій. Тарасъ не могъ давать сраженія. Я ему этого не приказывалъ.

Царица. Такъ онъ поступилъ безъ твоего приказанія. Ты, который всегда былъ во главѣ, пришелъ слишкомъ поздно! (Идетъ ко второму занавѣсу). Меседу, позови писцовъ!

Князь Георгій (падая духомъ). Да — если онъ далъ сраженіе, то я пришелъ слишкомъ поздно!

(Опускается на сидѣнье).

Игуменъ (возвращается). Это гетманъ съ десятью солдатами.

(Царица поднимается къ своему сидѣнью и садится.

Гетманъ съ солдатами появляется въ глубинѣ и останавливается у входа).

Царица (дѣлаетъ знакъ). Привѣтъ вамъ, воины! Хорошія-ли ваши вѣсти?

Гетманъ (приближается). Да, вѣсти хорошія.

(Два писца — одинъ изъ нихъ настоятель, одѣтый монахомъ — входятъ и располагаются со своими письменными приборами у ногъ царицы).

Царица. Покажи мнѣ свое лицо монахъ.

(Настоятель поднимаетъ голову).

Царица. Это ты? Зачѣмъ?.. Ну, хорошо, какъ хочешь!

Игуменъ (всплескиваетъ руками). Настоятель!

Царица. Что скажешь, гетманъ?

Гетманъ. Твои воины сегодня ночью почтили тебя новой побѣдой. Они провозгласили тебя Мефе—царемъ.

Царица (поднимается). Царемъ? Слышишь, Георгій.
Князь Георгій (встаетъ). Слышу. Это Тарасъ сдѣ-
лалъ.

Гетманъ. Это сдѣлало все войско.

Князь Георгій. Но Тарасу это пришло въ голову.
Онъ боялся, вѣрно, что другой захочетъ быть царемъ, вотъ
онъ и упродилъ меня.

Царица. Ты шутишь, князь Георгій, и ты не радуешь-
ся моимъ почестямъ.

Князь Георгій. Я радуюсь. Только я не знаю, кто
же я теперь?

Царица. Ты?

Князь Георгій. Прежде я былъ супругомъ царицы, а
теперь, вѣроятно, я жена царя.

Гетманъ. Да здравствуетъ царь, товарищи!

(Привѣтственные клики и барабанный бой).

Царица. Пусть слышитъ это мой сынъ. Приведите
Георгія. Онъ будетъ царемъ послѣ меня.

(Игуменъ поспѣшно бѣжитъ за второй занавѣсъ).

Царица. Принеси всему войску мою благодарность, гет-
манъ. Пока я буду жива, я буду гордиться великой честью,
которую вы оказали мнѣ!

(Садится).

Гетманъ. А дальше я имѣю доложить, что мы сегодня
ночью побѣдили хана Карскаго.

Князь Георгій. Хана Карскаго!

(Безсильно опускается на свое сидѣнье).

Царица. Да—ты не былъ при этомъ, князь Георгій, я
понимаю твое движеніе.

Гетманъ. И самъ ханъ палъ въ битвѣ.

Царица. Поистинѣ, гетманъ, ты принеси мнѣ хорошія
вѣсти. А его войско вы разбили?

Гетманъ. Мы разбили его войско. Карсъ завоеванъ.

Царица. Слышишь ты, князь Георгій?

Князь Георгій. Слышу. Все для меня потеряно.

Гетманъ. Нашъ лагерь теперь въ Карсъ.

Царица. Въ самомъ Карсѣ. Въ главномъ городѣ врага.
Укройся же, князь Георгій, укройся еще больше!

Князь Георгій. Довольно! Довольно!

Игуменъ (входитъ). Георгія нельзя найти, царица.

Царица. Ты долженъ называть меня царемъ теперь—
меня провозгласили царемъ... Георгій не на дворѣ?

Игуменъ. Онъ ушелъ.

Меседу (входитъ). Георгій ушелъ съ Фатимой.

Царица. Съ Фатимой?

Первый слуга (входитъ). Я видѣлъ, какъ они пошли.
Они очень спѣшили, и тотчасъ же исчезли въ туманѣ.

Царица. Съ Фатимой! И Русуданъ съ ними?

Первый слуга. Нѣтъ, они были одни.

Заидата (приводитъ Русуданъ). Русуданъ здѣсь.

Русуданъ. Я здѣсь.

Царица (поднимается). А Георгія нѣтъ? Она взяла его
съ собой и увела его. Куда она ушла?

Первый слуга. Въ горы. Они ушли въ горы, держась
за руки, царица.

Игуменъ (къ слугѣ). Отнынѣ ты долженъ называть
царицу царемъ, она царь.

Царица. Нѣтъ, нѣтъ, все равно! Георгій будетъ ца-
ремъ. Но Георгій теперь ушелъ съ Фатимой въ горы. Ты
думаешь, Меседу, они недалеко пошли?

(Нѣсколько слугъ и дѣвушекъ входятъ).

Русуданъ. Георгій ушелъ?

Царица. Молчи, моя маленькая. Георгій ушелъ погу-
лять—только погулять.

Игуменъ. Если только Фатима его не увела къ...

Царица. Къ кому?

Игуменъ. Къ Товинцамъ. Она вѣдь говорила,—у нихъ существуетъ кровавая месть.

Царица (вскрикиваетъ). Нѣтъ, нѣтъ, игуменъ, замолчи! Уходи!

Игуменъ. Прошу прощенія, царь.

(Князь Георгій, который сидѣлъ и слушалъ, вскакиваетъ).

Царица. Ты не можешь найти его, гетманъ! (Поспѣшно сходить со ступеней и идетъ къ гетману). Поди искать его, гетманъ!

Гетманъ. Если бы видно было! Но въ туманѣ на три шага не видно.

Князь Георгій. Мой замыселъ разстроены, отецъ игуменъ. Карское войско разбито сегодня ночью. Я ухажу изъ замка.

Царица. Какой это замыселъ, о которомъ ты говоришь? Ты можешь отыскать Георгія?

Князь Георгій. Я попытаюсь... Впередъ, солдаты, я поведу васъ.

Гетманъ. Если царь прикажетъ?..

Царица. Да, да—я приказываю. Господь благословитъ тебя, Георгій, если ты найдешь его! Но ты, вѣрно, не найдешь его, ты не постарайся, должно быть. Почему ты не отвѣчаешь? Ты постарайся? Я этого не думаю.

Гетманъ. Мнѣ надо доложить тебѣ еще, царь, объ очень важномъ. О самомъ важномъ.

Царица. Потомъ. Завтра. Теперь одно лишь важно!

Князь Георгій (крестится передъ иконой). Прощай, Тамара!

Царица. Ты забылъ свою шапку.

Князь Георгій. Я не забылъ ее. Мнѣ подобаетъ на этотъ трудный путь пойти съ непокрытой головой.

Царица. Надѣнь шапку, а то ты будешь похожъ на дурака.

(Князь Георгій, Гетманъ и солдаты уходятъ).

Царица. Онъ пошелъ безъ шапки, а я ничего не дѣлаю. Пойду и буду тоже искать. Георгій, гдѣ ты!.. Пойди къ себѣ, Русуданъ. Пойди къ себѣ! Не оставайся здѣсь! Пойдите съ нею, дѣвушки.

(Русуданъ и дѣвушки уходятъ за второй занавѣсъ).

Царица. Что же мнѣ дѣлать, отецъ настоятель?

Настоятель. Я не настоятель, царица... царь!

Царица. Нѣтъ, ты настоятель. Встань! И я не царь. Это Георгій будетъ царемъ. Что я сдѣлала, чтобы такія несчастья обрушились на меня? Сегодня утромъ я радовалась—тихая радость вспыхивала во мнѣ; но не долго длилась она... Отецъ настоятель, я попробовала быть надменной и жестокой, но изъ этого ничего не вышло. Я не хочу больше быть жестокой. Не надо вѣшать тѣхъ двухъ грузинъ тамъ. Выпусти ихъ, отецъ игуменъ, на свободу. Вотъ ключъ.

(Игуменъ беретъ ключъ и выпускаетъ плѣнниковъ. Они падаютъ передъ царицей на колѣни).

Царица. Нѣтъ пользы въ жестокости. И Фатиму не надо вѣшать. Фатима ушла ненадолго въ горы съ Георгіемъ. Они скоро вернутся оба... Пойди же, отецъ настоятель, и надѣнь свое прежнее платье, и дай мнѣ хорошей совѣтъ, какъ прежде давалъ... Это вы, грузины? Не надо бѣгать съ поля битвы—вѣдь вы бѣжали съ поля битвы? Пойди съ ними, отецъ игуменъ, и вели снять съ нихъ цѣпи. И потомъ пусть они ищутъ моего сына въ горахъ повсюду; пусть всѣ, кто въ замкѣ, ищутъ его.

(Бросается на диванъ и рыдаетъ).

Второй плѣнникъ. Благодаримъ тебя за нашу жизнь, царица.

(Царица дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы они шли. Игумень уводитъ плѣнниковъ въ глубину).

Настоятель. Князь Георгій ушелъ искать своего сына. Онъ навѣрное найдетъ его.

Царица. Да, правда? Князь Георгій можетъ его найти, если его можно найти! Онъ могущественный! Досточтимый отецъ! Ты такъ уменъ! Ты говоришь, онъ найдетъ его?

Настоятель. Я буду молить Бога объ этомъ.

Царица. Да, молись, молись объ этомъ! Я сама пойду и буду искать его!

(Встаетъ и уходитъ въ глубину).

Настоятель. Мы пойдемъ съ царицей и вернемъ ее!
(Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

На другой день. Еще все окутано туманомъ. Стоять дѣвушки и разговариваютъ между собой. Въ глубинѣ снаружи, внизу на лѣстницѣ, стоитъ первый слуга и высматриваетъ что-то.

Заидата. Мы только начнемъ.

Ионата. Да, мы только начнемъ. И все же мнѣ ужасно жаль.

Меседу. А мнѣ больше жаль царицу.

Игумень (изъ за перваго занавѣса). Что вы дѣлаете дѣвушки?

Заидата. Мы выносимъ цвѣты отсюда. Не надо, чтобы здѣсь были цвѣты. Такъ сказала царица.

Игумень. А гдѣ царица?

Меседу. Она у себя сидитъ. Она печалится.

Игумень. Если я понимаю князя Георгія, онъ отыщетъ своего сына и освободитъ его. А настоятеля вы не видали?

Заидата. Нѣтъ.

Игумень. А вчера вы видѣли настоятеля, дѣвушки? Вонъ тамъ онъ лежалъ, у ногъ царицы, писцомъ. Жалостно было смотрѣть на него. Вѣдь онъ человѣкъ старый.

Первый слуга (кричитъ, оборачиваясь въ заль). Вонъ кто-то идетъ.

Игумень. Что это онъ кричитъ?

Первый слуга. Эй, вы тамъ—идетъ кто-то!

(Игумень уходитъ въ глубину).

Заидата. Кто-то идетъ, кто-то идетъ тамъ. Пойди, до-
ложи объ этомъ, Меседу, можетъ быть это Георгій.

(Уходитъ въ глубину).

Игуменъ (кричить). Это Георгій.

Меседу (ликуя). Георгій! (Убѣгаетъ за второй занавѣсъ).

Заидата (возвращается). Не оставятъ-ли намъ здѣсь
цвѣты?

Ионата. Да, оставимъ.

(Игуменъ возвращается, за нимъ первый слуга).

Игуменъ. Вотъ будетъ теперь радость въ замкѣ!

Царица (входитъ и идетъ въ глубину, какъ лунатикъ,
бормочетъ). Георгій! Георгій! Георгій! Георгій!

(За ней слѣдуетъ Русуданъ, сзади слуги, любопытные).

Игуменъ. Вотъ будетъ теперь радость въ замкѣ, говорю
я. Тебѣ, Заидата, хорошо будетъ испытать радость! И тебѣ,
Софія.

Заидата. Какъ это?

Игуменъ. Вы заслужили этого, дѣтки. Вамъ нужно
немного радости.

Заидата. Эту радость ты могъ бы намъ доставить, отецъ
игуменъ.

(Хохотня).

Игуменъ. Я? Ай, Заидата. О, ты сейчасъ, какъ яркій
огонь!

Заидата. Но ты вѣрно не можешь доставить намъ ни-
какой радости, отецъ игуменъ. Ты слишкомъ старъ.

Игуменъ. Нисколько. Нисколько. Замолчи только. Если-бы
ты знала, Заидата!

(Хохотня возобновляется).

Игуменъ. А въ особенности тебѣ не слѣдовало бы виз-
жать, купаясь, Софія. Да, вотъ теперь ты, дитя, покраснѣла,
потому что ты визжишь слишкомъ громко. Это большой
стыдъ для тебя. Нужно купаться тихо.

Софія. Я визжу не больше другихъ.

Игуменъ. Да, Заидата тоже визжитъ. А ты, Ионата, я
слышу, какъ ты плещешься въ водѣ. Надо прилично пле-
саться, дѣтки.

(Хохотня возобновляется).

(Царица встрѣтила Георгія у лѣстницы и обнимаетъ его
долго. Георгія сопровождаютъ гетманъ и десять солдатъ)

(Царица входитъ, ведя за руку съ одной стороны Георгія,
съ другой стороны Русуданъ).

Царица. Отецъ игуменъ, Георгій вернулся. Посмотрите,
дѣвушки!

Меседу (беретъ Георгія за руку). Привѣтствую тебя съ
возвращеніемъ домой, Георгій!

Игуменъ. Я какъ разъ говорилъ, что князь Георгій
его отыщетъ.

Царица. Да,—а гдѣ князь Георгій?

Гетманъ (выступая впередъ). У Товинцевъ, царица. Онъ
тамъ остался.

Царица. Князь Георгій остался тамъ? Почему?

Гетманъ. Вчера, послѣ того какъ мы съ часъ прибли-
зительно искали, насъ окружили Товинцы. Они укрывались
кругомъ въ горахъ; они взяли насъ въ плѣнъ.

Царица. Здѣсь, около моего замка?

Гетманъ. Да, совсѣмъ вблизи твоего замка. Туманъ
скрывалъ ихъ, они могли подойти еще ближе къ твоему
замку, и ты бы ихъ не нашла, какъ бы ни искала... Они
взяли насъ и повели къ одной палаткѣ, въ которой былъ
твой сынъ. Потомъ они разбудили его, и онъ пошелъ съ
нами.

Царица (улыбается). О, ты спалъ, Георгій. Фатима
была мила къ тебѣ?

Георгій. Да.

Царица. Она охраняла тебя, когда ты спал?

Георгій. Да.

Царица. Они всѣ были милы къ тебѣ?

Георгій. Нѣтъ, не всѣ.

Царица. Не всѣ?

Георгій. Но Фатима сказала, что никто не смѣетъ напасть на насъ.

Царица. Фатима сказала, что никто не смѣетъ напасть на васъ?

Георгій. Да, и у нея былъ кинжалъ въ рукѣ.

Царица. У нея былъ кинжалъ въ рукѣ. Это вѣрно, чтобъ не подпускать медвѣдей къ вамъ.

Георгій. Да, навѣрное такъ.

Царица. Теперь идите, дѣти. Смотри за ними, Меседу, смотрите всѣ за ними, дѣвушки.

Заидата. А теперь цвѣты можно оставить здѣсь, царица?

Царица. Цвѣты? (Улыбается). Да, теперь уже не такъ много здѣсь цвѣтовъ, Заидата!

(Меседу уходитъ съ Георгіемъ и Русуданъ. Остальные слуги и дѣвушки слѣдуютъ за ними).

Царица (садится). Сынъ мой былъ въ большой опасности, насколько я понимаю. Фатима защищала его съ кинжаломъ въ рукахъ. (Къ гетману). Когда вернется князь Георгій?

Гетманъ. Они... Я не знаю. Они бы не выдали намъ твоего сына, если бы...

Царица (медленно поднимается, съ боязливымъ предчувствіемъ). Что?

Гетманъ. Князь Георгій остался вмѣсто своего сына.

Царица (ошеломленная). Это неправда?

Гетманъ. Онъ самъ предложилъ себя.

Царица. Что они сдѣлаютъ съ нимъ? Ты молчишь, гетманъ... Позвать сюда настоятеля! (Падаетъ на сидѣнье).

(Игуменъ уходитъ за второй занавѣсъ).

Царица. Вотъ почему онъ пошелъ съ непокрытой головой. А я думала, что онъ не постарается; я это говорила.

(Качаетъ головой изъ стороны въ сторону).

Гетманъ. Мы думали, что будетъ лучше, если онъ останется вмѣсто своего сына.

Царица. Нѣтъ, это было, собственно, не лучше. А можетъ быть лучше. Почему несчастія обрушиваются на меня. Я пошлю Товинцамъ тѣло хана, разукрашу его роскошно, и пошлю имъ богатые дары, чтобъ смягчить... Нѣтъ, это было нехорошо, это было хуже. Почему помѣнялись?

Гетманъ. Князь Георгій просилъ объ этомъ.

Царица. Онъ пришелъ съ непокрытой головой и просилъ объ этомъ?

Гетманъ. Да... и Товинцы болѣе чѣмъ охотно согласились на этотъ обмѣнъ. Твой сынъ ребенокъ, отъ котораго имъ нѣтъ пользы; а князь Георгій твой военачальникъ, котораго они могутъ положить на мѣстѣ.

(Игуменъ входитъ съ настоятелемъ).

Царица. Такъ и есть, они теперь положить на мѣстѣ моего военачальника... Товинцы вернули мнѣ моего сына, отецъ настоятель; но вмѣсто него оставили у себя его отца.

Настоятель. Это похоже на нихъ.

Царица. Они надъ нимъ совершатъ кровавую мечь; что мнѣ дѣлать? Я пойду сама къ Товинцамъ и останусь тамъ вмѣсто него.

Настоятель. Они на этотъ промѣнъ не согласятся.

Царица. Что ты говоришь?

Настоятель. Князь Георгій имѣетъ для Товинцевъ больше значенія, чѣмъ ты. Прости, что я это говорю тебѣ безъ утайки.

Царица. Больше значенія, чѣмъ я—это что значить? Вѣдь я царица... Да, да, онъ имѣеть больше значенія. Онъ всегда имѣлъ больше значенія, но я была слѣпа и не видѣла этого. Безконечно больше. Я ничто теперь, я вдругъ осиротѣла, и у меня нѣтъ силъ. Онъ такой большой и сильный. (Качаетъ головой).

Гетманъ. У меня есть еще что доложить тебѣ со вчерашняго дня, царь. Быть можетъ тебя это нѣсколько утѣшить.

Царица. Что такое?

Гетманъ. А то: что если бы мы вчера ночью не напали на хана Карскаго и не истребили его, то онъ бы сегодня ночью на насъ напалъ.

Царица. Это весьма возможно.

Гетманъ. И у него былъ помощникъ въ моемъ собственномъ войскѣ.

Царица. Въ моемъ войскѣ? (Качаетъ головой). Нѣтъ. Откуда ты это знаешь?

Гетманъ. Изъ одного письма. Этотъ помощникъ повелъ бы вражескихъ солдатъ на насъ—сегодня ночью, когда мы спали—и умертвилъ бы насъ.

Царица. Ты правду говоришь, гетманъ?

Гетманъ. Я говорю правду.

Царица. Кто былъ этотъ помощникъ?

Гетманъ. Князь Георгій.

Царица (вставая). Берегись! Я говорю тебѣ, берегись!

Гетманъ. Это поручилъ мнѣ доложить тебѣ Тарасъ.

Царица. Тарасъ? Самъ Тарасъ послалъ тебя съ этимъ сообщеніемъ?

Гетманъ. Да.

(Царица смотритъ растерянно на окружающихъ ее).

Игумень (боязливо). Я ничего объ этомъ не знаю.

Настоятель. Тарасъ ошибся вѣрно.

Гетманъ. Тарасъ не ошибся. Я доложилъ царю правду.

Царица. Это то сообщеніе, которое должно было меня утѣшить... И все же—оно утѣшаетъ меня, я чувствую, какъ я освободилась отъ тяжелой мысли. Да, оно утѣшаетъ меня. Пусть онъ останется, гдѣ находится; у меня есть мой сынъ. (Начинаетъ ходить взадъ и впередъ). Пусть останется у Товинцевъ. Они могутъ быть довольны, что онъ у нихъ. (Останавливается). Почему князь Георгій захотѣлъ это сдѣлать?

Гетманъ. Чтобъ приготовить пораженіе тебѣ, царь.

Царица. А! (Опять начинаетъ ходить взадъ и впередъ, останавливается). Гетманъ, передай Тарасу мое привѣтствіе.

Гетманъ. Да.

Царица. Скажи ему, что царь и князь Георгій... Скажи Тарасу, что царь гордится имъ и благодаритъ его.

Гетманъ. Да. (Уходитъ).

Игумень. Да—но, царица,—прости меня—не отпуская его. Подумай только, почему князь Георгій... Я не могу молчать.

Царица (повелительно). Нѣтъ, отецъ игумень, ты можешь молчать.

Настоятель. Онъ говорилъ о какомъ-то письмѣ. Не торопись слишкомъ, дитя мое.

Царица. Да, письмо. Одно испытаніе постигаетъ меня за другимъ. Я начинаю торопиться. (Кричитъ вслѣдъ гетману). А что это за письмо, о которомъ ты говорилъ?

Гетманъ. Письмо, которое мы нашли въ карманѣ хана Карскаго.

Царица. А что въ немъ было? Скажи Тарасу, чтобы онъ мнѣ послалъ письмо.

Гетманъ. Оно со мной. (Разстегиваетъ свою куртку и достаетъ письмо).

Царица. Оно съ тобой? Почему же ты не показаль

нѣ его—давай его сюда. (Беретъ письмо и читаетъ). Оно отъ князя Георгія. (Садится).

Игумень. Да. И я его доставилъ.

Царица. Ты его доставилъ?

Игумень. Князь Георгій былъ въ крайности. Ты не слыхала, что онъ говорилъ, ты не видала его отчаянія.

Царица (читаетъ письмо и начинаетъ удивленно улыбаться). Ахъ — но... Георгій, милый! (Встаетъ). Онъ пишетъ... это правда, что онъ пишетъ, я противилась ему... (Всплескиваетъ руками надъ головой). Благодарю тебя, Георгій, гдѣ бы ты ни былъ... Ты письмо доставилъ?

Игумень. Да.

Царица. Благодарю и тебя!.. Князь Георгій быть можетъ поступилъ нѣсколько сумасбродно, досточтимый отецъ, все же я благодарна ему за это; онъ поступилъ такъ ради меня, потому что любить меня. Онъ это пишетъ тутъ. Ты этого не понимаешь, досточтимый отецъ, но я понимаю это.

Настоятель. Да, я этого не понимаю.

Царица. Онъ хотѣлъ меня покарать и ни о чемъ не хотѣлъ просить у меня изъ милости; кто же за это можетъ быть на него золъ.

Настоятель. Онъ хотѣлъ напасть на твое войско.

Царица. Это былъ великій замыселъ, смѣлый замыселъ! Никто ради меня не возымѣлъ такого замысла. Онъ хотѣлъ придти сюда съ войскомъ и стать такъ передо мной... (Воскликаетъ). Георгій! Георгій! (Читаетъ). Она много лѣтъ противилась мнѣ и холодно смотрѣла на меня... Я никогда не буду больше такой. Никогда.

Настоятель. Такъ ты думаешь, царица, князь Георгій осмѣлился бы привести этотъ замыселъ въ исполненіе?

Царица. А что ты думаешь, отецъ игумень?

Игумень. Думаю, что привелъ бы.

Царица. Князь Георгій не хвастается. Ты его не знаешь, досточтимый отецъ. Какъ гора есть гора, такой и онъ. Мы стояли у себя на крышѣ въ Тифлисъ... Никого не было кромѣ насъ троихъ: онъ, солнце и я. Мы ѣздили верхомъ на большіе базары—народъ бросалъ цвѣты въ насъ, и громко кричалъ отъ радости; онъ былъ величественъ, какъ высокая гора.

Настоятель. Они тебя привѣтствовали.

Царица. И его они привѣтствовали. Помнишь—какъ бушевали грузины. Онъ стоялъ и былъ выше меня, и еще выше становился, когда шалку снималъ. Я скажу ему это, напомню ему это, когда онъ вернется. (Исполненная страха). Онъ вѣдь вернется?

(Молчаніе).

Царица. Вы молчите и смотрите въ землю. Не молчи же ты, отецъ игумень, ты всегда такъ охотно болталъ и часто говорилъ правду.

Игумень. Если я понимаю князя Георгія, то онъ вернется.

Царица. Не правда ли? Что онъ хочетъ, то онъ хочетъ.... Солдаты, тамъ въ погребѣ лежитъ покойникъ, принесите его сюда. Я разукрашу его великолѣпно и отошлю его Товинцамъ, чтобъ расположить ихъ къ себѣ. Я пошлю имъ и много даровъ.

(Гетманъ и солдаты уходятъ).

Царица. Можетъ онъ вернуться сегодня вечеромъ? Вы молчите. Онъ навѣрное можетъ вернуться сегодня вечеромъ. Почему ты такъ серьезенъ, отецъ настоятель?

Настоятель. Мнѣ надо сказать тебѣ одно слово; ты ничего не сдѣлаешь для вѣры, если отошлешь тѣло хана.

Царица. Я освобожу Георгія.

Настоятель. Но ты не обратишь въ вѣру ни одного язычника.

Гетманъ (возвращается съ солдатами). Тамъ на дворѣ два офицера со свитой. Я хотѣлъ доложить объ этомъ.

(Игумень поспѣшно идетъ въ глубину).

Царица. Два офицера? Отъ Тараса?

Гетманъ. Нѣтъ, это не наши. Это два татарскихъ офицера. Я не могъ ихъ разсмотрѣть въ туманѣ.

Царица. Выстрой твоихъ солдатъ, чтобы я ихъ могла принять съ честью.

(Гетманъ такъ и дѣлаетъ).

Игумень (возвращается). Это Товинцы. Тѣ же самые офицеры, которые были здѣсь, чтобы выкупить хана.

Царица (съ радостью). Посмотри, отецъ игумень, можетъ быть князь Георгій съ ними.

Игумень. Нѣтъ, князя Георгія нѣтъ съ ними.

Царица. Его нѣтъ съ ними! (Прижимаетъ руку къ груди). Какъ вы думаете, съ какими они извѣстіями?

(Съ минуту ждетъ отвѣта, затѣмъ всходитъ къ своему сидѣнью и садится).

(Входятъ два татарскихъ офицера съ солдатами; у одного офицера на остріѣ копья бѣлый платокъ; на обоихъ бѣлые тюрбаны и широкія сѣрыя шелковыя куртки, за поясомъ кинжалъ и сабля. На лѣвомъ плечѣ у нихъ въ видѣ украшенія красныя кисти изъ конскаго волоса. Вдоль праваго рукава въ рядъ вшито пять шариковъ цвѣта лавзонія, широкій золотой галунъ на груди, на ногахъ мягкіе красные кожаные высокіе сапоги. Они останавливаются у входа и прикладываютъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу).

(Царица дѣлаетъ имъ знакъ, офицеры приближаются съ опущенными глазами и такъ и стоятъ. Солдаты остаются у входа).

Царица. Привѣтъ вамъ, офицеры. Кѣмъ посланы вы?

Первый офицеръ. Привѣтъ тебѣ, высокая царица. Мы посланы отъ всѣхъ Товинцевъ.

Царица. Чтобы предложить выкупъ за вашего мертваго хана?

Первый офицеръ. Да, это вѣрно. Мы были здѣсь двѣ ночи и два дня тому назадъ. Тогда нашъ ханъ былъ еще живъ.

Царица. Его убили безъ моей воли.

Первый офицеръ. Твой супругъ, князь Георгій, велѣлъ его убить.

Царица. Нѣтъ, ханъ былъ самъ виноватъ въ своей смерти. Онъ бѣжалъ. Кто сказалъ, что князь Георгій?.. Моего супруга здѣсь не было, когда это случилось...

Второй офицеръ. Не будемъ спорить объ этомъ. Аллахъ допустилъ смерть хана. Никто не можетъ бѣжать отъ Аллаха.

Царица. Вы держите князя Георгія въ плѣну?

Первый офицеръ. Онъ въ нашихъ рукахъ.

Царица. Что вы требуете за князя Георгія?

Первый офицеръ. За живого?

Царица. Да, да, за живого! Онъ значить живъ еще? Слава Богу!

Настоятель. Ты неправильно ставишь вопросъ, царица. Это ты должна требовать выкупъ.

Царица. Что же мнѣ потребовать, досточтимый отецъ?

Настоятель. Ты это знаешь, дитя мое. Прежде всего правую вѣру.

Царица. Если вы согласитесь креститься въ Товинѣ, вы получите тѣло хана. Хотите вы креститься?.. Нѣтъ, ты видишь, они не хотятъ, они закрываютъ лица руками.

Настоятель (жестко). Ты заставишь ихъ согласиться, царица, и ни передъ чѣмъ не остановишься.

Царица. Но у нихъ князь Георгій въ рукахъ, и они могутъ съ нимъ сдѣлать, что захотятъ.

Настоятель. Поэтому имъ нѣтъ дѣла до вѣры. Ты

избрана Богомъ, чтобы насадить христіанство въ этихъ краяхъ.

Царица. Я попробую еще разъ. Ты послушай, досточтимый отецъ, какъ я попробую. (Къ офицерамъ). Какъ вы смѣете противиться мнѣ, Товинцы? Вы не знаете развѣ, что я васъ могу одолѣть и заставить васъ принять мою вѣру?

Первый офицеръ. Ты можешь заставить нѣсколькихъ изъ насъ, худшихъ между нами. Но остальные, весь Товинъ, будетъ тебѣ сопротивляться.

Царица. Я могу васъ всѣхъ заставить, вы еще не знаете моего могущества. Вы думаете, что вы можете дѣлать, что хотите. Жалкій народъ, вы погибнете! Вы все такъ же близко стоите подъ моимъ замкомъ, какъ вчера?

Первый офицеръ. Ближе, чѣмъ вчера. Насъ туманъ скрываетъ, но мы очень близко.

Царица. А когда разсѣется туманъ?

Первый офицеръ. Тогда насъ не будетъ.

Царица. Я могу быть готова въ тотъ же часъ, когда туманъ разсѣется, я подниму на васъ весь свой народъ и освобожу князя Георгія.

Первый офицеръ. Ты на это не рѣшишься, царица, ты слишкомъ мудрая для этого.

Царица. Я не рѣшусь на это?

Первый офицеръ. Въ ту самую минуту въ князя Георгія вонзятся десять копій. Твой гетманъ видѣлъ тамъ, что онъ окруженъ копьеносцами.

Гетманъ Я видѣлъ это.

Второй офицеръ. Не будемъ спорить объ этомъ. Захочетъ Аллахъ, чтобы князь Георгій умеръ, онъ умретъ. Никто не можетъ бѣжать отъ Аллаха.

Царица. Десять копій... досточтимый отецъ, ну вотъ я попробовала во второй разъ. Не удается. Ты замучилъ меня

до смерти, досточтимый отецъ, ты разрываешь меня. Я не рѣшаюсь раздражать ихъ еще больше.

Настоятель (восторженно протягиваетъ къ ней скрепленные руки). Будь твердой, царица, не уступай. Отпусти лучше офицеровъ безъ выкупа.

Царица. Но ты не думаешь о князѣ Георгіѣ.

Игуменъ. Я не могу молчать.

Царица. Что ты хочешь сказать?

Игуменъ. Настоятель съ ума сошелъ.

Первый офицеръ. У насъ была надежда, что ты пощадитъ намъ тѣло хана.

Царица. О, Господи, у меня самой была эта надежда... А князь Георгій скоро бы вернулся, если бъ я это сдѣлала?

Первый офицеръ. Да, очень скоро, князь Георгій недалеко отсюда. Мы взяли его съ собой, потому что знали свою справедливость и знали, что ты выкупишь его.

Настоятель. Царица не выкупитъ его, прежде чѣмъ вы не покоритесь, Товинцы. Вы слышали?

Второй офицеръ. Мы слышали.

Первый офицеръ (къ царицѣ). Ты и Фатимѣ тоже не позволишь вернуться къ тебѣ?

Царица. Фатимѣ? Нѣтъ. Она сдѣлала мнѣ много зла.

Первый офицеръ. Она сдѣлала тебѣ и много добра.

Царица. Что ты объ этомъ знаешь? По ея винѣ князь Георгій въ плѣну.

Первый офицеръ. Но по ея винѣ и сынъ твой возвращенъ тебѣ, а то бы онъ былъ мертвъ теперь, затѣмъ и по винѣ ея князь Георгій еще въ живыхъ.

Второй офицеръ. Это такъ!

Царица. Все по винѣ Фатимы? (Задумывается). Она живетъ здѣсь въ моемъ домѣ и помогаетъ моимъ вра-

гамъ. Нѣтъ, ей не нужно возвращаться сюда. Развѣ не она увела моего сына?

Первый офицеръ. Фатима спасла твоего сына, царица. Почему же, ты думаешь, бродили мы въ туманѣ вокругъ твоего замка? Чтобы выкрасть твоего сына и отомстить тебѣ. И мы бы навѣрно нашли его. Фатима привела его къ намъ, и она защищала его съ кинжаломъ въ рукахъ.

Царица. Вотъ видите, я была права. (Къ офицерамъ). Пусть Фатима вернется. Я поблагодарю ее.

Настоятель. Ты поступаешь неправильно, дитя мое. Фатима язычница.

Царица. Какъ я сказала, Фатима пусть вернется. Просите ее объ этомъ и поклонитесь ей отъ меня.

Первый офицеръ. А князю Георгію возвращаться?

Настоятель. Нѣтъ, вы слышите!

Второй офицеръ. Да, мы слышали. И не будемъ больше раздражать царицу.

Первый офицеръ. Князь Георгій тебя о милости просить не будетъ.

Царица. Я это знаю. И не надо ему это дѣлать.

Первый офицеръ. Быть можетъ, ты будешь просить его о милости.

Царица. Какъ это? Это звучитъ, какъ угроза.

Первый офицеръ. Мы не уполномочены сказать больше.

Царица. Это звучитъ, какъ угроза. Досточтимый отецъ, отвѣть ты.

Настоятель. Пусть князь Георгій угрожаетъ сколько хочетъ. Князь Георгій это не главное. Самое главное, Товинцы, что вы вернетесь къ своему народу послѣ того, какъ вы противились великой царицѣ.

Первый офицеръ. Точно такъ же, какъ она противи-

лась намъ... Мы еще разъ предлагаемъ тебѣ согласиться, царица: мы требуемъ тѣла хана и двухлѣтняго мира для князя Георгія.

Настоятель. Требуемъ! Они требуютъ!

Царица. Они могли бы требовать гораздо большаго, всего, чего бы ни захотѣли—о, Господи, всего, чего ни захотѣли бы! Но чѣмъ это они угрожали?

Настоятель. Я не знаю. Тебѣ нельзя допускать угрозы; дай я отвѣчу имъ.

Царица. Отвѣчай имъ. Вы можете идти, Товинцы. Идите съ миромъ. А вашего хана царица похоронитъ по христіанскому обряду.

Второй офицеръ (боязливо). Этого царица не сдѣлаетъ.

Настоятель. Я самъ буду читать молитвы надъ нимъ.

Первый офицеръ (пламенно). Въ такомъ случаѣ царица окажетъ великую несправедливость Товинцамъ, и мы ничего другого не будемъ желать въ мірѣ, какъ отплатить ей за это.

(Оба офицера прикладываютъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу и уходятъ).

Второй офицеръ. Благодаримъ тебя, царица, что ты допустила насъ до лицезрѣнія своего. Ты бы могла явить намъ свою кротость; но ты не сдѣлала этого. Ты бы могла показать намъ свое милосердіе, но ты не сдѣлала этого.

(Оба офицера уходятъ въ сопровожденіи своихъ солдатъ).

Царица (сходитъ со своего сидѣнья; безпокойно). Ну вотъ они уходятъ.

Настоятель. Да, наконецъ. Но вначалѣ они ужъ совсѣмъ было настояли на своей волѣ, и они угрожали тебѣ.

Царица. Они уходятъ. Какъ будто стучитъ земля по крышкѣ гроба.

Настоятель. Да, ты была недостаточно тверда. Ты съ самаго начала стала колебаться и позволила Фатимѣ вернуться. Но главнаго ты не уступила.

Царица. Я думаю объ этомъ, что главное я и уступила. Князь Георгій въ опасности и я не спасла его.

Настоятель. Въ великій день, который скоро наступитъ, тебя не спросятъ о человѣкѣ, котораго ты могла спасти, а спросятъ о вѣрѣ, которой ты служишь.

Игуменъ. Гм... съ этимъ я не совсѣмъ согласенъ.

Царица. Я тоже нѣтъ. У тебя нѣтъ мѣры, досточтимый отецъ. Ты только доволенъ, когда я жестокостью плачу за жестокость, и теперь допущу погибель моего супруга. Почему ты лишаешь меня счастья сегодня. Развѣ каждый день приходится мнѣ ликовать? Я была полна радости на моего супруга. Онъ написалъ это письмо и рѣдко когда у меня было такъ хорошо и свѣтло на сердцѣ; отъ радости словно красный свѣтъ пронзилъ мою грудь. Замолчи, отецъ настоятель. Когда онъ вернется, я буду цѣловать его, и на тысячи ладовъ выкажу ему свою любовь. На всевозможные лады и впродолженіи всей своей жизни. Мнѣ нѣтъ дѣла до тебя, отецъ настоятель, я устала холодно смотрѣть на князя Георгія, котораго люблю; ты не подвинешь меня больше на это.

Настоятель. Ты думаешь, онъ бы осмѣлился придти сюда съ войскомъ? О, женщина, ты видишь его на конѣ, грѣшнаго и побѣдительнаго, и твое сердце бьется.

Царица. Я не знаю, на что бы онъ осмѣлился, и никто изъ насъ не знаетъ этого. Можетъ быть онъ и отступился бы, хотя замысль у него была великій.

Настоятель. Но онъ у тебя, во всякомъ случаѣ, не попроситъ никакой милости.

Царица. Ты этого не понимаешь, отецъ настоятель. Письмо его грызетъ, и ему не довольно милости отъ меня,

Для тебя ея было бы довольно, и для игумена, и для меня самой, для него ея не довольно. Онъ идетъ, не покрывъ головы, къ моимъ врагамъ... А, и онъ не понимаетъ, бѣдный, какую радость мнѣ доставило его письмо сегодня! Ничего онъ не понимаетъ, только одно, что онъ хотѣлъ сдѣлать чудовищное преступленіе... Гетманъ, принесите тѣло хана изъ погреба.

(Гетманъ и его солдаты уходятъ).

Царица (идетъ ко второму занавѣсу и зоветъ). Меседу! Настоятель (испуганный). Что ты хочешь, царица?

Царица. Спаси его. Ты этого не понимаешь? Спаси его.

(Меседу входитъ).

Царица. Меседу, мы сейчасъ будемъ украшать носилки хана. Принесите всѣ красныя розы и сплошь уберите его тѣло красными розами. Нарвите всѣ красныя розы, что найдете въ саду! Ты поняла, Меседу! А затѣмъ, ты позовешь сюда всѣхъ музыкантовъ и танцовщицъ, потому что князь Георгій возвращается.

(Меседу уходитъ).

Настоятель (потрясенный). Въ такомъ случаѣ мнѣ лучше будетъ заняться твоими новыми подданными въ Карсѣ?

Царица. Ты туда хочешь? Почему ты туда хочешь уйти?

Настоятель. Здѣсь я ничего не могу сдѣлать. Я много лѣтъ работала у тебя, и все же ты не просвѣтилась свѣтомъ христіанства. Если я въ этомъ виновата, да прости меня Богъ.

Царица. Ты усталъ, досточтимый отецъ. Отдохни.

Настоятель. При всѣхъ обстоятельствахъ ты думаешь: такъ поступаетъ калифъ, а такъ калифъ не поступаетъ. Когда ты хочешь радости, ты посылаешь за танцовщицами—такъ поступаетъ калифъ. А царь Московскій, какъ онъ поступаетъ? Объ этомъ ты не думаешь.

Царица. Царь Московскій? Онъ пьетъ, когда ему хочется радости.

Настоятель. И все же онъ правой вѣры.

Царица. Потому я и принимаю его пословъ съ тѣмъ-же почетомъ, какъ пословъ калифа, иначе онъ этого почета не заслужилъ.

(Гетманъ и солдаты возвращаются съ носилками. Гробъ безъ крышки, но весь покрытъ золототканнымъ покрываломъ. Покрывало безъ надписей).

Царица. Поставьте туда носилки. (Показываетъ).

Настоятель. А затѣмъ ты зовешь къ себѣ назадъ язычницу Фатиму.

Царица. Потому что она помогла мнѣ и спасла моего сына и супруга. А кромѣ того, я зову ее къ себѣ, чтобы обратить ее, ты же хорошо знаешь это.

Настоятель. И ты думаешь, тебѣ это удастся. Я знаю, что знаю; Фатима, какъ желѣзо.

Царица. Хорошо, я тоже, какъ желѣзо. (Нетерпѣливо). Отдохни, досточтимый отецъ, тебѣ это необходимо. Ты отправишься въ Карсъ.

Настоятель. Ты, значить, позволяешь. Богъ да награждать тебя за это. Я и тамъ буду неустанно исполнять свой долгъ.

Царица. Но возвращайся опять къ намъ, отецъ настоятель. Когда захочешь и поскорѣе. Ступай съ Богомъ.

Настоятель. Одно слово въ заключеніе, царица. Вотъ теперь люди въ Товинѣ. За каждую жизнь, которая тамъ умираетъ, передъ тѣмъ какъ ты ихъ крестила—ты будешь отвѣтственна. У тебя теперь была эта возможность.

(Уходитъ).

(Входитъ множество дѣвушекъ въ сопровожденіи Георгія и Русуданъ. Онѣ приносятъ красныя розы и принимаются украшать носилки).

Царица (спокойно). Какой настоятель жесткій!

Игуменъ (стуча пальцами по лбу). Какъ я говорилъ, онъ сумасшедшій.

Царица. Нѣтъ, отецъ игуменъ, будемъ говорить хорошо о старикѣ. Онъ лучше насъ, онъ молится днемъ и ночью за насъ и не спитъ. Онъ, какъ тѣнь какая. (Идетъ къ носилкамъ). Вотъ такъ, дѣвушки. Украсьте носилки такъ красиво, какъ вы только можете, и покройте ихъ розами. Можешь ты, гетманъ, отнести носилки въ горы, и еще разъ отыскать Товинцевъ?

Гетманъ. Да, царица. Товинцы меня отыщутъ.

Царица. Зови ихъ, если они не найдутъ тебя, и проси ихъ придти... Пойдемте, дѣти. Мы принарядимся. Вашъ отецъ возвращается.

Игуменъ (идетъ за царицей). Ты бы, царица, дала настоятелю лошадь. Онъ, какъ тѣнь. Онъ не дойдетъ до Карса.

Царица. Да, лошадь. Достань ему лошадь, отецъ игуменъ, и слугу. Скажи, что я приказала.

(Уходитъ съ Георгіемъ и Русуданъ за второй занавѣсъ. Игуменъ уходитъ черезъ входъ въ глубинѣ).

Ионата. Посмотрите-ка на гетмана, ни одного взгляда не кинетъ на насъ.

Меседу. Тише, Ионата, онъ важный гетманъ, онъ посоль царицы.

Ионата. Великій гетманъ, ты умѣешь улыбаться?

Гетманъ. Улыбаться? Не теперь.

Ионата. Поди, помоги намъ.

Гетманъ. Я не могу.

Ионата. Почему нѣтъ?

Гетманъ. Потому что царь этого не приказалъ.

Ионата (смѣется). Царь — она это и забыла. Прости, но она тебя забыла.

Меседу. Тише, Ионата. За этой работой надо быть серьезной.

Игуменъ (возвращается). Тише, дѣти.

(Дѣвушки поднимаютъ хохотню).

Заидата. Ты меня смѣшишь, отецъ игуменъ, уходи, у насъ серьезная работа.

Игуменъ. Я не буду тебя смѣшить. Ты, напротивъ, должна быть серьезна, когда украшаешь носилки.

Заидата. Но ты носомъ водишь около насъ. Ты стоишь тутъ и смотришь на насъ, и услаждаешься до сыта.

Игуменъ. Ай, вы шалуньи Заидата и ты, Софія, какія!

Заидата. Ты бы постыдился, отецъ игуменъ. Ты чело-вѣкъ старый.

Игуменъ. Я не старый, Заидата. Ты этого не думаешь. И ты и я, мы не стары.

Заидата. Но Меседу и Софія стары.

Игуменъ. Ни одна изъ васъ не стара. Вотъ я стою и смотрю на васъ, и всѣ то вы...

Заидата. Какъ огонь.

Игуменъ. Да, какъ огонь.

Софія. И мы визжимъ, когда купаемся. (Хохотня).

Игуменъ. Софія, тебѣ не надо употреблять такихъ словъ. Ты краснѣешь при этомъ.

Софія (усердно занимаясь цвѣтами). Я не покраснѣла.

Игуменъ. Ты такъ молода, тебѣ было быть стыдно стоять тутъ такъ и краснѣть передъ всѣми! Заидата не покраснѣла, но она ничего и не сказала такого.

Заидата. Я знаю, отецъ игуменъ. Я твоя любимица!

Игуменъ. Любимица? Я этого вовсе не хотѣлъ сказать. Другая можетъ стать ею очень легко. А ты ужъ вообразила?

Заидата. Да, и очень даже.

Игуменъ. Этого не слѣдуетъ дѣлать. Стыдно тебѣ.

Заидата. Вотъ отлومي-ка стебель. (Протягиваетъ ему розу).

Игуменъ (пробуетъ отломить). Его нужно обрѣзать.

Заидата. И у тебя нѣтъ кинжала?

Игуменъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ кинжала. Вотъ гетманъ это сдѣлаетъ.

(Хочетъ отнести ему розу).

Заидата (удерживаетъ его и беретъ у него розу). Гетманъ? Нѣтъ. Ему царица этого не приказала.

(Хохотня).

Заидата. Тебѣ самому надо бы носить кинжалъ, отецъ игуменъ.

Игуменъ. Я ношу кинжалъ, когда я на войнѣ.

Заидата. Но ты имъ не пользуешься.

Игуменъ. Я имъ не пользуюсь? Развѣ вы не слышали о томъ случаѣ, какъ у меня въ рукахъ было двадцать чело-вѣкъ.

Заидата. Нѣтъ, расскажи.

Игуменъ. Я убилъ изъ нихъ шесть. Остальные броси-лись въ бѣгство.

(Хохотня).

Заидата. Но христіанскому игумену нельзя было уби-вать шесть чело-вѣкъ.

Софія. Да, ему этого нельзя.

Игуменъ. Ты этого не понимаешь, Заидата. И ты тоже, Софія, потому что ты очень молода. Развѣ нѣтъ у калифа дервишей и священниковъ, которые убиваютъ въ битвѣ.

Заидата. Да. Но христіанину подобаетъ бить хоть не-много лучше магометанина.

Игуменъ. Въ этомъ ты права, Заидата. А Софія не права, она кудахчетъ, какъ курочка, но она ничего не по-няла. Вы всѣ курочки; но Меседу серьезна и молчалива.

Это правильно, дѣвушки, вы должны молчать и дѣлать свое дѣло, какъ сказала царица. Ну что, вы не скоро кончите?

Меседу. Да, мы скоро кончимъ.

Игуменъ. Я, впрочемъ, долженъ сказать, что Софія самая искусная изъ васъ всѣхъ. И къ тому же, она самая миленькая и у нея маленькія ручки. Но вы всѣ искусницы. А вотъ и музыканты.

(Изъ глубины показываются музыканты и размѣщаются на полу около двери, обитой желѣзомъ. Они всѣ въ одинаковомъ платьѣ: въ желтыхъ шелковыхъ съ черными шнурами. Инструменты у нихъ: зурна, трехзвучная флейта изъ дерева, барабанъ и струнные инструменты, скрипки и арфа. Музыканты сидятъ молча, неподвижно).

Игуменъ. Сейчасъ танцовщицы придутъ.

Ионата. Вотъ ты радъ, вѣрно?

Игуменъ. И тебѣ лучше радоваться и не питать злобы въ сердцѣ своемъ! Когда вернется князь Георгій, здѣсь въ замкѣ не будетъ больше печали.

Ионата. А съ вами на войнѣ бывають танцовщицы?

Игуменъ. Ты единственная, Ионата, у которой такія глупыя разсужденія, словно ты маленький теленокъ. Какъ же съ нами могутъ быть танцовщицы на войнѣ? Тамъ намъ нужны копья и мечи.

Ионата. Когда ты убилъ тѣхъ, шестерыхъ, ты вѣрно очень боялся? Тебѣ навѣрно было очень страшно.

Игуменъ. Я никогда не боюсь, ты же это знаешь.

Ионата. Какъ же я могу это знать?

Игуменъ. Не я ли вчера ночью стоялъ передъ ханомъ Карскимъ? И предо мной выстроили два ряда копьеносцевъ.

Ионата. А что ты дѣлалъ у хана Карскаго?

Игуменъ. Этого я не скажу. Я былъ посломъ князя Георгія, я отнесъ туда письмо относительно одного гран-

діознаго плана, который онъ хотѣлъ привести въ исполненіе сегодня ночью. Больше я ничего не скажу.

Ионата. А какой это былъ великій планъ?

Игуменъ. Онъ хотѣлъ покарать царицу... Тебѣ не слѣдуетъ спрашивать о такихъ важныхъ вещахъ.

Заидата. Посмотри-ка, танцовщицы, отецъ игуменъ. Вотъ онѣ.

(Изъ глубины показываются танцовщицы, въ воздушныхъ шелковыхъ разноцвѣтныхъ платьяхъ, съ золотыми лентами вокругъ лба. Въ рукахъ онѣ держатъ тамбурины. Онѣ направляются къ музыкантамъ и стоятъ около нихъ молча и неподвижно).

Меседу. Прикрѣпите послѣднія розы, дѣвушки, тогда я пойду доложить царицѣ, что все готово.

(Уходитъ за второй занавѣсъ).

Ионата. Ты вѣрно находишь, что танцовщицы красивѣе насъ, отецъ игуменъ. Ты все на нихъ смотришь.

Игуменъ. Да, танцовщицы очень красивы.

Ионата. Но это только потому, что на нихъ платья красивѣе. Правда вѣдь, Заидата?

Заидата. Да, правда.

Игуменъ. Тебѣ не слѣдуетъ такъ говорить, Заидата. Ты красивѣе всего, когда ты совѣмъ безъ платья, ты же знаешь.

Заидата. Что онъ говоритъ! Какъ ты это знаешь?

Игуменъ. Я этого не знаю. Но ты бы должна благодарить Бога, что ты такъ красива безъ платья.

Меседу (возвращается). Царица!

(Входитъ царица, въ тонкомъ сверкающемъ одѣяніи изъ индусскаго шелка, руки ея отъ плечей покрыты драгоценными камнями, по обѣ стороны платья отъ пояса книзу до ногъ рядъ брилліантовъ. На волосахъ надѣто свѣтло-

красное покрывало, спереди прикрѣпленное большимъ камнемъ. Танцовщицы низко склоняются).

Царица. Благодарю васъ, дѣвушки! Вы его чудесно украсили! Возьми его, гетманъ, и ступай съ Богомъ, а потомъ я Товинцамъ пошлю богатые дары. Когда увидишь князя Георгія, скажи, что его супруга ожидаетъ его.

(Она подходитъ къ иконѣ и крестится, въ то время, какъ гетманъ и солдаты уносятъ носилки).

Меседу. Вотъ здѣсь остались розы.

Царица. Это для князя Георгія. Пойдите теперь, дѣвушки, и одѣньте дѣтей.

(Всѣ дѣвушки уходятъ. Снаружи слышенъ шумъ).

Царица (обращаясь къ танцовщицамъ и музыкантамъ). Играйте и танцуйте съ веселымъ сердцемъ, это для князя Георгія!. Что это за тревога тамъ?

(Всклики, шумъ, трубные звуки; гетманъ возвращается съ солдатами и съ носилками. Игумень спѣшитъ въ глубину).

Царица. Что случилось, гетманъ?

Гетманъ. Я не знаю, царь... князь Георгій... онъ скачетъ...

Царица. Князь Георгій?.. Уже?.. Начинайте! (Беретъ розы въ руки).

(Тихіе звуки струнной музыки. Танецъ начинается. Танцующія легко проносятся однѣ передъ другими, безъ видимыхъ движеній, шевеля однѣми ступнями. Снаружи слышны громкіе всклики).

Царица. Что это? Пусть часовые пропустятъ его!

Гетманъ. Я видѣлъ, какъ князь Георгій наѣхалъ на двухъ часовыхъ.

Царица. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Игумень (возвращается). Онъ ѣдетъ вооруженный.

Онъ ведетъ толпу Товинцевъ, которые пускаютъ въ ходъ свои колья.

Царица. Онъ возвращается... Силой?

(Гетманъ уходитъ въ глубину. Музыка и танцы становятся живѣе, флейты вторятъ по-одиночкѣ, тамбурины тихонько шевелятся.

Туманъ разсѣивается, вскорѣ послѣ этого солнце освѣщаетъ горы на заднемъ планѣ. Въ залѣ становится свѣтло).

Игумень. Они сражаются тамъ.

Царица. Что это значитъ? (Царица поднимаетъ руку. Музыканты и танцовщицы сразу останавливаются, отступая, становятся на свои мѣста).

(Шумъ приближается, слышенъ топотъ, крики, вскрики, барабанный бой; позднѣ стукъ мечей).

Игумень. Я думаю, князь Георгій приводитъ теперь въ исполненіе свой великій замыселъ. (Уходитъ въ глубину).

Царица. Зачѣмъ теперь? Теперь же это не нужно!

Гетманъ (возвращается). Князь Георгій съ вооруженнымъ войскомъ, царь. Намъ помогать твоимъ солдатамъ?

Царица. Да, собирайтесь скорѣе. Зачѣмъ это онъ дѣлаетъ? (Кричитъ вслѣдъ гетману). Гетманъ, вамъ только не надо... вы только стойте вблизи его—съ копьями... только вамъ не надо... гетманъ, останьтесь здѣсь.

Игумень (возвращается). Царица, онъ убиваетъ твоихъ людей, товинцы, какъ бѣшеные. Они подъ самымъ твоимъ замкомъ. Фатима съ ними.

Царица. Поди и посмотри, гетманъ.

(Гетманъ идетъ въ глубину).

Царица. Онъ для меня это дѣлаетъ! Ему ни до чего нѣтъ дѣла. Видишь, отецъ игумень, онъ осмѣлился!

Гетманъ (кричитъ, возвращаясь). Онъ побѣждаетъ насъ.

Царица. Конечно, онъ побѣдитъ! Это я знаю!

(Игуменъ стоитъ у входа въ глубинѣ и выглядываетъ. Слышно, какъ время отъ времени онъ слабо вскрикиваетъ. Затѣмъ мало-по-малу онъ отступаетъ въ залу, въ то время какъ сражающіеся приближаются къ замку).

Игуменъ. Оба грузина гонятся за нимъ. (Махаетъ руками). Прочь, грузины, вотъ одинъ изъ нихъ падаетъ.. Царица, теперь они окружаютъ его.

Царица. Кого они окружаютъ?

Игуменъ. Князя Георгія. Иди же помоги ему, гетманъ.

Царица (вскрикиваетъ и опирается). Чтобы не окржили его! Покричи имъ, отецъ игуменъ!

Игуменъ (посреди зала). Вотъ онъ опять ихъ разогналъ. Поди, посмотри, царица, какъ онъ ихъ разогналъ.

Царица (подходитъ къ нему). Гдѣ князь Георгій? Вотъ онъ. (Складываетъ руки, восклицаетъ). Георгій!.. На немъ нѣтъ шапки! Отнеси ему его шапку, отецъ игуменъ, чтобы онъ не былъ, какъ солдатъ!

Игуменъ. Онъ зарубитъ меня.

Гетманъ. Пусти, я пойду.

Царица. Нѣтъ, я сейчасъ сама дамъ ему ее. Но покричи нашимъ, отецъ игуменъ, чтобы его не ранили.

Игуменъ. Вотъ они у лѣстницы.

Гетманъ. Шумъ утихаетъ. Онъ побѣдилъ нашихъ.

Игуменъ. Да.

Гетманъ. У меня десять человѣкъ, царь. Что же намъ ждать?

Царица. Встань у входа, чтобы не всѣ вошли сюда.

(Гетманъ отходитъ къ своимъ солдатамъ).

Царица. Ты это могъ предположить, отецъ игуменъ? Онъ, какъ гора!

Игуменъ. Онъ привелъ въ исполненіе свой замыселъ. Что будетъ теперь? Онъ поворачиваетъ лошадь, онъ скачетъ сюда... онъ идетъ сюда...

(Онъ отступаетъ).

(Князь Георгій быстро въѣзжаетъ на лошади вверхъ по лѣстницѣ и ссаживаетъ свою лошадь у колоннъ снаружи; толпа Товинцевъ, между ними два татарскихъ офицера, тѣснится около и позади его; между ними и Фатима. Всѣ останавливаются. Музыканты и танцовщицы съ крикомъ сбились въ одну кучу. Солдаты и гетманъ отступаютъ).

Князь Георгій (смотритъ неподвижно на царицу; послѣ нѣкотораго молчанія). Видишь ты меня теперь, Тамара? Вотъ твой супругъ.

Царица. Я вижу тебя.

Князь Георгій. Ты видишь меня ясно?

Царица. Да, Георгій. Вотъ я приношу тебѣ твою шапку. Надѣнь свою шапку. А вотъ цвѣты для тебя.

(Подходитъ къ нему).

Князь Георгій. Не подобаетъ тебѣ быть опять пренебрежительной со мной.

Царица. Я пренебрежительна съ тобой? Привѣтъ тебѣ! И тебѣ привѣтъ, Фатима!

(Фатима падаетъ къ ея ногамъ и цѣлуетъ ея руку).

Князь Георгій. Знай, я прихожу силой. Ты заперта въ замкъ. Я беру свою шапку и надѣваю ее. (Беретъ шапку и надѣваетъ ее).

Царица. Возьми и цвѣты, Георгій!

Князь Георгій. Ты не насмѣхаешься больше надо мной! Въ это мгновеніе Товинцы требуютъ тѣло своего хана! Посмотри на нихъ—вотъ они стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Царица. Имъ этого не надо. Я только что хотѣла отослать Товинцамъ тѣло. Востъ стоятъ носилки. Онѣ украшены.

Князь Георгій (Послѣ нѣкоторой паузы, побѣжденный). Если это такъ?.. Товинцы, вотъ носилки, онѣ украшены. Царица хотѣла вамъ ихъ отослать.

(Соскакиваетъ съ лошади и стоитъ склоненный; черезъ мгновеніе снимаетъ шапку, лошадь уводятъ).

Второй офицеръ (подходить, прикладываетъ руку къ груди, ко рту и ко лбу). За эти цвѣты на носилкахъ мы благодаримъ тебя, высокая царица!

Царица. Я была неправа, Товинцы, отказывая вашимъ законнымъ требованіямъ.

Второй офицеръ. И за твои милосердныя слова мы благодаримъ тебя, великая царица.

Царица. Это я должна благодарить васъ за то, что вы отпустили князя Георгія.

(Увлекаетъ князя Георгія).

Князь Георгій. Ты меня не обманешь своей кротостью. Я знаю, что меня теперь ожидаетъ. Такъ говори скорѣй.

Царица. О чемъ ты говоришь?

Князь Георгій. Отецъ игумень, несмотря на все, я проигралъ. Не посчастливилось мнѣ съ моимъ замысломъ. Я дѣйствительно прямо шель на погибель и нашель се.

Игумень. Гм! Въ этомъ я не совсѣмъ согласенъ съ тобой.

Царица. О какой это погибели ты говоришь? (Обнимаетъ его). Я люблю тебя, Георгій, за все, что ты сдѣлалъ.

Князь Георгій. Ты? Что ты говоришь?

Царица. Да. Я.

Князь Георгій. Эте не можетъ быть. За то, что я сдѣлалъ? Я послалъ хану Карскому письмо, чтобы напасть съ ними на твоихъ солдатъ. Когда это не удалось, я напалъ на тебя.

Царица. Но ты сдѣлалъ это ради меня.

Князь Георгій. Да. То-есть нѣтъ. Кто это сказалъ? Ты не должна была этого знать. Ты проболтался, отецъ игумень?

Царица. Это написано въ твоемъ письмѣ.

Князь Георгій. Въ письмѣ?—Письмо нашли?

Царица. Да, да—оно у меня тутъ. (Поднимаетъ письмо вверхъ). Это было хорошее письмо. Для меня это было, какъ въ Тифлисѣ.

Князь Георгій. Какъ въ Тифлисѣ?

Царица. Какъ тогда, когда мы были юны, и ты меня любилъ.

Князь Георгій (не шевелясь). Тамара!

Царица. Да, поди ко мнѣ, Георгій! Я люблю тебя!

(Они обнимаются).

Царица. Возьми эти цвѣты. Это твои цвѣты. Я никогда больше не буду смотрѣть на тебя холодно.

Князь Георгій (беретъ цвѣты). Это должны узнать Товинцы. (Идетъ черезъ заль, возвращается и уводитъ царицу съ собой). Товинцы! Сердце царицы принадлежитъ мнѣ, какъ въ нашей юности, какъ въ Тифлисѣ, она это говорить, и она отдаетъ мнѣ свое сердце. Эти цвѣты я получилъ отъ нея. (Обрываетъ свою рѣчь, поворачивается къ царицѣ). Тамара! Да благословить тебя Богъ! Ты далеко уходила отъ меня, я хотѣлъ тебя снова завоевать и поступалъ дико.

Царица. Ты совершилъ лучшее свое дѣяніе.

Князь Георгій. Царица украсила эти носилки. Возьмите ихъ и ступайте съ миромъ.

Царица. Я потомъ пошлю вамъ дары, Товинцы, потому что вы поступили со мной великодушно.

Первый офицеръ. Небольшое перемиріе было бы лучшимъ даромъ, царица.

Второй офицеръ. Это такъ. Мы не о двухъ годахъ просимъ, а о небольшомъ годовомъ мирѣ.

Царица. Если вы этого хотите, мы заключимъ миръ на два года. Вели звать писцовъ!

(Игуменъ уходитъ за второй занавѣсъ).

Князь Георгій. Это правильно, Тамара. Это имъ поможетъ, если у нихъ будетъ миръ два года.

Царица. И я вамъ пошлю пищи и платья, чтобы вы два года не нуждались.

Второй офицеръ. Мы склоняемся до земли передъ тобою, великая царица, и благодаримъ тебя за твое милосердіе.

(Съ этого мгновенія оба татарскихъ офицера переговариваются тихимъ голосомъ между собой и солдатами.)

Игуменъ возвращается съ писцами, которые располагаются у ногъ царицы.

Царица идетъ къ своему сидѣнью.

Всѣ подходятъ; только Товинцы остаются вдали).

Царица (диктуетъ): Пишите, что съ сегодняшняго дня я на два года заключаю миръ со всѣмъ народомъ Товинскимъ, съ которымъ воевала. (Молчаніе). Пишите дальше, что Товинцамъ будетъ посылаться пища и одежда изъ всѣхъ владѣній царицы, чтобы въ продолженіе двухъ лѣтъ они ни въ чемъ не терпѣли нужды.

(Входятъ Георгій и Русуданъ по праздничному наряженные).

Князь Георгій (идетъ къ нимъ, обнимаетъ ихъ). Георгій! Дѣти мои! Русуданъ! Маленькая Русуданъ! (Ведетъ ихъ къ дивану, на который они садятся всѣ трое; онъ раздаетъ имъ цвѣты).

Царица (диктуетъ). Это скрѣпляетъ царица своей печатью. (Дѣлаетъ знакъ). Подойдите ближе, офицеры!

(Оба офицера подходятъ. Фатима идетъ къ Георгію и Русуданъ, которые съ цвѣтами въ рукахъ бѣгутъ ей навстрѣчу).

Второй офицеръ (къ первому). Ты будешь говорить?

Первый офицеръ. Нѣтъ, говори ты!

Второй офицеръ. Пусть будетъ такъ... Мы размышляемъ о томъ, царица, что ты могущественна и что мы передъ тобою ничто. Нашъ послѣдній ханъ умеръ, и у насъ нѣтъ другого, около котораго мы могли-бы собраться. Дозволила бы ты мирно жить намъ въ нашей вѣрѣ, если бы мы встали подъ твой скипетръ?

(Царица поднимается и стоитъ такъ же, какъ князь Георгій. Всѣ слушаютъ).

Фатима (выступаетъ). Что ты говоришь? Отъ лица кого говоришь ты?

Второй офицеръ. Мы посовѣтовались между собой, я говорю отъ лица всѣхъ.

Фатима. Вы же побѣдили сегодня. Ты просто усталъ, старикъ!

Второй офицеръ. Что изъ того, что мы сегодня побѣдили? У Царицы много войска въ Товинѣ и много войска въ Карсѣ; черезъ два года она одолѣетъ насъ, и мы всѣ погибнемъ. Мы побѣдили сегодня, потому что нашимъ вождемъ былъ князь Георгій. Мы не устоимъ передъ нимъ, если онъ пойдетъ на насъ; онъ, какъ молнія.

(Царица дѣлаетъ знакъ князю Георгію; они совѣщаются между собой).

Фатима (къ первому офицеру). И ты тоже усталъ?

Первый офицеръ. Я не усталъ, и никто изъ насъ не усталъ. Но скипетръ царицы не тяжелъ, и намъ онъ не противенъ.

Второй офицеръ. Мы какъ ягнята въ горахъ. Мы не видимъ нашихъ пастбищъ и наши виноградники не при-

надлежать намъ больше. Ночью мы сидѣли и слушали музыку въ Товинѣ, а здѣсь мы не слышимъ ея.

(Князь Георгій отходитъ отъ царицы и посылаетъ игумена куда-то. Черезъ мгновеніе тотъ возвращается, приноситъ два большихъ ключа, изъ которыхъ одинъ больше другого).

Царица. Если это такъ, Товинцы, если вы хотите встать подъ мой скипетръ, вы этимъ сами себѣ окажете благодѣяніе, а мнѣ—большое счастье. Я не устану оказывать вамъ милость.

Оба офицера (одинъ за другимъ). Мы хотимъ.

(Голоса Товинскихъ солдатъ; мы хотимъ).

Царица (къ писцамъ). Пишите.

Второй офицеръ. Но мы всѣ молимъ тебя, не ставляй насъ креститься.

Царица. Въ этомъ я клянусь. Никакого насилія.

Фатима. И не трогать нашей вѣры!

Царица. Да, безъ насилія, я уже слишкомъ много насилія употребила. Но не думаете ли вы, офицеры, что постепенно... можетъ быть... когда мы лучше узнаемъ другъ друга?

Фатима. Никогда.

Второй офицеръ. Ты кроткая царица и не желаешь намъ зла.

Царица. Я общаю васъ наставлятъ въ моей вѣрѣ и въ моемъ ученіи. Тогда вы можете выбрать.

Второй офицеръ. Пусть будетъ такъ.

Царица. Пишите.

Второй офицеръ. Мы не можемъ тебѣ передать ключей отъ нашего города въ знакъ нашего подданства, потому что они уже у князя Георгія.

Царица. Такъ получите ихъ теперь назадъ. Вернитесь въ вашу страну и въ ваши города; обзаводитесь тамъ домами и живите, какъ прежде.

(Принимаетъ отъ князя Георгія ключи и передаетъ ихъ второму офицеру.

Оба офицера, и сопровождающіе ихъ на заднемъ планѣ, падаютъ на мгновеніе на колѣни).

Царица. Ты, гетманъ, съ твоими солдатами, можешь проводить моихъ новыхъ подданныхъ. Черезъ три дня и три ночи я сама буду въ Товинѣ.

Фатима. Теперь все кончено?

Второй офицеръ. Что же намъ было дѣлать? Царица отдала намъ ключи отъ Товина, она наша мать.

Фатима. О-о, вы же здѣсь побѣдили сейчасъ.

Второй офицеръ. Потому что князь Георгій былъ нашимъ вождемъ.

Фатима. А теперь онъ васъ побѣдилъ. Развѣ у него не все время былъ этотъ великій замыселъ? Развѣ онъ не сидѣлъ сегодня ночью съ вами и не уговаривалъ васъ и не соблазнялъ васъ сложить оружіе?

Второй офицеръ. Князь Георгій великій воинъ: онъ видѣлъ, что мы въ крайности и не можемъ противостоять царицѣ.

Царица (сходя со ступенекъ). Это ты уговорилъ Товинцевъ, Георгій?

Фатима. Вы бы могли ему голову отрубить, когда онъ былъ въ вашихъ рукахъ.

Царица. Что ты говоришь, Фатима? Вѣдь это ты же спасла его.

Второй офицеръ. Она его спасла.

Царица. Она и сына моего спасла.

Фатима. Я исполнила волю Аллаха.

Царица. Я всю жизнь буду тебѣ благодарна, Фатима. Ты сдѣлала великое доброе дѣло.

Фатима. Что же, магометанинъ и долженъ быть лучше христіанина.

Царица. Я попробую быть такой же хорошей, какъ ты, Фатима.. Вы можете идти, писцы.

(Писцы уходятъ).

Царица. И вы, Товинцы, идите съ Богомъ. Мой поклонъ передайте всему народу Товинскому. Когда я буду у васъ въ городѣ, мы напишемъ договоръ вмѣстѣ.

(Оба офицера уходятъ въ глубину).

Царица. Твой барабанщикъ, гетманъ, пойдетъ впереди носилокъ хана.

(Шествіе выстраивается. Барабанный бой. Оба офицера прикладываютъ пальцы къ груди, ко рту и ко лбу. Всѣ Товинцы уходятъ. За ними слѣдуетъ гетманъ и солдаты. Оставшіеся стоятъ и кланяются, пока барабанный бой не затихаетъ).

Царица. Ты опять одержалъ большую побѣду, Георгій! Благодарю и за нее!.. Теперь играйте, музыканты. Пусть дѣвушки танцуютъ. Радость теперь въ замкѣ!

(Она садится съ княземъ Георгіемъ и со своими дѣтьми.

Струнная музыка. Танцы)

Фатима. Товинцы уходятъ. Идти мнѣ за ними? Что мнѣ дѣлать?

Царица. Тебѣ—что тебѣ дѣлать, Фатима? Тебѣ хочется уйти? Останься навсегда со мной. Проси меня о чемъ хочешь, и ты получишь это. Ничто не будетъ для тебя слишкомъ хорошо. Подожди меня тамъ въ комнатахъ.

Фатима (въ сильномъ волненіи). Благодарю тебя за твою доброту ко мнѣ! (Уходитъ за второй занавѣсъ).

Георгій. Мы пойдемъ къ Фатимѣ!

(Уходитъ, держа за руку Русуданъ.

Молчаніе. Музыка и танцы продолжаются).

Царица. Ты улыбаешься, отецъ игумень?

Игумень. Я смотрю на твоихъ танцовщицъ. Онѣ оживлены сегодня.

Царица (улыбается). Радуйся, радуйся, отецъ игумень. Мы всѣ будемъ радоваться.

Игумень. Но та вонъ все же лучше всѣхъ.

Царица. Довольно теперь?

Князь Георгій. Да.

Царица (поднимая руку). Благодарю васъ, дѣвушки. Благодарю васъ, музыканты. Теперь довольно.

(Музыка и танцы прекращаются; дѣвушки низко склоняются. Всѣ уходятъ черезъ входъ въ глубинѣ.

Игумень съ минуту смотритъ имъ вслѣдъ, затѣмъ поспѣшно уходитъ за ними).

Царица (поднимается). Пойдемъ?

Князь Георгій (тоже поднимаясь). Да. (Останавливается).

Царица. Ну вотъ ты стоишь и смотришь на меня, и не знаешь, что тебѣ дѣлать. Георгій, я же люблю тебя—я пойду туда, куда ты пойдешь!

(Обнимаетъ его одной рукой и ведетъ его ко второму занавѣсу).

ПОДЪ ПОЛУМЪСЯЦЕМЪ

ПУТЕВЫЯ КАРТИНЫ ТУРЦИИ

Перев. К. Д. БАЛЬМОНГА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- I. ВЪ ВОСФОРЪ.
- II. КОФЕЙНЯ и МЕЧЕТЪ.
- III. КЛАДБИЩЕ и ДЕРВИШИ.
- IV. ПОСЪЩЕНИЕ ХРАМА СУЛТАНОМЪ.
- V. БАЗАРЪ.
- VI. ТУРКИ.

I.

ВЪ БОСФОРЪ.

Мы ѣдемъ съ востока въ Константинополь. Мягкій осенній вечеръ. Черное море металлически гладко; вдоль береговъ Турецкой Арменіи, мы видимъ, какъ сидятъ люди въ безрукавкахъ передъ своими домами и курятъ; мы видимъ, какъ поднимается дымъ изъ ихъ трубокъ, такъ тихо.

Весь пароходъ сотрясается отъ машины. Мы на Марсельскомъ пароходѣ „Мемфисъ“. „Мемфисъ“, старается, насколько ему позволяетъ его составъ, чтобы еще сегодня вечеромъ придти въ Константинополь. Но чѣмъ дальше мы подвигаемся впередъ, тѣмъ все меньше и меньше надежды; капитанъ отвѣчаетъ намъ всѣмъ: нѣтъ, сомнительно, успѣемъ ли мы. Тотчасъ же по входѣ въ Босфоръ, на сторонѣ Скутари, находится маленькій городъ, называющійся Кавакъ; этотъ городъ мы еще не проѣхали; все дѣло въ немъ! Кавакъ смотритъ такимъ невиннымъ; вверху его громадныя стѣны старыхъ укрѣпленій; но за развалинами этими скрывается мощная батарея современныхъ пушекъ, и если мы не пройдемъ передъ этими пушками до „заката солнца“, то путь намъ отрѣзанъ.

Мы съ шумомъ двигаемся дальше. Мы уже видимъ передъ собой невдалекѣ Кавакъ; но капитанъ отвѣчаетъ намъ всѣмъ; нѣтъ, мы не успѣемъ. Капитанъ маленькій черненькій французъ южанинъ; съ его лѣвымъ глазомъ

что-то неладно; онъ косить. Поэтому, я не могу понять, какъ онъ можетъ командовать такимъ большимъ пароходомъ.

Этотъ-то! Командиръ тоже! думаю я и смѣюсь про себя надъ нимъ, потому что онъ не можетъ успѣть придти въ Кавакъ до захода солнца. Онъ просто напросто слѣпъ на лѣвый глазъ, и такое-то существо хочетъ быть командиромъ!

Ну вотъ—намъ осталось еще нѣсколько узловъ до форта. Мы стоимъ съ часами въ рукахъ и считаемъ. Но такъ какъ никто не знаетъ турецкаго времени, мы считаемъ совсѣмъ наугадъ.

Около меня стоитъ японецъ. Онъ стипендіатъ торговой школы, воспитанный въ Англии, маленькій ловкій господинъ, который уже нѣсколько разъ продѣлалъ эту дорогу; его мнѣніе безцѣнно. „По турецкому времени который теперь часъ?“

„О, это я вамъ сейчасъ скажу“, говоритъ онъ и показываетъ на крѣпость вверху. „Видите тамъ солдата, который подходитъ къ шесту съ флагомъ? Послѣдите за нимъ“.

Солдатъ остановился близъ шеста.

Внезапно раздался сигнальный выстрѣлъ. Солдатъ спустилъ флагъ.

„Шесть часовъ“, говоритъ японецъ. „Закатъ солнца“.

Какъ разъ передъ нашимъ носомъ! Какъ разъ, когда мы подошли къ крѣпости! Нѣтъ, конечно, мы сегодня уже не достигнемъ Константинополя съ слѣпымъ командиромъ! Богъ знаетъ, такимъ способомъ достигнемъ-ли мы вообще когда-нибудь Константинополя! Никогда больше не поѣду съ французомъ!

Мы бросили якорь. Къ пароходу подходятъ лодки съ разными мундирными турками, санитарями и таможенными чиновниками. Мы нѣсколько напряженно ждемъ, что турки

будутъ съ нами дѣлать. Можно-ли ихъ умиловать? Или пробилъ нашъ послѣдній часъ? Это старые, вѣжливые люди, которые задаютъ намъ по-французски нѣсколько вопросовъ и ничего больше съ нами не дѣлаютъ. Въ теперешнее время нѣтъ чрезмѣрной опасности имѣть дѣло съ турками, съ тѣхъ поръ какъ они перестали ѣсть людей. Я предлагаю одному изъ таможенныхъ чиновниковъ папиросу, чтобъ заискать у него,—чтобъ быть послѣднимъ, на кого онъ набросится; онъ беретъ папиросу и предлагаетъ мнѣ взамѣнъ свою. И все это происходитъ попережку съ французскими комплиментами и благодарностями. Это удивительно, думаю я, какъ многого можно достичь даже и съ дикими турками, когда знаешь настоящее обращеніе.

И вообще, не пустяшно это дѣло забратъ въ самую глубь Турціи, продолжаю я думать. Не многіе выказали такое мужество! Турки не пожираютъ больше людей, ну да. Но кто же, поэтому, смѣетъ утверждать, что у нихъ нѣтъ зубовъ? Дерзнулъ-ли когда какой другой норвежскій писатель проникнуть въ эту страну? Гете въ свое время ѣздилъ изъ Веймара въ Италію; а въ Турціи онъ былъ?

Однимъ словомъ, не пустяшно это дѣло!

Позади насъ лежитъ Черное море, свѣтло-зеленое и тихое. Наступаютъ сумерки, день гаснетъ. Внизу на горизонтѣ горитъ полоса крови и золота. Мнѣ кажется, что ни въ одной странѣ я не видалъ такихъ горячихъ красокъ; и у меня чувство, что ничего нѣтъ прекраснѣе того, что дѣлаетъ самъ Богъ. Эта кровь и золото недвижны, они исчезаютъ очень медленно, и когда потухаютъ совсѣмъ, море подъ нимъ дѣлается изъ-синя-черное и тяжелое. Затѣмъ наступаетъ темнота. Вверху въ городѣ Кавакъ, зажигаются огни, и мы вывѣшиваемъ фонари.

На пароходѣ тихо. Персіянинъ съ женой своей, сидѣвшіе все время на палубѣ на своихъ подушкахъ и коврахъ,

кончили свою молитву, сидятъ теперь склонившись, и безмолвно думаютъ. Она такъ непроницаемо закутана въ свое покрывало, эта старая персіянка; а вчера я видѣлъ ея лицо; оно было поразительно бѣлое. И губы у нея были поразительно красныя. Вотъ ужъ навѣрно мажется, старая шкура, умаю я. А, можетъ быть, она совсѣмъ и не стара, — кто знаетъ. Мужъ ея высокій господинъ съ длинной бородой, властный на видъ. Его ногти и ладони выкрашены лавзоной.

Въ салонѣ на палубѣ опять начинается игра на роялѣ.

Съ нами на пароходѣ ѣдетъ человекъ съ двумя сыновьями, всѣ трое одинаковаго роста и всѣ трое на первый взглядъ кажутся однихъ лѣтъ; одинъ изъ этихъ трехъ играетъ опять. Они все время смѣняются у рояля. Одинъ изъ сыновей чахоточный и кашляетъ, но морской воздухъ такъ поправилъ его, что его грубое и добродушное лицо опять выглядитъ здоровымъ; только руки и виски у него синеватые. Всѣ трое жрутъ, какъ скоты, не менѣ другихъ и чахоточный. Во время завтрака и обѣда—по-французской манерѣ они поглощаютъ громадное количество хлѣба.

Я спускаюсь внизъ. Японецъ сидитъ и опять пишетъ. Онъ это дѣлалъ въ продолженіе всего путешествія. Передъ нимъ лежитъ цѣлая груда готовыхъ писемъ, которыя онъ хочетъ отослать домой изъ Константинополя. Пишетъ онъ съ величайшей легкостью—для него пустяки изготвить цѣлую массу этихъ причудливыхъ японскихъ письменныхъ знаковъ, похожихъ на слѣды птичьихъ лапъ.

„Дайте-ка я прочту, что вы написали“, говорю я.

„Пожалуйста“, говоритъ онъ, улыбаясь, и подвигаетъ ко мнѣ свои письма.

„Тогда скажите мнѣ, можно-ли мнѣ поставить этотъ знакъ тутъ. Я пишу нашему министру торговли“.

„Конечно“, говорю я, „оставьте его. Онъ выглядитъ за-

мѣчательно. Такой знакъ вамъ можетъ быть только полезень“.

„Это значитъ глупость“, объясняетъ онъ.

Тутъ я задумываюсь. Я въ состояніи лишить этого человека его стипендіи, его судьба въ моихъ рукахъ, я не долженъ злоупотреблять моимъ могуществомъ. И такъ, я рѣшаю спасти этого человека однимъ взмахомъ пера, я беру у него перо изъ руки и зачеркиваю знакъ.

„Ау!“ вскрикиваетъ японецъ и вскакиваетъ. „Вы не отъ знака зачеркнули!“

Затѣмъ онъ прилежно садится опять, чтобы переписать все письмо цѣликомъ.

Я съ своей стороны тоже хочу показаться прилежнымъ я сажусь и жду, пока онъ кончитъ. Я знаю, что когда у него находится сколько-нибудь времени, онъ очень любитъ поболтать со мной. Онъ совершенно оживляется, когда можетъ повыспросить кого-нибудь о томъ, или другомъ. Иногда онъ рассказываетъ тоже о своей родинѣ; нѣтъ въ мірѣ страны, какъ та, которой однажды будетъ Японія, когда она разовьется! Онъ женатъ, и у него ребенокъ; черезъ годъ онъ вернется домой; теперь ему надо посѣтить Константинополь, города Малой Азіи, Дамаскъ. Онъ очень силенъ въ англійскомъ и говоритъ самыя забавныя вещи; свою жену онъ называетъ своею *wife in body*, своей женой во плоти.

Въ немъ что-то не настоящее. Онъ развращенный восточный человекъ, его европейское платье слишкомъ велико для него, или онъ слишкомъ малъ для него. Онъ какъ-то черезчуръ охотно желалъ-бы „развиться“, *develop*.

„Какъ вы дѣлаете то или другое въ Японіи?“ спрашиваю я иногда.

„Мы? Въ Японіи? Мы это дѣлаемъ, какъ вы“, отвѣчаетъ онъ. „Какъ же бы мы могли дѣлать иначе? Мы развиваемся. Ужъ давно было, что мы дѣлали это по-японски!“

Въ этомъ вся суть для него—развиваться по-западному, подражать. И нѣтъ ничего, чему бы ему было слишкомъ трудно выучиться, такой онъ ловкачъ.

Въ Англіи онъ научился не запихивать салфетку подъ подбородокъ, какъ дѣлаютъ это шведы, а класть ее по образованному на колѣни. Да, попробуйте-ка! А какъ въ такомъ случаѣ предохранить свою бѣлую крахмальную грудь? Вотъ, напримѣръ, супъ, эта жидкость, съ которой чортъ знаетъ какъ трудно обращаться на ложкѣ. Но онъ видитъ, что ни одинъ изъ пассажировъ не пьетъ супъ съ тарелки. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ просто кладетъ свой носовой платокъ на грудь рубашки.

Онъ жалѣетъ турокъ, у которыхъ ему придется работать въ продолженіе цѣлаго года. Турки такъ отстали; какъ это непонятно, что турки не хотятъ ничему научиться?

Я упоминаю Китай.

Тогда онъ совершенно опечаливается и качаетъ головой. Китай не допустилъ къ себѣ ни чуточки европейской или американской цивилизаціи. У насъ у обоихъ слезы на глазахъ—мы жалѣемъ Китай.

„Знаете, что я думаю“, говоритъ онъ. „Китай никогда не цивилизуется!“

Все же мнѣ сдается, что сужденіе это жестоко, и я заклиная его не терять совершенно надежды. Надо только предоставить дѣйствовать миссіонерамъ! Еще есть время; надо щадить ихъ!

„Въ странѣ этой происходитъ разложеніе“, говоритъ онъ. „Я тамъ былъ. Мы въ Японіи пробуемъ образовывать ихъ понемногу, но ученики слишкомъ самодовольны. Повѣрите-ли вы, что во всемъ Китаѣ нельзя увидеть ни одной фабричной трубы! А внутри страны они воздѣлываютъ свой чай и рисъ по стародавнему, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ“.

„Какъ это, собственно? Расскажите мнѣ что-нибудь объ этомъ!“

„Ахъ, объ этомъ мнѣ совсѣмъ не хочется говорить. Ну вотъ для примѣра, такой пустякъ, какъ заборы: у нихъ до нынѣшняго времени нѣтъ заборовъ вокругъ ихъ земель.“

„Какъ же это они такъ обходятся безъ нихъ?“

„Каждый отдѣльно, просто напросто, уговаривается со своимъ сосѣдомъ о томъ, сколько земли ему принадлежитъ“.

Я долженъ сдать теперь; я говорю:

„Упаси насъ Боже отъ такихъ состояній! Но вотъ я видѣлъ въ Санъ-Франциско китайцевъ; они стирали мнѣ бѣлье. Для меня невыносима мысль, что Зангъ-Зингъ и Дженгъ-Джангъ должны безвозвратно погибнуть! У нихъ такіе добродушные глаза и великолѣпныя косы!“

„Великолѣпныя косы, говорите вы? Ха-ха-ха! Вы ничего лучшаго не можете сказать про вашихъ китайцевъ? Мы въ нашей странѣ искоренили косы. На что намъ этотъ некультурный вздоръ!“

„Но они все же кое-чему научились въ странѣ Янки“, говорю я, чтобы поддержать моихъ друзей и не дать ихъ въ обиду. „Они часто обманывали меня съ бѣльемъ“.

* * *

Утромъ мы просыпаемся, когда якорь уже поднять. Шестъ часовъ—ясное утро.

Вверху на фортѣ мы видимъ, какъ болтаютъ солдаты и офицеры, стоя кучками; потомъ начинается ученье. А мы входимъ въ Босфоръ.

Городъ за городомъ по обѣ стороны, чѣмъ дальше мы двигаемся; между каждымъ изъ нихъ всего лишь нѣсколько минутъ. Въ сущности, это одинъ безконечный городъ. Мы видимъ все, что происходитъ въ странѣ, такъ все близко. И все, что мы видимъ, совсѣмъ другое, чѣмъ мы себѣ представляли. Развѣ мы не въ Турціи? Въ продолженіе тридцати

лѣтъ я читалъ объ извѣстной странѣ на Босфорѣ, которую нечестивые султаны довели до края пропасти. Эти маленькіе города расположены среди виноградниковъ и цвѣтниковъ; тяжелый красный пламень розъ на грядкахъ доходитъ до насъ; мы ѣдемъ, какъ въ сказкѣ.

Я думаю: командиръ все-же, должно быть, не слѣпой! Онъ знаетъ о всемъ этомъ великолѣпнн и хочетъ проѣзжать здѣсь только при свѣтѣ дня! Я беру назадъ все мое вчерашнее недовольство имъ.

Какъ нарядно и благоустроено и богато все въ этой странѣ выгладить! Вотъ мы видимъ турка, который несетъ воду изъ колодца, тамъ другой, который мететъ маленькую площадку передъ своимъ домомъ, третій разгуливаетъ въ своемъ саду, курить и разглядываетъ свои цвѣты. Тихо во всѣхъ этихъ маленькихъ городахъ, нѣтъ базарнаго шуму, нѣтъ сутолоки фабричной; у береговъ всякія лодки и суда, которыя нагружаютъ и выгружаютъ, изрѣдка мы слышимъ какъ перекликаются съ корабля къ кораблю, но никакого шума. Какъ это удивительно: въ продолженіе мили ѣхать мимо городовъ и не слышать стоящаго надъ ними крика! То тамъ, то здѣсь среди ландшафтовъ видишь великолѣпныя развалины прежнихъ временъ.

Но вотъ когда такой маленькій городъ живетъ нѣсколько времени мирно и находится какъ разъ въ расцвѣтѣ, вѣрно тогда султанъ изъ Константинополя нападаетъ на него убиваетъ жителей и присваиваетъ себѣ ихъ деньги—не такъ ли это бываетъ? Онъ даже связывалъ свои жертвы въ небольшие узлы и бросалъ ихъ въ Босфоръ. Ну да, съ этого онъ началъ, когда пересталъ ѣсть христіанскую плотъ. Что-нибудь подобное должна же была продѣлывать сія персона! О, „великій старикъ“ въ Англіи, который зналъ все, зналъ и объ „убійцѣ на тронѣ“. И такъ какъ онъ былъ изъ тѣхъ, которые ничего не боятся, онъ сказалъ туркамъ правду.

Одинъ годъ онъ бомбардировалъ Александрію, а на слѣдующій годъ онъ поднялъ голосъ въ защиту угнетаемой Арменіи. Кто стоялъ за правду, тотъ слышалъ его голосъ.

А эта исторія съ солдатами, способными защищаться, которыхъ онъ связывалъ въ узлы и топилъ въ морѣ, не есть ли это совершенно необыкновенная хитрая система для военнаго полководца, которому нужны его люди. Три большихъ державы только и заняты тѣмъ, что поджидаютъ, чтобъ упомянутый полководецъ совсѣмъ обнаружилъ себя; а тотъ увеселяетъ себя по единственной своей кровожадности тѣмъ, что истребляетъ свое войско и отравляетъ жизнь своимъ подданнымъ дабы особенно сдѣлаться ненавистнымъ тѣмъ, кто какъ разъ долженъ спасти его!

Гдѣ находится правда, не легко узнать—быть можетъ, потому, что у насъ вся европейская пресса, которая передаетъ намъ ее, единогласна. Дѣлаешься нѣсколько недовѣрчивымъ. Другая сторона, которую бы тоже слѣдовало выслушать,—смотреть. Слѣдующія мысли приходятъ въ голову:

Абдуль Гамидъ казалось бы поднялъ Турцію на такую высоту, заставивъ ее уважать, какъ этого въ продолженіе многихъ лѣтъ не было. Насколько позволяли обстоятельства, онъ интересовался и поднятіемъ торговли, не возставалъ противъ реформы школьнаго дѣла въ своей странѣ, допустилъ постройку нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ, онъ преобразовалъ свое войско. Человѣкъ этотъ, говорятъ, работникъ, труженикъ; встаетъ въ пять часовъ утра, у него цѣлый штабъ секретарей, которые ночуютъ во дворцѣ на случай, если-бъ что-нибудь случилось. Что онъ сѣдой, и для знатнаго турка, тощій и безъ живота, это я самъ видѣлъ.

Что касается его жестокости относительно христіанъ, она дѣйствительно совсѣмъ магометанская. Не даромъ же онъ повелитель „правовѣрныхъ“, „калифъ Ислама“. Но объ

этомъ слѣдовало бы выслушать другую сторону; а другая сторона молчить. Говорить только одна сторона, говорить, не переставая, на весь свѣтъ. Вотъ, напримѣръ, въ Contemporary Review эта сторона ненавистникъ, который, кромѣ того, турецкій чиновникъ, сообщаетъ слѣдующее:

Извѣстно, что христіанскіе элементы въ турецкой странѣ открытые или тайные враги правительства. Къ чему они стремятся и чего они уже достигли въ своей борьбѣ за независимость, объ этомъ Европа хорошо освѣдомлена. И наоборотъ, Европа, кажется, еще не открыла, что это стремленіе къ независимости имѣется и у магометанскихъ подданныхъ, у Курдовъ, Албанцевъ и т. д. Они, конечно, не обладаютъ „смѣлостью и умомъ“ христіанъ,—но все же выказываютъ хроническое желаніе оказать вооруженное сопротивление Абдуль Гамиду.

Стоить только посмотрѣть!

Положимъ, евреи въ Норвегіи начали бы высказывать открытую или тайную вражду и къ тому же еще хроническое желаніе оказать ему вооруженное сопротивленіе, что было-бы? Мы бы подавили тогда сопротивленіе и разстрѣляли бунтовщиковъ. Но этимъ бы дѣло не кончилось. Тогда евреи подняли бы вой на весь свѣтъ. И христіанская Европа завывала-бы съ ними. Завывала-бы съ ними и Турція.

А мы, другая сторона, молчимъ.

Отъ одного писателя въ Monthly Magazin Харпера мы узнаемъ, что когда произошло послѣднее армянское возстаніе, то въ главномъ городѣ Арменіи находилось приблизительно двадцать пять процентовъ всѣхъ высшихъ чиновниковъ. Изъ этого можно заключить, что Калифъ Ислама не всѣ свои силы направляетъ на то, чтобы искоренять христіанъ, что, напротивъ, онъ щадитъ тѣхъ, которые не проявляютъ враждебности правительству. Самые могущественные люди во всей Турціи, армяне и греки—христіане.

Казначей султана армянинъ; половина турецкихъ пословъ за границей бывали время отъ времени греки, даже въ самыхъ важныхъ мѣстахъ, какъ нынѣ умершій посолъ въ Берлинѣ, Аристархъ Бей. И тѣмъ-же христіанамъ принадлежитъ три четверти всѣхъ земель турецкаго царства.

Армяне это тѣ-же торговые евреи на востокѣ. Они втираются всюду отъ Балканъ до Китая, во всѣхъ городахъ, гдѣ ни бываешь, встрѣчаешь армянъ. Въ то время какъ въ газетахъ оплакивается злосчастная судьба этого народа, на востокѣ можно нерѣдко услышать, что эта судьба заслужена ими; они всѣми, съ удивительнымъ единодушіемъ, признаются мошенниками. Въ самой Турціи они вытѣсняють собственныхъ уроженцевъ, то съ одного мѣста, то съ другого, и занимають ихъ положеніе. Торговля переходитъ въ ихъ руки, заимодавческія дѣла и деньги и вымогательства.

Потому что турки не обладаютъ „смѣлостью и умомъ“ христіанъ.

Мы потихонечку подвигаемся дальше и видимъ ужъ издали Константинополь. Сначала мы видимъ нѣсколько зданій посольствъ великихъ державъ, которыя господствуютъ благодаря тому, что расположены на открытыхъ мѣстахъ, и благодаря своимъ грубымъ размѣрамъ и казарменному стилю производятъ некрасивое впечатлѣніе. Затѣмъ мы видимъ минареты.

Тамъ, гдѣ стекаются воды Мраморнаго моря, Золотого Рога и Босфора, расположена столица Турціи. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ равнаго положенія этому городу—по обѣ стороны красивыя естественныя возвышенности, а внизу вода! Городъ лежитъ въ двухъ частяхъ свѣта. Въ Константинополь нѣтъ того красочнаго богатства, что въ Москвѣ, нѣтъ той зелени, золота и краснаго цвѣта ея куполовъ; но въ немъ есть то, чего нѣтъ въ Москвѣ: бѣлые минареты на фонѣ неба.

Все оживленнѣе и оживленнѣе становится на водѣ; сотни лодокъ и судовъ носятся взадъ и впередъ и затрудняютъ намъ проходъ. Матросы въ длинныхъ платьяхъ, на нѣкоторыхъ красныя какъ кровь фески, другіе въ тюрбанахъ,—у всѣхъ загорѣлыя лица и орлиные носы. Эти длинныя платья на мужчинахъ очень идутъ къ восточнымъ береговымъ судамъ; ничего не надо мѣнять: форма остова и снастей, одежда на людяхъ въ видѣ мѣшковъ—такъ все это чудесно по ту сторону современности! Это приводитъ въ движеніе наше отупѣвшее западное воображеніе!

Въ продолженіе всего пути мы свистимъ и даемъ сигналы и, наконецъ, мы пристаемъ. Никогда въ жизни я не видалъ подобной давки, которая происходитъ здѣсь! Всѣ хотятъ намъ помогать заразы, хотятъ оказывать намъ услуги, вести насъ въ гостиницу; и большая часть проситъ милостыню. Мы замѣчаемъ множество гостиничныхъ слугъ съ золотыми буквами на шапкѣ. Мы выбираемъ себѣ человѣка и отдаемъ въ его власть и на его попеченіе. Впрочемъ, мы совершенно такъ же могли-бы выбрать себѣ кого-нибудь другого, такъ какъ всѣ гостиницы здѣсь въ рукахъ синдикатовъ, и въ одну изъ его гостиницъ мы все равно бы попали. Но человѣкъ нашъ очень ловкій и знаетъ свое дѣло; когда одинъ надсмотрщикъ, старый турокъ, въ тюрбанѣ и съ длинной бородой не захотѣлъ намъ отдавать нашъ багажъ—потому что онъ точно также могъ принадлежать другимъ—нашъ человѣкъ просто протянулъ ему монету, и турокъ тотчасъ-же сталъ сговорчивъ.

И дальше весь нашъ путь продолжается съ подобными подкупамі. Намъ нужно пройти черезъ таможеню. Тамъ происходитъ чудовищная давка, перерываютъ сундуки и мѣшки. Такъ какъ я въ сопровожденіи дамы, насъ впускаютъ очень вѣжливо; но багажъ нашъ отсталъ. Намъ показываютъ на сидѣнье. Мы садимся и ждемъ. Наконецъ,

является нашъ человѣкъ съ багажомъ. Его очень много, есть багажъ толстый и тяжелый; между прочимъ нѣсколько вещей изъ Персіи—ковры. Но человѣкъ нашъ знаетъ всѣхъ таможенныхъ чиновниковъ. Онъ черезъ скамьи протягиваетъ имъ монеты, некрупныя, но каждый отдѣльно получаетъ какой-нибудь пустякъ.

Все происходитъ весело и быстро. Мы не раскрываемъ ни одного сундука, не развязываемъ ни одного пакета.

Въ экипажѣ нашъ человѣкъ объясняетъ намъ свои пріемы. Онъ предпочитаетъ этотъ методъ проходить таможеню установленному, который беретъ массу времени и очень сложенъ. Онъ прямо спрашиваетъ таможенныхъ чиновниковъ: „Я давалъ вамъ что-нибудь?“ Если онъ получаетъ въ отвѣтъ „нѣтъ“, онъ говоритъ: „Такъ пожалуйста Какъ это я васъ забылъ!“ И платитъ.

Мы ѣдемъ въ гостиницу.

II.

КОФЕЙНЯ И МЕЧЕТЬ.

Совсѣмъ темно, такъ рано еще; но насъ разбудили собаки на улицѣ, и мы не можемъ больше спать. Мы ложимся на открытыя окна, смотримъ изъ нихъ и ждемъ. Суевливая жизнь въ городѣ уже началась, лаццарони, лежавшіе на скамьяхъ вдоль парка, шевелятся, зябнутъ, встаютъ; носильщики воды и продавцы фруктовъ въ разгарѣ дѣятельности; кофейни открываются. Затѣмъ вскорѣ, когда больше свѣтаетъ, мы видимъ рощи пальмъ и кипарисовъ; бѣлый мерцающій свѣтъ надъ холмомъ Пера вдругъ ярко вспыхиваетъ— и сразу солнце надъ минаретами города, солнце надъ Золотымъ Рогомъ!

Красная радость пронзаетъ тебя внутри. Если все въ эту долгую ночь дремало и спало—теперь все просыпается! Невозможно оставаться дольше дома! Гостиница такая громадная, такая изящная и европейская; мы знаемъ, что мы можемъ подойти къ двери и позвонить въ электрической звонокъ лакею во фракѣ, но мы этого не дѣлаемъ, мы предпочитаемъ взять назадъ наши башмаки нечищенными и надѣть ихъ. Въ столовую мы не можемъ явиться въ такомъ видѣ, гдѣ ужъ—туда входятъ янки съ женами, шурша шелкомъ, обвѣшанные золотомъ, и англичане разгуливаютъ тамъ въ лаковыхъ башмакахъ; намъ нужно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ найти себѣ поѣсть. Вѣдь навѣрно гдѣ-ни-

будь на базарѣ есть какая-нибудь лавочка или лотки, гдѣ другіе люди себѣ находятъ ѣду.

Улицы быстро наполняются; послѣ прогулки вдоль парка кажется, будто весь городъ на ногахъ. Собаки всюду, собаки мелькаютъ во всѣхъ улицахъ, желтыя дворняжки, уродливыя помѣси всякихъ псовъ; онѣ такъ голодны, что ихъ рветъ, онѣ воютъ и огрызаются другъ на друга, какъ волки. И посреди ихъ бредутъ лошади, ослы, верблюды и всѣ народныя племена Востока.

Мы входимъ въ лавочку съ тремя стѣнами; четвертой стѣны, которая должна была выходить на улицу, нѣтъ. Вдоль стѣнъ на скамьяхъ, обитыхъ краснымъ, сидятъ мужчины въ тюрбанахъ и мужчины въ тарбухахъ; они сидятъ, подогнувъ ноги на диванахъ, пьютъ кофе и курятъ. Здѣсь кажется уютно; въ мѣдной блестящей посудѣ на очагѣ много всего вкуснаго. И слуги, которые ходятъ взадъ и впередъ, тоже дымятъ папиросами. Такъ какъ я въ сопровожденіи дамы, намъ предлагаютъ лучшее мѣсто въ свободномъ углу.

Это кофейня, куда мы попали, и мы спрашиваемъ кофе. Никто не выказываетъ удивленія нашему приходу, хотя, можетъ быть, это въ первый разъ, что въ это помѣщеніе входитъ женщина. Будто всѣ гости дали другъ другу слово не глазѣть на насъ. Восточный челоуѣкъ считаетъ ниже своего достоинства выказывать любопытство. Мы сидѣли во многихъ лавкахъ на Востокѣ, гдѣ насъ угощали и кофе, и папиросами, и только, когда мы, кончивъ покупки, собирались уходить, хозяинъ лавки спрашивалъ: „откуда мы путь держимъ? и куда?“ Такъ мало имъ было дѣла до насъ.

Кофе подается намъ въ крошечныхъ чашечкахъ. Онъ крѣпокъ, какъ деготь. Мы дѣлаемъ, какъ другіе: каждый разъ, когда мы пьемъ, мы трясемъ немного чашку, чтобы гуща поднялась. Мы и то дѣлаемъ, какъ другіе, что мы откидываемся и устремляемъ глаза въ потолокъ; потому что мы

пьемъ мокка, и это божественный напитокъ! Мы киваемъ другъ другу, мы такого кофе, молъ, никогда не пивали. Но онъ для насъ слишкомъ сладокъ. Не можемъ ли мы еще получить, но безъ сахара. Мы дѣлаемъ знаки слугѣ, но онъ насъ не понимаетъ. *Sans sucre*, говоримъ мы. Тутъ одинъ турокъ у другой стѣны говоритъ тихо нѣсколько словъ слугѣ; оказывается, онъ насъ понялъ. Слуга приноситъ кофе безъ сахара. Я встаю, раскланиваюсь передъ туркомъ и благодарю его; и онъ тоже раскланивается, не вставая, и потомъ ужъ не обращаетъ больше никакого вниманія на насъ. Въ сущности, это благородная манера; если-бы и онъ всталъ и раскланялся, это было бы слишкомъ. И какое ему дѣло до насъ, туристовъ? До насъ, западниковъ, варваровъ, какое ему дѣло?

Слуга съ наргиле въ рукахъ смотритъ на меня вопросительно. Да, киваю я, и беру его. Слуга все приготовляетъ, зажигаетъ его горящимъ уголькомъ, протягиваетъ мнѣ трубку. Мундштукъ у этихъ трубокъ слишкомъ толстъ, чтобъ взять его въ зубы; его приставляютъ къ губамъ. И я курю. Но я и прежде уже въ Лондонѣ и въ Парижѣ курилъ потурецки, такъ что для меня это не совсѣмъ ново. Я отставляю трубку, которая мнѣ совсѣмъ не особенно нравится и закуриваю сигару.

Входитъ нѣсколько музыкантовъ, съ струнными инструментами и барабаномъ. Музыканты съ папиросами въ зубахъ располагаются на полу и начинаютъ играть куря. Музыка намъ такъ же непонятна, какъ всякая музыка, которую мы слышали во время нашего путешествія по Востоку; она невѣроятная, она сбиваетъ насъ съ толку и спутываетъ всѣ наши понятія о томъ, къ чему привыкло наше ухо. Вдругъ одинъ изъ музыкантовъ принимается строить гримасы и танцовать. Этотъ старый почтенный турокъ въ тюрбанѣ смѣшонъ своими дурацкими прыжками, и всѣ въ

лавкѣ весело усмѣхаются. При такихъ условіяхъ барабанщику хочется продѣлать то же самое—онъ вскакиваетъ и принимается припрыгивать на одномъ мѣстѣ, въ то время, какъ онъ барабанитъ изо всѣхъ силъ. Потомъ музыка сразу смолкаетъ и старый танцовщикъ застываетъ въ искривленной позѣ.

Теперь ходятъ съ оловянной тарелкой. Мы не знаемъ платы за такую музыку, зрителями которой—если я могу такъ выразиться—мы сейчасъ были. Но и мы кладемъ нѣсколько монетъ на тарелку. Мы ли это, или кто другой—но кто-то заплатилъ необычайно много; теперь музыканты усмѣхаются довольные, и старый танцоръ хочетъ еще больше постараться за эти деньги; онъ принимается снова танцовать. Онъ такъ близко подходитъ къ намъ, что мы принуждены встать и прижаться въ уголь, чтобы онъ могъ какъ слѣдуетъ показаться во всемъ блескѣ. Мы еще никогда не видали стараго человѣка, который такъ мало жалѣлъ себя!

Послѣ этого музыканты закуриваютъ папиросы и уходятъ. Они никому не кланяются и никого не благодарятъ; они играли и имъ заплатили—и дѣлу конецъ.

А теперь кофе начинаетъ дѣйствовать. Я чувствую пріятную истому, чувствую легкой трепеть, и рука моя дрожить. Намъ надо поѣсть! Но здѣсь нечего ѣсть. *Poulet!* говоримъ мы. Тотъ же турокъ снова переводитъ; но слуга улыбается и качаетъ головой, въ знакъ того, что тутъ нѣтъ никакой ѣды. Но мы хотѣли бы остаться здѣсь, здѣсь хорошо; и такъ какъ кромѣ того мы устали отъ кофе, мы очень неохотно поднимаемся съ дивана. Дай ему на чай, говоритъ моя спутница. Я даю ему на чай. Онъ дѣлаетъ видъ, что никакой монеты ему не попало въ руку; но мы видимъ, что онъ о чемъ-то размышляетъ. Наконецъ, онъ принимаетъ рѣшеніе, выходитъ на улицу и не возвращается.

Это онъ пошелъ за курицей! думаемъ мы. Между тѣмъ другой слуга слѣдитъ за нами, подливаетъ намъ кофе въ чашки. И мы откидываемся, чувствуемъ себя турками и смотримъ въ потолокъ. И мы начинаемъ думать. Какое, въ сущности, благо, что этотъ народъ, живущій такъ близко отъ Европы, сумѣлъ такъ хорошо предохранить себя отъ всякой суеты, думаемъ мы. Вотъ сейчасъ лежатъ тутъ двадцать человѣкъ на диванахъ и наслаждаются своимъ утромъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить куда-нибудь на фабрику, или въ контору, чтобы тамъ надрываться цѣлый день. Чѣмъ живутъ эти люди? Одни смѣняютъ другихъ, одни приходятъ, другіе уходятъ, и, кажется, у всѣхъ есть время наслаждаться утромъ. Съ виду люди эти кажутся различныхъ сословій, отъ бѣдно одѣтаго рабочаго, который ходитъ по базару въ поискахъ случайнаго заработка, до изящнаго эффенди, съ рубиномъ на мизинцѣ. Одинъ изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, настоящій щеголь: его волосы надушены, усы нафабрены, его энтари изъ темно-синяго сукна, и на ногахъ у него лаковые башмаки. А ближе къ намъ, на нашемъ диванѣ сидитъ мастеровой; мы потомъ его видали за маленькимъ прилавкомъ на улицѣ; онъ былъ шляпникъ и разглаживалъ публикѣ ихъ старыя тарбухи. Теперь онъ сидитъ здѣсь, и у него есть на это и время и средства. Жизнь въ этой странѣ такъ дешево стоитъ простому человѣку; ломоть хлѣба, луковица и фиговое варенье, размѣшанное въ водѣ, вотъ обѣдъ турка. И до и послѣ оконченной работы онъ сидитъ въ кофейнѣ или въ тѣни, подъ воротами мечети и отдыхаетъ и питаетъ свою мечтательность. Въ то время какъ социалисты Запада бросаются на газеты съ ревомъ.

А крестьянинъ въ деревнѣ—о немъ развѣ не надо подумать? Когда изъ Константинополя ѣдешь по сушѣ въ старый городъ Бруссы, проѣзжаешь по роскошнымъ мѣстамъ,

лѣсамъ, пшеничнымъ полямъ и виноградникамъ; но дома этихъ жителей въ жалкомъ видѣ. И точно въ такомъ же жалкомъ видѣ ихъ одежда. Подъ этимъ градусомъ широты возможна эта убогость—какъ подъ широтами другихъ мѣстъ возможны хижины изъ бамбука и поясъ изъ фиговыхъ листьевъ. Войдемъ въ хижину Феллаха и осмотримъ ее, не оплакивая ее: у него крыша, которая ему нужна, у одной изъ стѣнъ очагъ, у другой прядильный станокъ. Веревки протянуты, чтобы сушить платье, домашняя утварь деревянная, оловянная и желѣзная. Въ ходу деревянные и кожаные башмаки, но для хозяйскаго сына нѣтъ никакихъ способовъ передвиженія. И для дочери точно также. Двери очень плохо устроены; часто ихъ совсѣмъ нѣтъ, какъ вообще въ восточныхъ странахъ. Такъ какъ турокъ никогда не пьетъ, онъ и не вламывается и не крадетъ.

Но несчастный Феллахъ,—что это за плугъ, который онъ рѣшается выставить напоказъ средь бѣла дня. Деревянный, скрещенныя палки. Неужто это современный плугъ—черезъ полторы тысячи лѣтъ послѣ пророка? Какой-нибудь аграрій изъ страны янки пальцемъ бы показывалъ на этотъ куріозъ и забавлялся бы ни въсть какъ: посмотрите-ка на этотъ плугъ! У насъ въ Америкѣ плуги стальные на двѣ лошади и на колесахъ катятся!

У турецкаго аграрія нѣтъ двухъ лошадей, чтобы пахать, одинъ только волъ. И поперечныя деревянные палки достаточно взрываютъ землю, чтобы въ ней сѣять. Этимъ цѣль достигнута. Въ „раціональномъ“ хозяйствѣ, съ стальнымъ плугомъ, запряженнымъ въ двѣ лошади, земля, конечно, была бы лучше вспахана и урожай былъ бы больше, въ шесть разъ больше. Но турецкій аграрій не ждетъ отъ земли больше того, что она даетъ. И то, что она даетъ ему, ему хватаетъ. У него такъ мало потребностей—ломоть хлѣба,

одна луковица, глотокъ воды съ фиговымъ вареньемъ—для него обѣдъ.

И работа и забота не есть единственное, что существуетъ для него на свѣтъ. Онъ работаетъ ровно столько, сколько ему нужно. Въ Америкѣ мы работали, какъ полоумные, мучились поденщиной, между дѣломъ на спѣхъ проглатывали бифштексъ, чтобъ съ новыми силами опять бѣжать въ поле на работу. И когда наступалъ вечеръ, мы тоже, какъ полоумные, валились въ постели, чтобъ выспаться къ работѣ слѣдующаго дня. И воскресенье было, какъ понедѣльникъ, въ этой неукротимой борьбѣ. У турка есть время праздновать пятницу по старому обычаю. И у него есть время ежедневно отдавать нѣсколько часовъ на молитву. А вечеромъ онъ сидитъ передъ своимъ маленькимъ домомъ и предается до глубокой ночи празднымъ мечтамъ и отдохновенію.

Кто счастливѣе изъ нихъ? И у того и у другого есть сокровища. Все дѣло въ томъ, очень ли печалится турокъ о томъ, что онъ долженъ обходиться безъ стального плуга. Какъ будто турки читали Джона Стюарта Милля, который говоритъ; „еще вопросъ, облегчили ли механическія изобрѣтенія человѣческому существу жизнь“.

Или Джонъ Стюартъ Милль взялъ это сомнѣніе у турокъ...

Теперь слуга возвращается съ улицы съ плодами на дощечкѣ. Онъ принесъ этотъ „завтракъ“ изъ лавочки. Но это не курица съ салатомъ, а всего только двѣ сладкихъ булочки; но слуга намъ подаетъ эти вещи съ такимъ лицомъ, какъ будто это все, что намъ нужно. Ахъ, онъ не знаетъ нашихъ сѣверныхъ потребностей! Хоть бы намъ говядины!

Мы въ первый разъ ѣдимъ сырыя, свѣжія фиги. Намъ не нравится этотъ фруктъ, онъ противно сладокъ, похожъ на кашу, какъ комокъ безъ сока, полонъ маленькихъ зернышекъ. Да, ужъ куда лучше были тѣ винныя ягоды, которыя въ дѣтствѣ приносили разносчикъ въ ящикахъ, эти

прессованныя деликатессы. Вотъ это были фиги! И виноградъ совсѣмъ не такой, какъ на Кавказѣ. Ничего на свѣтъ съ нимъ не можетъ сравниться!

Мы платимъ и уходимъ.

На улицѣ вдругъ появляется человекъ изъ гостиницы и хочетъ быть нашимъ проводникомъ. Этотъ ловкій человекъ замѣтилъ наше исчезновеніе изъ гостиницы, и рѣшилъ насъ разыскать въ городѣ, чего бы это ни стоило, чтобъ мы не могли избѣжать его услугъ. И онъ находитъ насъ.

Проводникъ—грекъ. Онъ развѣзжалъ по многимъ странамъ съ разными господами; его спеціальность—янки—онъ былъ и въ Америкѣ. Турки не сопровождаютъ чужестранцевъ. Для этого они слишкомъ горды, они знаютъ, что ихъ народъ обладалъ высшей культурой въ то время, какъ Римъ еще былъ варварскій. Проводниками иностранцевъ бываютъ греки, армяне и евреи. Турки лодочники, они развѣзжаютъ по тремъ морямъ, они носильщики, поденщики, но они не слуги туристамъ.

Мы недовольны и раздражены нашимъ проводникомъ, но мы не можемъ отъ него отдѣлаться. Онъ говоритъ, что его обязанность быть при насъ. И вообще похоже, что онъ, во всякомъ случаѣ, представитъ намъ счетъ, будемъ ли мы принимать его услуги, или нѣтъ.

Онъ ведетъ насъ на Галатскую башню, откуда мы видимъ городъ съ птичьяго полета. Проводникъ тотчасъ же начинаетъ показывать; Ladies and Gentlemen! говоритъ онъ,—хотя мы не принадлежимъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ,—вотъ здѣсь Пера, здѣсь Галата, тамъ Стамбуль, а тамъ Скутари.

Мы перебиваемъ его и просимъ насъ пощадить! Никогда онъ еще не имѣлъ дѣло съ такими неинтересующимися путешественниками въ Константинополь—мы вообще ничего

не желаемъ знать. Когда мы сходимъ внизъ по улицѣ онъ настаиваетъ быть проводникомъ, указываетъ прямо передъ собой и говоритъ: Софійскій соборъ.

И мы идемъ за нимъ.

Передъ входомъ въ мечеть намъ даютъ надѣть тростниковыя туфли поверхъ башмаковъ, чтобы не ступать нашими нечестивыми подошвами по полу ихъ святыни. Мы, собственно, совсѣмъ не можемъ двигаться въ этой обуви; но все же мы подвигаемся. Это безмѣрное пространство; но такъ какъ мы уже видѣли большія церкви и соборы, насъ прежде всего и больше всего поражаютъ не размѣры, а мощь и грубость архитектуры. Все массивно, тяжеловѣсно. Тамъ и здѣсь подъ сводами висятъ подвѣшанными люди и поправляютъ потолокъ, эти люди кажутся маленькими, какъ дѣти, такъ высоко до нихъ; но кверху не поднимается стройно ни колоннъ, ни арокъ, и наше первое впечатлѣніе, что церковь низка.

Знаки креста всюду тщательно уничтожены въ этой первоначально христіанской церкви; на стѣнахъ всюду изрѣченія изъ Корана; начертаніе имени Абдуль-Гамида блеститъ золотомъ на синемъ фонѣ. Никакихъ украшеній ни въ какомъ родѣ нигдѣ не видно. Вездѣ преобладаетъ сѣрая краска стѣнъ; только позднѣе мы разсмотрѣли, что на стѣнахъ мозаика. Тамъ и здѣсь галереи, для мужчинъ открытыя, для женщинъ за рѣшетками; это ложи для султана и его гарема. Когда мы подходимъ къ знаменитому мѣсту, гдѣ отпечатались пальцы Пророка на колоннѣ, проводникъ пытается начать повѣствовать. Мы должны сдѣлаться грубы и сказать ему, что мы эту исторію знаемъ такъ же хорошо, вѣроятно, какъ онъ, чтобы онъ только замолчалъ. Этотъ добрый проводникъ терзаетъ насъ своимъ громкимъ голосомъ, а вѣдь то тамъ, то здѣсь, въ углахъ сидятъ люди, которымъ онъ можетъ мѣшать. Замолчите,

драгоманъ! скажите намъ только; что это за люди сидятъ тамъ?

Студенты-теологи.

Мы подходимъ ближе и рассматриваемъ ихъ; они босые, изможденные, переутомлены; они смотрятъ въ рукописи, передъ ними книги, они заучиваютъ что-то наизусть. Это юноши, которые посвящаютъ себя служенію Пророку. Хотя нашъ проводникъ и громко говорилъ, ни одинъ изъ студентовъ не поднялъ глазъ, ни одинъ единственный. Это хорошо, думаемъ мы, изъ такого матеріала могутъ выйти сильные фанатическіе священники, которые не кокетничаютъ своей религіей, которые не дѣлаютъ уступокъ, которые не отпадутъ. Въ христіанствѣ священники должны приспособлять свое ученіе къ современности. Они должны двигаться наряду со временемъ,—ну да.

Мы проходимъ по всей мечети сверху до низу, но мы нѣсколько разъ возвращаемся къ студентамъ. И такъ какъ у насъ явилось подозрѣніе, что они только сидѣли такъ и для пущей важности будто-бы углублялись въ коранъ, потому что знали, что тутъ были иностранцы, мы оставили проводника, тамъ, гдѣ онъ былъ и подкрались къ одному, а потомъ къ другому студенту, чтобы потихоньку наблюдать за ними. Они учили не переставая, раскачиваясь въ тактъ взадъ и впередъ, какъ дѣти, которыя заучиваютъ уроки. Мы долго стояли спрятавшись и наблюдали за молодымъ челоувѣкомъ необычайной красоты. Онъ сидѣлъ съ непокрытой головой, и его рубашка и энтари были раскрыты на груди сдо пояса; голова его была прекраснѣйшей формы. Внезапно послѣ длинной паузы, въ продолженіе которой мы стояли овсѣмъ тихо, онъ поднялъ глаза, устремилъ свой взглядъ прямо на насъ и продолжалъ шевелить губами, какъ будто отвѣчалъ самъ себѣ урокъ. Я никогда этого не забуду. Этотъ горящій взглядъ былъ устремленъ откуда-то изда-

лека и прошелъ далеко мимо насъ; когда онъ опять сталъ смотрѣть въ свою книгу, онъ едва ли видѣлъ насъ. Если бъ мы были царской четой во всемъ ея великолѣпіи, онъ бы остался равнодушенъ къ нашему присутствію. Быть можетъ это благодаря преломленію лучей въ мечети онъ не видѣлъ насъ, думаемъ мы по нашему лукавству. Мы изслѣдуемъ, одинъ изъ насъ подходитъ совсѣмъ близко къ молодому человѣку, въ то время какъ другой стоитъ поодаль. Но мы ошиблись. Освѣщеніе превосходное.

Значить это была сильная воля, знать слова пророка, такъ, какъ они стояли тутъ, которая сдѣлала слѣпыми его глаза. Онъ сидѣлъ и заучивалъ ихъ наизусть. И триста милліоновъ людей живутъ на землѣ съ той-же волей и съ тѣми же силами. Пророкъ не всегда былъ ясенъ, описаніе его видѣній возвышенно и темно, вѣчно. Но его слова не выносятся въ повседневность и не толкуются любымъ болтливымъ попомъ. Пророка читаютъ вслухъ, больше ничего. И его принимаютъ.

Нашъ пророкъ былъ тоже не всегда ясенъ. Его ученики не понимали его. И когда они спрашивали о его взглядѣ на высокіе и священные предметы, онъ давалъ имъ отвѣты, которые они точно такъ же не понимали. Мистерія и не должна быть понята, она не для разговоровъ существуетъ. А если хочешь исказить великія и священные представленія, тогда надо „объяснять“ мистеріи, сдѣлать ихъ удобопонятными, низвести ихъ до пониманія церковныхъ прихожанъ, американизировать ихъ.

Проводникъ предлагаетъ намъ отправиться въ гостиницу поѣсть. Нѣтъ, ни за что, объ этомъ не можетъ быть рѣчи! Отведите насъ въ какую-нибудь турецкую столовую! Туда далеко! говоритъ проводникъ. Что изъ этого? Найдите носилки, мы хотимъ, чтобы все было совсѣмъ по-турецки!

Проводникъ ведетъ насъ къ экипажу, запряженному парой лошадей. Безъ дальнихъ околичностей онъ приказываетъ кучеру ѣхать черезъ Галатскій мостъ.

И мы разочарованные садимся въ экипажъ.

А мы то мечтали о носилкахъ съ эскортомъ евнуховъ, съ герольдомъ, въ полномъ парадѣ, который съ жезломъ въ рукѣ прокладываетъ намъ бы дорогу; такъ, говорятъ, бываетъ въ большихъ городахъ Египта. А здѣсь надо было ѣхать въ экипажѣ.

Мостъ необычайно длиненъ и качается, какъ качели, отъ большого движенія, которое происходитъ на немъ. При вѣздѣ надо платить за проѣздъ по мосту. Непрерываемая толкотня прохожихъ и проѣзжихъ происходитъ въ продолженіе всей дороги; красные тарбухи покрываютъ красными пятнами весь мостъ, насколько мы можемъ видѣть. Совершенно особенно это выглядитъ, голса къ головѣ въ красныхъ шапкахъ, всѣ въ движеніи—длинная рѣка, на которой плаваютъ красные маки. Мы переходимъ мостъ и попадаемъ въ смѣшанную часть города. Здѣсь преобладаютъ турбаны. Кучеръ лавируетъ среди этой давки съ увѣренностью, достойной удивленія; мы ѣдемъ такъ быстро, насколько позволяетъ состояніе дорогъ и улицъ, и попадаемъ въ тихое мѣсто. Тутъ сады, маленькія рощи акацій, дома съ зелеными рѣшетками передъ окнами и балконами—мы въ мѣрѣ гаремовъ.

„Здѣсь живетъ мать султана“ объясняетъ проводникъ. Нѣтъ никакихъ часовыхъ, никакого рода пышности—просто домъ вмѣсто дворца—съ рѣшетками. Вслѣдъ за этимъ мы подъѣзжаемъ къ дворцу сестры султана. Тѣ же рѣшетки. Мы подъѣзжаемъ къ гарему губернатора. Этотъ домъ—дворецъ, губернаторъ богатъ, у него сорокъ женъ. Грекъ качаетъ головой, чтобы показать намъ, что его точка зрѣнія, точка зрѣнія христіанина—одна жена.

Мы подъѣзжаемъ къ какой-то гостинницѣ. Оказывается, что этотъ хитрый грекъ отвезъ насъ преспокойно къ своимъ землякамъ, которые держатъ ресторанъ. Это скучный ресторанъ въ европейскомъ стилѣ съ лакеями въ смокингахъ съ атласными отворотами. Теперь ужъ ничѣмъ нельзя себѣ помочь, намъ надо сѣсть за столъ, какъ проводникъ, и ѣсть.

Но мы продѣлываемъ это очень быстро.

„Ну, а что теперь? спрашиваемъ мы проводника. „Мы хотимъ уѣхать. Вы можете остаться здѣсь“.

„Моя обязанность сопровождать васъ“, отвѣчаетъ онъ. „У насъ сегодня воюющіе дервиши. Но теперь туда еще рано, это только къ вечеру будетъ. Намъ надо посмотрѣть базаръ“.

И мы ѣдемъ на базаръ. Здѣсь надо быть восточнымъ поэтомъ, думаю я, и воспѣть всѣ эти чудеса и погрузиться въ арабскую ночь! Но на базаръ нельзя было смотрѣть, какъ на сказку, это былъ лабиринтъ лавокъ, гдѣ продавались всевозможные товары. Лавки съ шелковыми матеріями и украшеніями, мѣсто свиданій гаремныхъ дамъ съ ихъ рабынями. Каждая улочка въ этомъ лабиринтѣ имѣетъ свою специальность: въ одной одни только ткачи, въ другой только рабочіе металлическихъ издѣлій, въ третьей одни мясники и т. д. Въ одной изъ улочекъ съ душистыми травами, мы часто чихаемъ. Передъ каждой дверью стоятъ мѣшки съ пряностями, нагруженные верблюды, которые только что пришли съ востока и доставляютъ все еще и еще тѣхъ же самыхъ товаровъ.

Вы что хотите купить? спрашиваетъ проводникъ, готовясь направлять насъ.

„Ничего! Рѣшительно ничего“, отвѣчаю я, какъ хозяинъ дома. Мнѣ приходитъ въ голову, что мнѣ нужно вернуться въ гостиницу; могли письма придти!

Но этотъ безсовѣстный человѣкъ не на моей сторонѣ. Мы стоимъ передъ лавкой золотыхъ дѣлъ мастера. Проводникъ имѣетъ совсѣмъ несчастный видъ,—и правда, это чистѣйшая случайность, что онъ остановился здѣсь.

Проходить цѣлая вѣчность, пока мы все осматриваемъ я тороплю уходить скорѣй.

Неужели же я не нахожу, что этотъ кофейникъ съ изумрудами по краямъ очень милъ?

„Да, очень милъ“.

„А эта маленькая, крошечная, прелестная булавка съ одной единственной большой бирюзой, она тоже красива; и навѣрное совсѣмъ не особенно дорогая“.

Но теперь я уже совершенно увѣренъ, что въ гостиницѣ для насъ лежатъ письма.

„Мы можемъ другой разъ вернуться сюда“, говоритъ проводникъ, замѣтивъ, что я необычайно твердый человѣкъ.

Съ этимъ я соглашаюсь. Конечно, мы завтра опять вернемся сюда. И мы выйдемъ какъ можно раньше, еще до завтрака“.

„Да, но эта булавка съ бирюзой можетъ быть продана до тѣхъ поръ“.

„Ого“, говорю я, какъ будто-бы я здѣсь часто бывалъ и все зналъ; „здѣсь есть тысячи такихъ лавокъ, какъ эта, и въ каждой есть такія булавки. Но завтра мы придемъ сюда, это будетъ первое, что мы сдѣлаемъ“.

Благодаря этому обѣщанію, мнѣ удается вырваться отсюда.

Но я еще разъ оглянулся на лавку. Это было какъ бы вступленіемъ въ сказку. Тамъ были украшенія изъ далекаго міра, неслыханнаго баснословнаго рисунка, фантастичныя, какъ мы ихъ себѣ и представить не можемъ. И намъ встрѣчу сіяли всѣ камни Востока.

III.

КЛАДБИЩЕ И ДЕРВИШИ.

Мы на паромѣ переправляемся черезъ Босфоръ. На свой страхъ мы прокрались внизъ, чтобы избавиться отъ проводника. Пусть себѣ тамъ ищетъ насъ наверху, на мосту, думаемъ мы и чувствуемъ себя весело и безопасно; пусть и дервиши его пропадутъ!

Мы хотимъ на другую сторону въ священное мѣсто Эйубъ, о которомъ мы столько читали.

Мы испытываемъ нѣкоторое затрудненіе, доставая билетъ въ кассѣ; мы не умѣемъ говорить и не умѣемъ деньги считать, и мы не умѣемъ точно сказать, что намъ нужно два билета. Проходитъ много времени, прежде чѣмъ насъ отпускаютъ, мы задерживаемъ человѣка, и за нами большая толпа, которая тѣснится и ждетъ своей очереди; несмотря на это, мы не видимъ ни одного недовольнаго взгляда, устремленнаго на насъ. Наконецъ, у каждаго изъ насъ въ рукѣ зеленый клочекъ бумаги, и мы спускаемся въ общемъ потокѣ къ парому.

Тихо въ это послѣобѣденное время. Безконечный муравейникъ лодокъ, маленькихъ пароходовъ и всякихъ судовъ окружаетъ насъ; тутъ такъ же, какъ и въ другихъ приморскихъ городахъ, видишь, какъ разъѣзжаютъ въ лодкахъ маленькіе мальчики въ безрукавкахъ. Тамъ качаются ялики, тамъ канонерскія лодки необыкновенной длины, между ними есть пышныя лодки, кайки съ высокими золотыми носами.

Въ кайкахъ сидятъ господа, женщины въ покрывалахъ, на веслахъ сидятъ евнухи. Моя спутница дѣлаетъ женщинамъ прिवѣтственные знаки; онѣ ей отвѣчаютъ. Онѣ лежатъ въ лодкахъ на подушкахъ, прислонившись головою къ борту, фантастично одѣтыя.

На паромѣ вы видите всѣ расы Востока. Женщины попеременно съ мужчинами; дѣти и полувзрослыя дѣвушки и нѣкоторыя изъ нихъ съ удивительными лицами. Когда паромъ трогается и поднимается легкій вѣтеръ, покрывала нѣсколькихъ красавицъ приподнимаются, и онѣ не выказываютъ преувеличенной торопливости вновь скрыться за нихъ. И кажется будто вѣтеръ все усиливается; все больше и больше красавицъ появляется на свѣтъ. Мы знаемъ эту уловку съ нашего путешествія по Востоку! Одна старуха сидитъ какъ разъ лицомъ къ вѣтру; и чѣмъ сильнѣе онъ, тѣмъ плотнѣе прибавляетъ покрывало къ лицу. Но красавица—та уже непременно сядетъ спиною къ вѣтру!

И, дѣйствительно, это было зрѣлище видѣть, какъ въ глазахъ не у одного эффенди вспыхивалъ огонь, когда поднималось такое покрывало.

Мы выходимъ на берегъ и беремъ экипажъ.

„Въ Эйубъ“, говорю я.

Эйубъ—такъ и по-турецки. Но кучеръ не понимаетъ моего выговора. Я повторяю изысканно-ясно; но это не помогаетъ. „Пусти, я“, говоритъ моя спутница и говоритъ тоже „Эйубъ“. Мнѣ было очень стыдно, она сдѣлала со-всѣмъ другое слово, которое по выразительности не могло сравниться съ моимъ! И все же, кучеръ какъ разъ понимаетъ ее; онъ теперь самъ спрашиваетъ „Эйубъ?“ И моя спутница киваетъ, да, на этотъ разъ такъ! Я увѣренъ, что мы попадемъ совсѣмъ въ другой Эйубъ; но я долженъ уступить. Они оба киваютъ другъ другу и болтаютъ по-турецки.

просто на-просто рѣшаютъ дѣло между собою. Мы садимся въ экипажъ и ѣдемъ.

Мы приѣзжаемъ въ настоящій Эйубъ. Я не весь свѣтъ видѣлъ—но навѣрно на свѣтѣ существуетъ одинъ Эйубъ. Это священное мѣсто. Кучеръ, вѣрно, уже не разъ привозилъ сюда туристовъ. Онъ знаетъ, что имъ надо показать, и поэтому высадилъ насъ у главнаго входа, гдѣ намъ два шага до мечети Мухамеда II. Но мы проходимъ мимо мечети. Большія мечети лучше всего на картинахъ. Онѣ не высоки, онѣ только очень просторны. Но большіе дома не даютъ понятія объ ихъ обширности. Мечеть Софіи маленькій городъ по обширности, и можетъ помѣстить въ своихъ стѣнахъ второй по величинѣ своей приходъ всего міра. Но она плоская. Въ мечети Мухамеда II хранится сабля Османа, и сабля эта имѣетъ очень важное значеніе; каждый султанъ при своемъ вступленіи на тронъ долженъ опоясаться ею. Да, конечно — но мы проходимъ мимо мечети, чтобы понасть скорѣй въ Эйубъ.

Эйубъ—это міръ гробницъ. Міръ кипарисовъ, платановъ и цвѣтовъ. Во многихъ мѣстахъ мечети, всюду храмы смерти, мавзолей, каменные колонны. И всюду міръ. Кипарисы стоятъ отвѣсно, недвижно, застывъ, какъ башни. Въ пальмовыхъ рощахъ при малѣйшемъ вѣтеркѣ тихо трепещутъ листья; а то ни звука. И мы начинаемъ осторожно ступать, въ то время какъ мы все дальше и дальше удаляемся отъ улицъ и города. И мы говоримъ шепотомъ въ странѣ смерти. Положимъ, есть причина тому, что мы говоримъ шепотомъ: мы боимся. Потому что мы невѣрные, и, быть можетъ, мы проникли слишкомъ далеко въ Эйубъ, до той, или другой священной рощи! Мы все же подвигаемся впередъ, чтобы проникнуть еще глубже; мы замкнуты со всѣхъ сторонъ, насъ окружаетъ безжизненный міръ.

Мы садимся.

Къ кладбищу тянетъ человѣка, чтобы отдохнуть и въ живой жизни. Это островъ среди бушующаго моря. Нѣтъ другого мѣста, гдѣ жизнь такъ бы боролась и побѣждала, какъ здѣсь. Здѣсь самыя большія деревья и самыя быстрые дождевые черви. А дома у насъ на кладбищѣ росли кусты малины, которые сами себя насадили и разрастались безъ всякаго ухода. Каждый годъ зрѣла малина, и мы, дѣти, отлично знали, гдѣ она находилась! Каждая ягода была, какъ глотокъ вина.

Эллины сожигали своихъ покойниковъ, прежде чѣмъ хоронить ихъ. И на памятникахъ они изсѣкали геніевъ, которые ногой гасили факель. Потому что такова была жизнь: она горѣла и погасала, какъ факель!

Евреи и христіане хоронятъ своихъ мертвыхъ цѣлыми. Потому что они должны воскреснуть. Погребеніе, вѣроятно, измыслено какъ облегченіе для мертваго, чтобы онъ могъ собрать себя въ одно цѣлое. Но вѣтеръ разноситъ земной прахъ повсюду, по всѣмъ путямъ.

Заратустра училъ, что хищнымъ птицамъ должны доставаться трупы людей. Когда люди умираютъ въ долинахъ, большія птицы слетаются съ горныхъ вершинъ, говоритъ онъ. Онъ спрашиваетъ Ормузда: что третье, что не нравится нашей землѣ и лишаетъ насъ ея благоволенія? И Ормуздъ отвѣчаетъ: третье то, что вы вырываете могилы и въ нихъ кладете трупы людей!

Одни Египтяне не хотѣли знать уничтоженія ни въ какой формѣ; они наполняли своихъ покойниковъ душистыми травами, дѣлали ихъ неувядаемыми, дѣлали изъ нихъ камни. И предавали ихъ землѣ въ видѣ изваяній.

Но Магометъ сказалъ: „На кладбищѣ хорошо растеть“. У него передъ глазами была жизнь.

Мы смотримъ на этотъ городъ могильныхъ памятниковъ. Всѣ эти камни очень изящно изсѣчены, и тѣ два прямо

поставленныхъ камня на каждой могилѣ—прямо произведенія искусства по своимъ украшеніямъ и по тонкости работы. На всѣхъ изрѣченіяхъ изъ Корана, многія изъ золота. Вверху главнаго монолита высѣченъ тюрбанъ или тарбухъ. Иногда тюрбанъ зеленый, это означаетъ самое высокое званіе. На могилахъ женщинъ тоже монолиты, но нѣтъ тюрбановъ, нѣтъ зеленой краски, т. е. нѣтъ званія.

Мертвые покоятся въ богатѣйшей землѣ. Они же сами ее обогащаютъ: „на кладбищѣ хорошо растеть“. Сами мертвые заботятся о томъ, чтобы создать вокругъ себя здоровую и чистую обстановку, сильную растительность, плодородную землю, на которой все можетъ расти. Кажется, какъ будто они лежатъ тутъ и скалятъ зубы въ сумасшедшемъ комизмѣ, проводя неукоснительно одну великую мысль: гигиену трупа.

Тише—здѣсь въ странѣ мертвыхъ не надо умничать.

Еще дальше за нами шелеститъ пальмовая роща; мы почти прислонились спиною къ стволамъ. Какъ бы ни было тихо, вѣролиственная пальма всегда въ движеніи, потому что у нея такіе широкіе листья и отъ нихъ всегда исходитъ чуть слышный шелестъ. Этотъ шелестъ и широкіе листья и все это зеленое великолѣпіе заставляеть насъ смолкнуть. Мы сидимъ неподвижно и отдаемъ воспоминаніямъ о хорошо знакомой намъ странѣ, въ которой мы однажды были, къ чему-то пережитому во снѣ или въ прежней жизни. Нашей колыбелью былъ, можетъ быть, когда-нибудь лотосъ, находившійся въ странѣ пальмъ и качавшій насъ...

Мы встаемъ и уходимъ.

Тутъ мы встрѣчаемъ двухъ человекъ, которые несутъ носилки. Я снимаю шляпу, держу ее въ рукахъ; люди эти ничего намъ не дѣлаютъ, они поспѣшно проходятъ мимо. Они несутъ хоронить бѣднаго покойника, онъ не въ гробу, нѣтъ даже покровъ на носилкахъ, съ изрѣченіями о воскресеніи изъ мертвыхъ, и его не сопровождаютъ плакальщицы.

Люди эти со своей ношей отыскиваютъ удаленный уголь и составляютъ носилки на землю. Затѣмъ начинаютъ копать яму.

Мы поднимаемъ головы; высоко въ воздухѣ то одна, то другая птица издаетъ какой-то звукъ. Что это за птицы? Онѣ большія и крылья у нихъ въ видѣ полумѣсяца—это коршуны. Они кружатся надъ Эйубомъ, они знаютъ эти носилки и слѣдятъ за ними, они уже чуютъ испаренія разложенія, фосфорную кислоту, и они подаютъ другъ другу сигналы. Они не летятъ, какъ честные грифы, они какъ будто ползаютъ на крыльяхъ по воздуху. Теперь интересно, насколько глубоко заруютъ въ землю эти два человѣка свою ношу!

* * *

Передъ дверями останавливается экипажъ, и мы слышимъ голосъ, который говоритъ: стой, наконецъ то, я васъ нашель!

Это нашъ проводникъ. Это нашъ ужасный грекъ, отъ котораго мы, очевидно, не можемъ достаточно хорошо спрятаться. Онъ нашель насъ, спрашивая о насъ отъ кассы до входа въ Эйубъ.

„Пожалуйте садиться“, говоритъ онъ.

И мы садимся въ экипажъ.

„Къ воющимъ дервишамъ“.

Мы сразу опять въ городъ, возвращены снова къ жизни. Мы оборачиваемся и еще разъ видимъ коршуновъ. И видимъ вершины неподвижныхъ кипарисовъ...

Уже по дорогѣ мы замѣчаемъ три фигуры, особенное головное украшеніе которыхъ мы уже видали на Востокъ; это были воющіе дервиши на пути въ свой храмъ. Проѣхавъ нѣсколько времени, мы выходимъ изъ экипажа, отпускаемъ его и пѣшкомъ слѣдуемъ за тѣми тремя странными фигурами. У нихъ были серьезныя добродушныя лица и они молча шли своей дорогой. Въ ихъ одѣянніи ничего не было

поражающего, коричневая одежда, подпоясанная шарфомъ, покрывала ихъ тѣло съ головы до ногъ; но головной уборъ ихъ былъ чудовищень, по формѣ и размѣру—сахарная голова. Онъ былъ изъ сѣраго войлока, твердый и непроницаемый—носить его было настоящимъ искусствомъ.

Дервиши—монахи магометане. Они живутъ, или странствуя по Турціи и Ирану, или братствами тоже, въ собственныхъ монастыряхъ, подъ началомъ настоятеля. Подобно монахамъ на Западѣ, они раздѣляются на ордена; есть пляшущіе, воющіе, плавающіе и прыгающіе дервиши, у каждаго ордена свое занятіе. И тѣмъ, что они это занятіе доводятъ до крайняго безумія, они думаютъ заслужить передъ Богомъ для всего Ислама. Это религиозные мученики, которые берутъ на себя грѣхи всего народа и истязаютъ себя за него. Плавающій дервишъ „пльветъ“ до тѣхъ поръ по полу, пока имъ не овладѣваетъ экстазъ и судороги; и въ этомъ состояніи восторженности онъ близокъ Аллаху. Сегодня мы услышимъ воющихъ дервишей.

Мы подходимъ къ монастырю, гдѣ мы платимъ за то, чтобы намъ можно было проскользнуть туда.

Дверь раскрывается, мы въ большомъ залѣ, гдѣ мы садимся на скамью передъ перегородкой. Эта перегородка идетъ вокругъ всей залы. За ней сидимъ мы и нѣкоторые другіе любопытные, внутри огороженнаго мѣста должны выступать дервиши. На стѣнахъ висятъ изреченія изъ Корана и другія декоративныя живописанія; полъ покрытъ черными, бѣлыми, желтыми, сѣрыми, коричневыми, красными и синими мѣхами, овечьими шкурами. Намъ кажется, что недостаетъ зеленыхъ шкуръ; что это—забычивость? Ахъ, нѣтъ! Зеленый—цвѣтъ Пророка, онъ священень, и на него нельзя ступать.

Черезъ дверь въ глубинѣ входитъ священникъ. Это человекъ лѣтъ сорока, съ необычайно красивымъ и кроткимъ

лицомъ. На немъ черная одежда и черная шапка съ бѣлымъ верхомъ. Онъ читаетъ отрывокъ изъ Корана.

Теперь начинается сумятица, однообразнѣе и скучнѣе которой я ничего въ жизни не испыталъ. Болѣе двухъ часовъ длилось это, пока продѣлывались церемоніи, и когда наконецъ, это кончилось, мы совсѣмъ раскисли отъ сидѣнія на одномъ мѣстѣ, отъ слушанія этого вытья и отъ попытокъ найти хоть какой-нибудь смыслъ во всемъ этомъ.

Богослуженіе происходило въ слѣдующемъ порядкѣ.

Послѣ чтенія священника, тридцать сахарныхъ головъ упали на колѣни и затараторили что-то; но это далеко еще не было вытье, это былъ пустякъ, введеніе. Но и введеніе длилось чрезвычайно долго.

Когда они перестали тараторить, сахарныя головы поднялись. Священникъ произноситъ молитвы. Его рѣчь благозвучна, она скользитъ по многимъ л и избылиуетъ гласными: Ла илла гаиль Алла, нѣтъ Бога кромѣ Аллаха. Во время молитвословія разстилается еще больше мѣховъ на полу. Никогда я не видалъ комнаты, устланной большимъ количествомъ мѣховъ! Молитва кончилась.

Одинъ запѣвала падаетъ на колѣни и поетъ; сахарныя головы отвѣчаютъ стоя; поютъ попеременно. Это тоже не можетъ быть названо вытьемъ; мы много разъ слышали и хуже этого. Хорошіе выльщики, пока еще не начинали по настоящему, они отвѣчаютъ то здѣсь, то тамъ; но для запѣвалы дѣло становилось серьезно; онъ вынулъ носовую платокъ и вытеръ потъ со лба. Пѣніе продолжалось безконечно. Было удивительно, что всѣ эти люди должны были длить его цѣлую вѣчность! Удивительно? Нѣтъ! Вполнѣ естественно. Они же хотѣли довести себя до самовнушенія.

Переменно пѣніе продолжается, запѣвала не выдерживаетъ больше: дѣло идетъ ужъ о здоровьи! Онъ сбрасываетъ куртку. И продолжаетъ пѣть.

Затѣмъ онъ не можетъ больше. Силы его оставляютъ. Сахарныя головы видятъ опасность; они вмѣшиваются все больше и больше въ его пѣніе и помогаютъ ему; они поютъ больше, чѣмъ имъ полагается, только для того, чтобы спасти его отъ провала; но уже слишкомъ поздно! Онъ сталъ пищать, пищаль все тише и наконецъ пискъ его замолкъ совсѣмъ.

Тутъ на смѣну ему появился сѣдобородый старикъ. Старикъ худой, жилистый, блѣдный и несокрушимый. Онъ отстраняетъ перваго запѣвалу и самъ бросился на полъ. И затѣмъ онъ началъ свою пѣсню. Давать слишкомъ высокой и низкой голосъ, на это онъ не рѣшался, не смѣлъ; но нѣсколько нотъ у него было, которыхъ никто не могъ у него отнять! Какъ будто камень сидѣлъ онъ и пѣлъ.

Но и старикъ замучился подъ конецъ! Дервиши тоже не жалѣютъ себя, они попробовали крови и вырываютъ у старика его двѣ ноты! Но онъ не сдается, онъ защищается, онъ хочетъ быть услышаннымъ! Мы видимъ, какъ онъ царапаетъ себѣ руки и лицо, чтобы разжечь себя. Но надъ нимъ берутъ перевѣсъ. Когда онъ лежитъ при послѣднемъ издыханіи, воющіе снимаютъ сахарныя головы, и теперь они на все готовы!

Первый запѣвала снова отдышался. Онъ смущенно озирается, видитъ, до чего дошло, и вступаетъ снова. У него хватаетъ силъ сдвинуть камень въ сторону и занять его мѣсто. Послѣ чего онъ принимается пѣть.

И дервиши нисколько не отказываются отъ слова, которое имъ принадлежитъ,—напротивъ, они поютъ все громче, и громче, и начинаютъ уже дергаться. Вой теперь непрерывенъ, это надо сказать! Дервиши въ поту, они снимаютъ съ себя платье. До сихъ поръ пѣніе было громкое, полубезумное и слова можно было до нѣкоторой степени различить; но теперь онъ становятся все болѣе и болѣе непо-

нятными; время отъ времени слышно одно слово, вскрикъ, голоса, визжащіе голоса переходятъ въ вой, и дерганье становится все сильнѣе и сильнѣе.

А что дѣлаетъ все это время священникъ? Онъ направляетъ это безуміе. Это онъ первый впадаетъ въ дерганіе, онъ начинаетъ стучать ногами объ полъ и въ тактъ раскачиваться и бросаться изъ стороны въ сторону. Но себя онъ, конечно, бережетъ, онъ только показываетъ своимъ примѣромъ то, что другіе должны исполнять; кромѣ того, онъ строго слѣдитъ за каждымъ отдѣльно, и передъ носомъ у cadaго нерѣшительнаго продѣлываетъ его кривлянія и гримасы. Тогда, очевидно, они стыдятся передъ Аллахомъ и кричатъ совсѣмъ непомѣрно!

Теперь шумъ поднимается невообразимый! Дервиши кричатъ другъ другу что-то, какъ будто они хотятъ поддержать другъ друга, съ своими „ей“ хотятъ терпѣть и не видѣть опасности! И дерганья верхней части тѣла становятся все болѣе и болѣе частыми и дикими, это не однѣ жалкія, отдѣльныя подергиванья, это одно большое качаніе во всѣ стороны, и безостановочное круженіе! Уже раздаются среди воющихъ то здѣсь, то тамъ хрипы. Полъ покрывается кучами одежды.

Въ середину вступаетъ рослый, темнолицый офицеръ въ мундирѣ. Онъ въ чинѣ полковника. Онъ немедленно отправляется къ воющимъ. Онъ полонъ усердія, онъ опоздалъ и хочетъ нагнать пропущенное. Не удастся тебѣ, думаемъ мы. Слишкомъ ты длиненъ и не гибокъ! Но ему удастся! Новый сочленъ былъ въ силѣ! Мы вскорѣ увидали, что это былъ знатокъ своего дѣла, мастеръ; съ его выступленіемъ все богослуженіе получило непредвидѣнный подъемъ. Онъ не раскачивался еще и нѣсколькихъ минутъ и взвылъ не больше одного раза, какъ сбросилъ свой мундиръ, чтобы серьезно приняться за дѣло! И когда онъ тогда началъ, то

его слушать должно было быть настоящим наслаждениемъ каждому любителю настоящаго вѣтя. Онъ разжегъ дервишей до невѣроятія; они дико кричали во все горло, они стонали, но офицеръ былъ на высотѣ своего положенія. Онъ не только раскачивался, какъ всѣ другіе, нѣтъ, гораздо больше другихъ, и отталкивалъ стоящихъ рядомъ съ нимъ, какъ ничто! Онъ выль за свой счетъ, такъ что всѣ другіе смотрѣли на него.

И такъ воютъ, и раскачиваются, и дергаются,—взадъ и впередъ и изъ стороны въ сторону. И выльщики одинъ за другимъ снимаютъ съ себя одну часть одежды за другой, и остаются подъ конецъ, обливаясь потомъ, въ рубашкѣ и панталонахъ. Три четверти часа длится это адское представленіе. Затѣмъ оно прекращается. Выльщики стонутъ, какъ надорванныя лошади, самыхъ измученныхъ отводятъ въ комнату въ глубинѣ.

Я не помню, чтобы я когда-нибудь былъ счастливѣе, чѣмъ теперь, когда я больше ничего не слыхалъ. Но радость моя недолго длилась; богослуженіе еще отнюдь не кончено. Опять начинается болтовня; сѣдая борода, камень, собрался съ силами и опять сидитъ и поетъ. И взошіе отвѣчаютъ ему. И опять переменное пѣніе.

Вскорѣ показываются изъ глубины тѣ самые замученные выльщики. Они слышатъ, на что способны еще ихъ братья, и они хотятъ дѣлать то же. Теперь ихъ не поддерживаютъ; они одни могутъ стоять на ногахъ.

Во время переменнаго пѣнія дверь раскрывается и закрывается; вносятъ больныхъ и кладутъ ихъ въ рядъ въ ногахъ у священника. Дѣтей кладутъ лицомъ на полъ. Онъ до того малъ и больнъ, что жалостно пищать; трехъ изъ нихъ велятъ унести; онъ вѣрно не можетъ вынести лѣченія, онъ слишкомъ малъ; но четвертаго, маленькую дѣвочку, оставляютъ. Священникъ снимаетъ свою верхнюю черную

одежду, чтобы ему было легче, и остается въ одной одеждѣ; онъ наступаетъ теперь на рѣбенка, ставитъ ногу ему на спину, съ минуту стоитъ, и сходитъ съ другой стороны. Ребенокъ плачетъ. Священникъ возвращается тѣмъ же путемъ назадъ, медленно, колеблясь; ребенокъ плачетъ теперь громко, его уносятъ,

На носилкахъ вносятъ трехъ взрослыхъ мужчинъ; ихъ кладутъ на лицо, священникъ проходитъ, наступая на нихъ, ихъ кладутъ на носилки и уносятъ. Вводятъ еще четырехъ; они немного сильнѣе и могутъ передвигаться. Одинъ изъ нихъ офицеръ въ мундирѣ съ двумя орденами; полковникъ, среди воюющихъ, раскланивается съ нимъ. Священникъ съ минуту стоитъ на спинѣ больного и сходитъ съ него.

Во время этого, когда происходитъ это излѣченіе больныхъ, камень сидитъ и поетъ, и дервиши отвѣчаютъ ему. Когда унесли послѣдняго больного, пѣніе смолкаетъ. Слышны еще отдѣльные стоны, изрѣдка взвизги, какъ будто пѣвцамъ трудно замолчать сразу. И они переводятъ дыханіе, какъ послѣ глотанія.

Священникъ надѣваетъ свою черную одежду, сахарныя головы возвращаются ихъ собственникамъ, всѣ надѣваютъ свое платье.

Богослуженіе кончилось.

Мы опять выходимъ—на свѣжій воздухъ. Это и необходимо. Благодаря потѣющимъ дервишамъ и многочисленнымъ зрителямъ воздухъ сдѣлался такой, что мы совсѣмъ обезсилюли. Мы подъ конецъ дышали держа руки и носовой платокъ передъ носомъ, мы совсѣмъ не знали, какъ намъ быть. И для дервишей растворенная дверь была освѣженіемъ, хотя они никакого удовольствія не выказали; они только натягивали свое платье на совершенно мокрая рубашки, и удалились черезъ дверь въ глубинѣ.

На этотъ разъ самоистязанію былъ конецъ; слѣдующій

четвергъ оно вновь предстоить. И изъ году въ годъ предстоить оно, пока жизнь длится. Нѣтъ возврата изъ ордена воющихъ дервишей..

Мы еще разъ посѣтили этотъ храмъ. И еще разъ присутствовали при церемоніи отъ начала до конца. Все же это былъ невѣдомый духъ, который обиталъ внутри этого огороженнаго мѣста въ храмѣ! По разному служатъ Богу на землѣ! Эти люди здѣсь нашли свой собственный и ужасный способъ унижать себя воемъ. Звуки, которые они издаютъ, совершенно достаточны, чтобы вызвать въ человѣкѣ стыдъ; но къ этому еще прибавляются гримасы, искаженное лицо! Вытье это не крикъ—никто не можетъ выть, не искажая чертъ лица. И смотря по степени безумія воя, лицо по перемѣнно начинаетъ походить на маски рыбъ, животныхъ, на химеръ! Воющіе дервиши воемъ заслуживаютъ свой стыдъ. Флагелланты бичевали себя—это былъ актъ одного единственнаго жалостнаго движенія руки, одной единственно большой воли. И они при этомъ не теряли нисколько сочувствія ближнихъ,—напротивъ они до слезъ трогали дѣтей и женщинъ. Симеонъ Столпникъ заслужилъ почитаніе всего свѣта на своемъ столбѣ. Самоистязанія воющихъ дервишей тоже актъ одной воли, но не воли заслуженной до послѣдняго предѣла; ихъ орденъ требуетъ деликатнаго безстыдства—они должны сдѣлаться смѣшными. Это удештеренная истонченность фантазіи Востока, которая проявляется здѣсь. Въ то время, какъ дервиши выли, ихъ братья и сестры сидѣли и смотрѣли на нихъ; турки сидѣли среди зрителей и усмѣхались, но дервиши вели свою унижительную борьбу и ничего не знали, кромѣ этой борьбы! Они издавали вой рѣдкостный по звуку, истинно примѣрный вой; они умѣли втягивать въ себя фальшивый звукъ, который выходилъ у нихъ изнутри—вой навыворотъ. И тогда у нихъ были лица кошекъ.

Разнымъ образомъ служатъ Богу на землѣ. И всѣ служатъ Богу единственно истиннымъ образомъ—и всѣ служатъ единственному, истинному Богу!

Но турокъ служить Аллаху.

Ла илла, гаиль Алла.

IV.

ПОСЪЩЕНІЕ ХРАМА СУЛТАНОМЪ.

Сегодня пятница. Султанъ отправляется въ храмъ. Теперь нужно получить доступъ на это торжество. Не въ мечеть, въ которую Его Величество входитъ одинъ со свитой, а на зрѣлище внѣ мечети, на зрѣлище восточнаго парада. Въ продолженіе двухъ дней мы стараемся получить доступъ туда, и въ посольствѣ мы получаемъ письмо, которое должно намъ раскрыть и внутреннюю дверь. Письмо адресовано: „Son Excellence, Monsieur l' Aide de Camp du Service pour la Cérémonie du Selamlık etc. etc. etc. Palais Impérial de Hildiz.“

Удивительно, думаю я, какъ гибокъ французскій языкъ! Какъ бы такой адресъ звучалъ по норвежски? Господину Далай - Лама, Лассо, Тибетъ. Голые факты. Никакихъ и! т. д., никакого закрѣпленія въ памяти одного и того же. Какъ относится хотя бы простолудинъ въ Норвегии къ полученію письма! Догадается ли онъ вскрыть конвертъ въ ту же секунду, и бросить его на землю? Прежде чѣмъ принять его совершенно точно, онъ хочетъ узнать, отъ кого письмо. И принесшій его долженъ объяснить ему, что находится въ письмѣ передъ тѣмъ, какъ онъ отдастъ его. Какое мнѣніе должно быть „за границей“ о нашемъ маленькомъ народѣ!..

Мы ѣдемъ въ самомъ обыкновенномъ экипажѣ, который мы наняли. Но у насъ лакей на козлахъ, это нашъ грекъ, который долженъ намъ оказывать всѣ внѣшнія услуги: рас-

крывать дверцы коляски, идти впереди, указывать намъ дорогу и нести наше верхнее платье—шелковой подкладкой наружу. Люди, которыхъ мы встрѣчаемъ, не обращаютъ на насъ никакого вниманія, они не подозрѣваютъ что у насъ письмо въ карманѣ къ его превосходительству церемоній-мейстеру, или Aide,—что вѣдь одно и то же. Ого, какъ глупо со стороны этихъ людей, что они не обращаютъ на насъ вниманія. Мы бы могли взять у нихъ прошеніе, могли бы похлопотать за нихъ въ высшихъ инстанціяхъ. Они смотрятъ какъ разъ съ такимъ интересомъ на коляску сзади насъ, въ которой ѣдутъ нѣмцы. Эти нѣмцы, конечно, желаютъ тоже попасть на площадь передъ мечетью, разсуждаемъ мы; но въ мечеть они не попадутъ, и думать объ этомъ нечего.

Чѣмъ больше мы подвигаемся впередъ, тѣмъ больше и больше толпа людей, сквозь которую намъ нужно пробраться, военные на лошадахъ и пѣшіе, музыка, и просто любопытные, всѣ стремятся къ одной цѣли. Мы высказываемъ нашему греку желаніе свернуть въ одну изъ боковыхъ улицъ, въ которой можно бы было поскорѣй двигаться. Кучеръ дѣлаетъ, какъ ему приказано. Но ничего не помогаетъ, здѣсь такая же толпа. Вся Галата и вся Пера кишитъ людьми, которые всѣ стремятся въ опредѣленный пунктъ, къ мечети Гамидіа.

Военная музыка оживляетъ нашъ безконечный путь, то изъ одной улицы, то изъ другой слышны трубные звуки. Насъ поражаетъ, что офицеры верхомъ быстрѣе подвигаются при музыкѣ, лошади егерей радуются звукомъ трубъ, и онѣ пляшутъ съ раздувающимися ноздрями, когда бьетъ барабанъ!

„А тутъ лѣтняя резиденція султана“, говоритъ проводникъ, когда мы ѣдемъ мимо золотыхъ воротъ. Мы проѣзжаемъ мимо необычайно высокой стѣны, и проводникъ говоритъ; „это гаремъ Султана“. Эта стѣна вышиной въ двѣсти

футовъ; мы видимъ за ней башни нѣсколькихъ дворцовъ, выглядывающія изъ-за нея. Гаремъ большой.

Турецкій Султанъ по старому обычаю имѣетъ „право на триста женщинъ“. А мы то на Западѣ воображали, что ихъ у него такъ много. Такой-то онъ сластолюбецъ!

Во-первыхъ, надо замѣтить себѣ, что султанъ въ Турціи не можетъ жениться. Этотъ законъ основанъ еще въ татарской палаткѣ, когда султанъ еще былъ вождемъ племени. Его могущество не могло быть ограничено, ему ничего не принадлежало въ отдѣльности, а все и всѣ. Его прародители не были женаты; самъ султанъ сынъ рабыни.

Во-вторыхъ, у него есть жена; мать будущаго султана. Эта рабыня узаконяется и ей даруются громадныя права и преимущества, которыя никакая турецкая власть никогда не можетъ отнять. И представить себѣ, что эта женщина, съ такой необычайной властью, претерпѣваетъ двѣсти девяносто девять соперницъ! Одинъ востоковѣдъ говоритъ: это отъ того, что знаютъ плохо человѣческую природу и женщинъ Востока! Совсѣмъ другое дѣло, что здѣсь процвѣтаетъ система любимицъ, да еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ самъ Пророкъ это разрѣшалъ. И именно потому, что такая любимица неохотно видитъ около себя новыхъ соперницъ, надо предполагать, что число ихъ ограничено. Вамбери, знающій до точности Востокъ, даетъ намъ возможность сравнить эти условія съ условіями жизни ихъ Величества на западѣ!

Въ третьихъ, надо замѣтить, что гаремъ не состоитъ изъ „женъ“ султана, а представляетъ собою общежитіе дамъ изъ царскаго дома, съ ихъ рабынями и прислужницами этихъ рабынь. Тамъ во-первыхъ, находится гаремъ отошедшаго султана. Онъ содержится наслѣдникомъ властелиномъ. Затѣмъ тамъ мать султана, его сестры, тетки и племянницы, и рабыни, и прислужницы рабынь сотнями. Гаремъ

Абуль-Меджида въ свое время былъ баснословенъ—двѣ, а другіе говорятъ, четыре тысячи женщинъ—и поглощалъ невѣроятныя суммы ежегодно. Какъ же онъ могъ быть не большимъ и не поглощать такихъ денегъ. У одной только хранильницы казны матери султана было пятьдесятъ рабынь, изъ которыхъ у каждой было по одной, или двѣ прислужницы.

Это масштабъ, по которому можно производить расчетъ на Востокѣ. Многочисленность слугъ, это знакъ положенія и степень достоинства. Эти царскія дамы или жены, о которыхъ идетъ рѣчь, сами снабжаютъ себя рабынями. Мы слышали разсказъ, какъ султаны посылали въ своей нечестивости беечеловѣчныхъ агентовъ на базаръ въ Константинополь закупить себѣ красавицъ для гарема. Эта басня достойна восточной фантази: если она вообще мало что значитъ, то въ этой области она обоснована весьма правдоподобно.

„Во всѣ времена дамы дорожили тѣмъ, чтобы у нихъ много было рабынь, и чтобы онѣ были красивы на видъ“, говоритъ Вамбери. Это для нихъ извѣстнаго рода роскошь, такъ же, какъ украшенія. Пятьдесятъ рабынь вышеупомянутой хранильницы сокровищъ, славились своей красотой. Рабыни приобрѣтаются въ дѣтствѣ—покупаются за деньги самымъ грубымъ образомъ—и воспитываются въ гаремѣ; подростая тамъ, онѣ занимаютъ все болѣе высокія положенія у своихъ госпожъ, и подъ конецъ, сами получаютъ маленькую рабыню въ услуженіе себѣ. Но госпожѣ онѣ принадлежатъ всѣ, и та можетъ продать ихъ, когда захочетъ. Такъ-то, такъ. При этомъ, конечно, султанъ могъ бы показать свою власть хозяина, и уничтожить въ одинъ прекрасный день торговлю рабынями—да. Но онъ самъ такой же восточный человѣкъ и, можетъ быть, находить очень пріятнымъ имѣть у себя красивую прислугу. Кромѣ того, воз-

можно, что и не так-то легко ввести такую перемену, так как она должна опрокинуть тысячелетнее социальное учреждение в его народ и к тому еще задеть религию.

Но такая чудовищность, как система с женами любимцами, практикующаяся совсем открыто при дворе—как это действует на народ? Турция должна была быть в конце разорена. „В магометанских странах, которые я знаю“, говорит Вамбери, „между тысячами вряд ли найдется один хозяин дома, который пользуется законно-разрешенным многоженством. У турок, персов, афганстанцев, татар многоженство вообще неслыхано, невроятно“. Это указывает на немалую воспитанность в них чувства ответственности! У них есть разрешение, Пророк не запрещал им этого безумия, даже скорый он предписал его своим приморем; но настоящий турок отказывается от полного удовольствия. Правда и то, конечно, что несколько жен ведут за собой и больше расхода, бедному феллаху уже по одной этой причине отказано в таком разгуле. А все те высокопоставленные господа, которые могут себя позволять это? А все среднее сословие? А все те лица в буржуазном классе, у которых есть больше того, что им нужно для ежедневного пропитания? Как много таких, которые в состоянии заработать те ломти хлеба, виноград и фиговую воду, которые нужны для существования двум женщинам? И многие могли бы быть настолько безумны, чтобы подумать: три не настолько больше стоят; возьми себя три. Третья могла бы получать немножко меньше и быть как бы тенью тех двух других и быть очень худой! Но одна жена у феллаха и одна жена у важного эффенди. Властелин составляет больше или меньше исключение—как на Западе.

Я думаю о том, что бы произошло в средних классах Европы, если бы религия допускала многоженство и

закон бы не противился этому. Какая необузданная фривольность царил бы там тогда в домах и на улицах. После каждого краха банка в Христиании гарем продавался бы с торгов.

Мы подъезжаем к мечети Гамедиа и выходим из экипажа. Мы предоставляем греку расплатиться за нас, это дело нашего слуги считать грязные мелкие монеты! Экипаж с немцами следует за нами по пятам и тоже останавливается у дверей. Вы-то куда? думаю я, и даю немцам понять взглядом всю безнадежность их положения! Сюда не проскользнет первый попавшийся!

„Этой дорогой“, говорит грек и ведет нас через большую площадь. От мечети вверх идет усыпанная песком дорога на холм, на вершине которого расположены Ильдизь Кюск, Звездный Шатер; мы видим одну часть дворца между деревьями и вьющимися растениями. Там сверху уже собрана масса военных, но они еще не построены; офицеры бродят и болтают между собой, и курят.

Мы протискиваемся между высшими военными чинами, которые расхаживают тут, проходим мимо часовых и входим в дом, налево от Звездного Шатра. Грек нас ведет величественно; он показывает на один стол и говорит: тут сидит церемониймейстер!

Этот добрый грек был человек совсем не формалист, он проталкивал нас сквозь одну кучку офицеров, через другую, не давая нам времени съежиться он проходил около караула не кланяясь, между тем, как я снимал шляпу, когда мне отдавали честь. Я нес и письмо в руки, чтобы все могли видеть, что мне необходимо переговорить с церемониймейстером. „Вон он сидит“, сказал грек.

Я подхожу к столу и останавливаюсь перед человеком

комъ, увѣшаннымъ такимъ количествомъ орденовъ, котораго мнѣ никогда не приходилось видѣть въ продолженіе всей моей жизни. Ордена висятъ на немъ густой бахромой съ плечъ до живота. Его мундиръ изъ свѣтлаго сукна. Представляю себѣ, что турки на той же точкѣ зрѣнія, что и норвежское престопаодье, и что мнѣ нужно объявить, отъ кого письмо и какого оно содержанія, передъ тѣмъ, какъ я отдамъ его. Я раскланиваюсь и передаю церемоніймейстеру письмо такъ, какъ передаютъ очень важныя письма.

„Ваше Превосходительство“, говорю я, „письмо изъ норвежскаго и шведскаго посольства“.

„Боже мой“, долженъ былъ онъ собственно отвѣтить, встать и раскланяться, но онъ продолжалъ сидѣть. Моя рѣчь не произвела никакого впечатлѣнія; человекъ этотъ беретъ письмо, вскрываетъ его въ одну секунду, роняетъ конвертъ на землю. „Это удивительно, какъ далеко ушли урки“, думаю я. Человекъ читаетъ письмо улыбаясь. Улыбаясь. Моя спутница сказала, что онъ улыбнулся на мой французскій языкъ; но я думаю, что онъ улыбался на французскій языкъ письма. Онъ дѣлаетъ знакъ рукой, входитъ услужливый духъ въ золотомъ одѣяніи, и ведетъ насъ въ смежное помѣщеніе. Нашего несчастнаго грека мы оставили во дворѣ.

Въ комнатѣ здѣсь три большихъ окна, передъ глазами у насъ холмъ, Звѣздный Шатеръ вверху по лѣвую сторону, мечеть Гамидіа по правую сторону. Султанъ долженъ пройти въ двухъ шагахъ отъ насъ.

Чудесное мѣсто досталось намъ! Такъ какъ запрещено смотрѣть на султана черезъ зрительную трубку, мы оставили бинокли въ гостиницѣ; я хорошенько протираю свои очки. Кажется, какъ будто эта комната оставлена для насъ; мы слышимъ, какъ сосѣдняя комната наполняется иностранцами, но никто не раскрываетъ нашей двери. И я одобри-

тельно качаю головой и нахожу, что это въ порядкѣ вещей.

А снаружи на плащади одинъ за другимъ появляются отряды, раздается короткая команда, отрядъ дѣлаетъ поворотъ и становится на свое мѣсто. И холмъ одновременно покрывается большими массами людей. Безчисленные полки, всѣхъ народностей изъ странъ и областей султана, маршируютъ подъ музыку и барабанный бой, два, четыре, восемь рядовъ выстраиваются одинъ за другимъ, масса пѣшиходовъ все больше тѣсняется, они заполняютъ боковыя улицы, они занимаютъ каждую пядь земли, насколько глазъ видить. На все это свѣтитъ солнце и выбиваетъ огонь изъ золотыхъ и серебряныхъ мундировъ, изъ золоченыхъ султановъ, изъ орденовъ офицеровъ, изъ сабель, ружей, штыковъ, изъ инструментовъ музыкантовъ. Несравненная игра блеска и великолѣпія! Роскошнѣйшіе экипажи, съ самымъ высшимъ обществомъ, пробираются между отрядами, въ сопровожденіи великановъ-евнуховъ верхомъ. Далеко внизу выплываютъ мириады бунчуковъ, несомые на копьяхъ высоко въ воздухъ: это отрядъ улановъ, которые слѣдуютъ тотчасъ же за бѣлыми арабами. Минуту спустя земля дрожить отъ топота пѣхоты; это албанцы приближаются, они становятся на свое мѣсто. На нихъ сандали, ноги перевиты ремнями, и широкія юбкообразныя шаровары до колѣнъ изъ бѣлаго сукна. На боку у нихъ длинные мечи. Вотъ они стоятъ, знаменитые албанцы, какъ стѣна, безмолвно, неподвижно; на войнѣ они воютъ, не отъ боли—отъ бѣшенства! Ихъ послѣдняя мысль—мысль о смерти... Опять раздается глухой гулъ двигающейся людской массы—звуки кларнетовъ и барабаннаго боя приближаются—съ другой стороны идутъ зуавы и останавливаются вплотъ передъ мечетью. На нихъ витые зеленые турбаны, весь ихъ мундиръ сине-зеленый. Офицеры въ тарбухахъ, турбанахъ, или барашковыхъ шап-

кахъ, ходять взадь и впередь передь войсками; то тамъ, то сямъ негры изъ Нубіи затемняютъ ряды, нѣсколько всадниковъ изъ дальнихъ странъ виднѣется въ долманахъ, съ широкими ниспадающими рукавами, въ головныхъ уборахъ, опущенныхъ мѣхомъ леопарда. Курды стоятъ во фронтѣ, какъ люди изъ желѣза; на нихъ великолѣпные жилеты, которые вышиты ихъ женами, открытыя короткія куртки, и на головѣ шелковые платки. Изрѣдка проходитъ, одѣтый въ зеленое, турецкій военный священникъ съ саблей поверхъ одежды.

Здѣсь арабы, албанцы, курды, черкесы, татары, бедуины, армяне, сирійцы. Четыре тысячи всадниковъ и шесть тысячъ пѣхоты.

Теперь можетъ прибыть султанъ.

Наша дверь раскрывается, и входятъ нѣмцы, слѣдовашіе за нами въ экипажѣ. Они тоже! Такое нахальство! Они громко разговариваютъ между собою и находятъ, что парадъ на площади Тамос. Но почему бы не могъ его превосходитьство господинъ помощникъ церемоніймейстера предложить намъ однимъ эту комнату въ три окна? Мы бы за это объ немъ подумали, оказали бы ему взаимнѣ какую-нибудь услугу. Теперь онъ пропустилъ случай приобрести для Турціи добрыхъ друзей въ Европѣ!

Эти нѣмцы и на площади передь мечетью какъ будто внесли элементъ дисгармоніи. Нѣсколько черныхъ лакированныхъ экипажей прорываютъ кордонъ и катятъ вверхъ на холмъ. Это иностранные послы, которые ѣдутъ на поклонъ къ повелителю страны. На поклонъ, съ сжатымъ кулакомъ, съ улыбкой, показывающей зубы. Экипажи исчезаютъ за воротами Звѣзднаго Шатра.

Все чаще и чаще раскрывается наша дверь, пропускающая новыхъ любопытныхъ; мы узнаемъ даже янки изъ нашей гостиницы, которыхъ привелъ сюда одинъ изъ трехъ дру-

гихъ проводниковъ нашей гостиницы, — вотъ чортъ! Намъ бы слѣдовало подкупить проводника, чтобы онъ этого не дѣлалъ! Мы попали въ смѣшанное общество, надо сказать. Нѣмцы—это еще куда ни шло! Можетъ быть, это бароны; у одного изъ нихъ очень значительное лицо. Но янки — что они такое? Люди изъ Чикаго, биржевики со своими женами! Въ слѣдующую пятницу я этого не потерплю!

Въ нашей комнатѣ дѣлается все болѣе душно. Отъ дамъ янки исходятъ разнородные ароматы; окна какъ разъ на югъ, и солнце, какъ сумасшедшее, жжетъ насъ! И насъ со-всѣмъ придавили къ окнамъ. Но мы не двигаемся, ждемъ, интереса ради.

Теперь появляются одѣтые въ красное люди и усыпаютъ холмъ новымъ пескомъ, другіе приносятъ воду и поливаютъ песокъ.

Почти уже часъ; часы на мечети Гамидіэ показываютъ двадцать пять минутъ седьмого.

Теперь можетъ появиться султанъ...

Вверху, на самой верхней галлерей минарета мечети, вдругъ показывается тюрбанъ, это какой-то старикъ. Это мулла, такъ называемый муэзинъ, призывающій къ молитвѣ. Онъ вошелъ по внутренней лѣстницѣ на минареть, и стоитъ теперь со скрещенными руками наверху и ждетъ. Проходить нѣсколько минутъ.

Вдругъ раздается громогласный сигналъ всѣми музыкантами за разъ, все вокругъ насъ сотрясается отъ трубъ и барабановъ; въ ту же минуту растворяются ворота дворца, и пять экипажей, одинъ за другимъ спускаются внизъ по холму. Это большіе и маленькіе принцы и принцессы, съ пашами и съ высокопоставленными военными, сидящими на заднихъ мѣстахъ. Два закрытыхъ экипажа, въ нихъ женщины. Скороходы, въ золотѣ съ головы до ногъ, провожаютъ экипажи пѣшкомъ.

Опять проходит минута, на часах мечети половина седьмого, вдруг войско оживает. Раздается один долгий трубный звук, из-за ворот Звѣднаго Шатра показывается офицеръ и спускается внизъ по холму, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ него слѣдуетъ другой, оба съ обнаженными саблями. Когда они доходятъ до мечети, все войско беретъ на караулъ: экипажъ султана показывается изъ воротъ дворца.

У султана передъ экипажемъ идутъ два красныхъ араба. Онъ ѣдетъ шагомъ. То есть заставить идти шагомъ этихъ двухъ удивительныхъ породистыхъ лошадей было невозможно, онѣ приплясываютъ, фыркаютъ, съ раздувающимися ноздрями, онѣ эластично подпрыгиваютъ, онѣ играютъ съ землей. Ихъ гривы спускаются имъ до груди, ихъ хвосты метутъ дорогу. Онѣ, какъ люди, которыхъ кучеръ тихонько уговариваетъ; одно мгновеніе мы смотримъ имъ какъ разъ въ глаза, глаза ихъ сверкаютъ. На нихъ великолѣпная пряжка.

Экипажъ темно-зеленый, почти черный, лакированный, безъ пышности, современный европейскій экипажъ. Коляска наполовину открыта. Въ ней сидитъ султанъ, спокойно, безмолвно, иногда поднося свою руку въ перчаткѣ къ своему красному тарбуху. На заднемъ мѣстѣ, передъ нимъ два его министра. За экипажемъ кишитъ толпа лакеевъ въ золотыхъ галунахъ, камергеровъ, офицеровъ, скороходовъ — всѣ пѣшкомъ.

Султанъ приближался къ намъ. На немъ темно-синій мундиръ, поверхъ простой сѣрый военный плащъ, отдѣланный черной лентой. Какъ разъ подъ нашимъ окномъ онъ поднимаетъ глаза и смотритъ вверхъ на насъ; онъ, вѣроятно, знаетъ, что въ пятницу за этими окнами сидятъ гости съ Запада, изъ которыхъ нѣкоторые его глупо и слѣпо ненавидятъ, какъ дворняжки! Взглядъ его былъ открытый у

быстрый; когда онъ отвернулся, я замѣтилъ, что вѣки его дрожали. Абдуль Гамидъ средняго роста для турка, и у него совсѣмъ обыкновенное лицо, съ нѣсколько кривымъ носомъ и съ сѣдьющей бородой. Волосы около ушей нѣсколько взъерошены.

Экипажъ останавливается внизу у мечети, гдѣ гвардія султана отдаетъ честь. Повелитель выходитъ изъ экипажа и поднимается вверхъ по ступенямъ. Его встрѣчаетъ священникъ, который кланяется ему до земли, султанъ проходитъ мимо него, и скрывается съ нашихъ глазъ внутри мечети.

Въ эту минуту мулла на галлерей минарета кричитъ что-то всей массѣ народа; онъ призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Солдаты стоятъ съ ружьями въ рукахъ вольно; нѣкоторые изъ офицеровъ закуриваютъ папиросы. Изъ мечети изрѣдка доносится пѣніе...

„Онъ ни чуточки не выглядѣлъ страшнымъ!“—говорятъ дамы янки. Были ли онѣ разочарованы? Я знаю, что касается меня, я былъ очень радъ, что у него было такое человѣческое лицо и столько достоинства въ посадкѣ какъ разъ у насъ передъ носомъ! Мое прежнее недовѣріе къ сужденію сенсаціонной прессы о турецкомъ султанѣ не было имъ особенно сильно подтверждено, но и не уничтожено. Гдѣ было звѣрство въ этомъ человѣкѣ? Подкарауливающееся, страшное, убійца—гдѣ это было? Позднѣе я еще разъ увидалъ его, и мнѣ понравился его темный взглядъ своимъ открытымъ и доброжелательнымъ выраженіемъ.

Онъ имѣлъ видъ переутомленный. Онъ отдавалъ честь войску съ азіатскимъ равнодушіемъ. Но къ этому поклону онъ самъ лично себя обязалъ.

Его предшественникъ, Абдуль Азисъ, никогда не отдавалъ поклоновъ. Если быть совсѣмъ справедливымъ, то слѣ-

дуетъ учесть эту черту звѣрской природы теперешняго султана и приписать ее его человѣчности. Я прочелъ недавно одну депешу, что Абдуль Гамидъ до того запуганъ и нервень, что ночью онъ кладетъ около своей постели ножъ. Его супруга шевельнулась во снѣ, встала, и султанъ въ ужасѣ вскочилъ и всадилъ ей ножъ въ тѣло. Ясно, что турецкій султанъ хорошо знаетъ знаменитую норвежскую поговорку о колбасѣ во время убоя: у него же есть еще двѣсти девяносто девять! Подать другую!

Изъ года въ годъ рассказывается въ газетахъ о безчеловѣчности султана. Только изрѣдка доходитъ до насъ извѣстіе, которое рѣзко разнится съ общепринятымъ сужденіемъ журналистовъ. Предыдущій американскій посланникъ Порты Террель сдѣлалъ подобное сообщеніе; генераль Уоллсъ, авторъ „Бень-Хура“, второе такое сообщеніе; Пьеръ Лоти, старый знатокъ Константинополя, знакомый лично съ султаномъ, третье; Сидней Уитманъ, „писатель, хорошо знакомый съ турецкими условіями жизни“, — четвертое. Это только капли въ морѣ печати, но все же можетъ у нихъ быть немного вѣса. А съ какой цѣлью дѣлаются эти сообщенія? Абдуль Гамидъ „человѣкъ рѣдко интеллектуально одаренный“, но безъ дара „быть жестокимъ съ знаніемъ и волей“. Ни одна царская особа не умѣетъ бесѣдовать со своими гостями съ такимъ достоинствомъ и изяществомъ“. Онъ сдѣлалъ больше для просвѣщенія своего народа, чѣмъ какой-нибудь изъ его предшественниковъ. Онъ заслуживаетъ высокиихъ похвалъ. „Армянская рѣзня“ устраивается самими армянами, чтобы они могли потомъ употреблять эту „кровавую баню“, какъ средство агитаціи. Державы услышали вопль армянъ и немедленно потребовали реформъ въ Арменіи. Реформы свелись къ тому, чтобы вооружить армянъ и дать имъ права, которыя должны были сразу сдѣлать ихъ хозяевами страны, гдѣ до тѣхъ поръ они были

хоть подъ покровительствомъ, но угнетены, и благодаря угнетенію, деморализованной расой, на которую турки, какъ хозяева страны, всегда смотрѣли свысока! Сильная и правящая раса не находится подъ такой перемѣнной властью. Султанъ это и поставилъ на видъ державамъ; но на его доводы посмотрѣли, какъ на увертки, и его принудили издать указъ къ введенію этихъ реформъ. За этимъ послѣдовала рѣзня. А за этимъ сужденіе журналистовъ.

Прошло полчаса съ тѣхъ поръ, какъ султанъ вступилъ въ мечеть. Отряды опять выстраиваются, чтобы маневрировать: подъ музыку и барабанный бой толпа отступаетъ и даетъ мѣсто четыремъ тысячамъ конницы. Вся военная музыка соединилась и играетъ въ продолженіе всего происходящаго оглушительно громко.

Затѣмъ изъ мечети снизу дѣлаютъ знакъ, и громадный оркестръ смолкаетъ сразу! Гвардія опять беретъ на караулъ, офицеры отдають честь шпагами; султанъ выходитъ изъ мечети. Его богослуженіе окончено. Въ ту минуту, какъ онъ показывается въ дверяхъ, музыка опять начинаетъ гремѣть.

Домой возвращается султанъ одинъ. Онъ садится въ экипажъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ тотъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ, велитъ откинуть верхъ и беретъ самъ возжи. Теперь у него лошади бѣлыя. Онъ съ трудомъ сдерживаетъ ихъ на мѣстѣ, пока не возьмъ какъ слѣдуетъ возжей и бича; лошади фыркаютъ и топчутся на пескѣ.

Затѣмъ онъ отъѣзжаетъ. Онъ ѣдетъ мелкой рысью и успѣваетъ поклониться то одному, то другому офицеру на лошади. Въ то время, какъ онъ ѣдетъ, за его экипажемъ опять собираются кучки лакеевъ въ золотыхъ галунахъ, камергеровъ и офицеровъ, которые сопровождали его внизъ. Откашливаясь и задыхаясь, бѣгутъ они вверхъ по холму, стараясь не отставать. Султанъ проѣзжаетъ въ ворота

Звѣзднаго Шатра и исчезаетъ за деревьями и высокими растеніями. Вѣгущая за нимъ свита его изъ офицеровъ останавливается у воротъ и смотритъ ему вслѣдъ.

Теперь появляются экипажи съ принцами и принцессами и остальными дамами изъ мечети, всѣ, сопровождаемые скороходами и евнухами верхомъ. И они всѣ вѣзжаютъ по холму и исчезаютъ за воротами дворца, и конецъ всему волшебству. Войско удаляется, музыка сворачиваетъ въ боковыя улицы, продолжая играть и постепенно смолкаетъ. Все возвращается домой.

И площадь передъ мечетью лежитъ большая и тихая, какъ прежде.

V.

БАЗАРЪ.

Да, булавка съ бирюзой.

Никто не могъ забыть такъ всецѣло объ этой булавкѣ, какъ я! Но другіе объ ней думали. А сегодня суббота—не чего дѣлать другого, надо идти на базаръ. Грекъ уже тутъ. Я опредѣляю маршрутъ. Потому что въ концѣ концовъ—что-нибудь и я значу. Сначала мы идемъ на рыбный рынокъ, говорю я, потомъ на базаръ трубокъ, затѣмъ черезъ улочку съ пряностями, къ лавкамъ стараго платья, табака, въ оружейныя мастерскія, въ ткацкія, въ лавки драгоценностей и шелковыхъ матерій. А въ заключеніе мы вернемся къ базару съ трубками, потому что навѣрно я увижу тамъ трубку, которая мнѣ подойдетъ.

Маршрутъ готовъ. Идемъ.

Но съ самаго начала грекъ отстываетъ отъ моего маршрута. Онъ уничтожилъ рыбный рынокъ. „Сегодня нѣтъ рыбнаго рынка“, говоритъ онъ.

Не думаетъ ли онъ убѣдить меня, что рыбный рынокъ бываетъ не каждый день?

Обыкновенно, каждый день. Обыкновенно. А сегодня суббота и много чего не бываетъ въ субботу. У евреевъ сегодня шабашъ.

„Но константинопольскіе рыбаки вѣдь не евреи, а турки“, возражаю я.

Тогда грекъ отвѣчаетъ.

„Можете положиться на мое слово.—Много чего не бываетъ въ субботу. Вотъ, на примѣръ, лавки со старымъ платьемъ—тамъ все евреи торгуютъ; и сегодня ихъ тамъ нѣтъ, потому что сегодня шабашъ“.

Какое отношеніе имѣли лавки со старымъ платьемъ къ рыбному рынку? Невозможно говорить съ этимъ грекомъ! Но во всякомъ случаѣ, онъ лишилъ меня двухъ достопримѣчательностей! Табачныя лавки онъ тоже обошелъ; предложомъ тому онъ выставилъ, что изъ-за моей спутницы онъ не могъ насъ повести туда. Однимъ словомъ, онъ съ радостью повелъ насъ только на базаръ трубокъ. Объяснялось это просто на просто такъ: всѣ проводники изъ гостиницы получаютъ доходъ съ каждой жертвы, которую они водятъ по базару. Въ каждой лавкѣ они получаютъ процентъ. А что бы такое мы могли купить на рыбномъ рынкѣ? Да, если бы мы пошли къ евреямъ и купили бы кое что изъ поношеннаго платья—какіе бы проценты достались ему? На базарѣ трубокъ наоборотъ, виды были совсѣмъ другіе!

Итакъ, мы ходимъ изъ лавки въ лавку и разсматриваемъ трубки. Никто никогда не видалъ подобнаго великолѣпія. Въ этихъ странахъ табакъ не предметъ роскоши, а прямо необходимость, безъ котораго не обходятся какъ въ палаткѣ кочующихъ, такъ и въ гаремѣ, такъ и въ дворцѣ султана, такъ и въ совѣтѣ Высокой Порты. Пророкъ запретилъ „опьяняющія услады“; но пророкъ не зналъ табака, поэтому онъ запретилъ вино. Позднѣйшіе толкователи Корана пытались, говорятъ, и табакъ подвести подъ „опьяняющія услады“; но дѣло не вышло. Въ Турціи не могло выйти. Въ Бухарѣ вышло. Для турка табакъ остался, вмѣстѣ съ водой и хлѣбомъ, главнѣйшимъ благомъ жизни.

Неудивительно, что они изобрѣли множество сортовъ трубокъ! У нихъ есть трубки изъ розоваго дерева, табакъ

въ которыхъ принимаетъ ея вкусъ, для того, чтобы попадать въ ротъ возможно жирнымъ и смачнымъ. Но это еще не лучшее. У нихъ есть трубки съ глиняной головкой, изъ негибкаго тростника—можетъ быть, вы думаете, что это самыя простыя? О, непросвѣщенные курильщики, дѣти и пачкуны—это не самыя простыя! Вы посмотрите только на глиняную головку; она изъ совершенно опредѣленнаго сорта глины и она вышла изъ мастерской Гассана изъ Финдеклиса; а этотъ Гассанъ чародѣй глиняныхъ головокъ. И посмотрите теперь на чубукъ: развѣ онъ не жасминоваго дерева изъ Бруссы съ бархатистой корой? Изъ этой трубки курятъ табакъ, днджэ-вардоръ, а по турецки онъ называется алачебекъ. Ничего, ничего-то вы не знаете на западѣ! Этотъ самый табакъ цѣлый мѣсяцъ долженъ сушиться въ томъ самомъ воздухѣ, въ которомъ онъ родился и выросъ, а затѣмъ лежать цѣлые годы передъ тѣмъ, какъ его начнутъ употреблять. А потомъ, вы думаете, набьютъ просто такую трубку и курятъ ее? О, вы, новички въ искусствѣ, низкіе и непросвѣщенные варвары, его не такъ-то просто курятъ, не такъ-то просто! Когда трубка набита, она должна пролежать два дня взаперти передъ тѣмъ, какъ ее зажгутъ; глина должна пропитаться табакомъ, чтобы получился настоящій вкусъ. На это можно возразить, что табакъ есть табакъ и просто зелье, растущее изъ земли. А развѣ глина не изъ земли тоже? И такимъ образомъ, глина должна соединиться съ табакомъ, въ закрытомъ мѣстѣ, и отъ этого должно нѣчто получиться.

Вотъ какого рода эта трубка! И у истинныхъ турокъ къ ней приставленъ спеціальнй спуга, который заботится о ней.

Что-же, вы будете еще заирать носъ, говоря глиня? Вотъ, на примѣръ, киргизъ. Среди степей онъ куритъ свою трубку. Объ этомъ можно прочесть въ старыхъ та-

тарскихъ, по арабски написанныхъ книгахъ, о, вы, вдвойнѣ невѣжды, вы, не читающіе старыхъ татарскихъ книгъ, чтобы пріобрѣтать большія знанія! Киргизъ въ степяхъ вырываетъ маленькую ямку въ глинѣ, туда онъ кладетъ свой крѣпкій табакъ, называющійся рафанѣкъ. Затѣмъ онъ кладетъ пустую соломинку на дно этой ямки, и трубка готова. Онъ всѣкаетъ огонь, ложится около соломинки на животъ и курить...

Но въ сущности говоря, что это за трубки? Чтобы заботиться о лучшей изъ нихъ, нуженъ только одинъ слуга, а приготовить ее нужна одна минута. Но есть трубки и для трехъ слугъ, и этотъ сортъ трубокъ турки называютъ нарчилѣ. Чтобы заботиться о нарчилѣ, нужно двухъ слугъ; одинъ справляется только съ головкой, а другой исключительно только съ чубукомъ. Одинъ изъ трехъ слугъ нарчилѣ во всѣхъ путешествіяхъ своего господина, имѣетъ въ своемъ распоряженіи лошадь.

Такая трубка приглянулась мнѣ, и я спросилъ о ея цѣнѣ. Трубка была дѣйствительно совершенно особенно сдѣлана. Она состояла изъ стекляннаго водовмѣстилища, затѣмъ изъ отвѣсно стоящей черной колонки, вышиной въ футъ, украшенной круглыми гипсовыми шариками, похожими на жемчугъ; затѣмъ, головка, куда набиваютъ табакъ, была эмалированная и вся въ арабескахъ, усѣянная голубыми, красными и бѣлыми кусочками стекла; чубукъ, наконецъ, изобращалъ собою длинную змѣю съ блестящими кольцами. Что онъ проситъ за эту хорошенькую трубку?

„Двадцать тысячъ дукатовъ“, отвѣтилъ торговецъ.

Тутъ мы разсмѣялись оба, поочередно разсматривающіе головку и чубукъ трубки.

Но грекъ, который рассчитывалъ на проценты, принялся объяснять намъ. Онъ говорилъ совершенно серьезно. Одно время мы шутили съ нимъ, толкали его въ бокъ, чтобы онъ

вралъ еще. „Ври больше, грекъ!“ говорили мы и хохотали во все горло. Въ концѣ концовъ торговецъ разсердился и поставилъ намъ трубку съ змѣей подъ самый носъ: „что же мы ужъ ничего, рѣшительно ничего не понимаемъ? Развѣ это такой нарчилѣ, чтобы надъ нимъ смѣяться?“

Оказалось, что этотъ нарчилѣ былъ совершенно особенный.

Водовмѣстилище было хрустальное и сильно позолоченое. Черная колонка была изъ чернаго дерева, вся изукрашенная баснословными драгоценностями; то, что мы принимали за шарики изъ гипса, было настоящими жемчужинами. А кусочки стекла у головки—это, можетъ быть, были простые обыкновенные кусочки стекла? Это были драгоценные камни, да, конечно, сапфиры, рубины, брилліанты! Значитъ, не для одной важности торговецъ вынулъ ее изъ ящика съ ватой. Змѣя была перевита золотой проволокой, вся въ кольцахъ, въ которыя опять таки же были вправлены маленькіе драгоценные камни. Это была трубка, которую надо было носить на груди въ видѣ великолѣпнаго украшенія!

Но двадцать тысячъ дукатовъ! Во всякомъ случаѣ эти торговцы запрашиваютъ всегда въ три раза дороже стоимости товара; и когда я это обдумалъ, мнѣ ужъ не казалась эта цѣна такой головокружительной. Такую вещь можетъ себѣ купить султанша, или богачъ паша, говорить грекъ, и помогаетъ торговцу собрать змѣю и уложить ее въ ящикъ.

„Подождите немного“, говорю я, и не даю имъ закрыть ящика.

„Что же имъ ждать?“ спрашиваетъ моя спутница, удивленная.

„А зачѣмъ такъ торопиться“, отвѣчаю я. „Это, дѣйствительно, прекрасная трубка.“

„Да, но двадцать тысячъ дукатовъ!“

„Ну, треть навѣрное“, возражаю я. „И вообще—эта трубка нравится мнѣ. Укладывайте ее осторожно“, приказалъ я. „И пока отложите ее, я не изъ тѣхъ, кто побойтся такой затраты, когда она дѣйствительно этого стоитъ“.

Если я думалъ, что базаръ не сказка, то я ошибся, думаю я, въ то время, какъ мы удаляемся отъ торговца трубками.

Теперь грекъ минуетъ всѣ другія лавки на нашей дорогѣ и идетъ прямо къ булавкѣ съ бирюзой. Ахъ, что эта булавка по сравненію съ трубкой! На ней нѣтъ ни жемчуга, ни драгоценныхъ камней, одна жалкая какая-то бирюза съ арабскимъ знакомъ! Я слегка морщусь носъ.

Но это выраженіе моего презрѣнія остается совершенно непонятнымъ. Я пробую другое выраженіе: я насвистываю. То же самое непониманіе! Нельзя не увидать страстнаго желанія земной булавки; я слышу, къ своему ужасу, что спрашиваютъ о цѣнѣ ея и торгуются. Я не хочу поддерживать своимъ присутствіемъ этотъ соблазнъ; я преспокойно ухожу незамѣтно.

На свой страхъ я ухожу теперь бродить одинъ въ Стамбуль.

И тутъ я, дѣйствительно, увидалъ лавки и удивительныя мастерскія, которыхъ я нигдѣ не могъ бы увидать! Я бродилъ подъ сводами куполовъ, ходилъ по переходамъ съ арабесками на стѣнахъ и роскошными колоннами изъ чернаго и бѣлаго камня. Мечети были тамъ и фонтаны, таинственные задніе дворы съ людьми всякаго рода. Мимо меня проносился громадная человѣческая толпа; носильщики тяжелой кричатъ „берегись“, шествіе закрытыхъ покрывалами женщинъ, въ сопровожденіи евнуховъ, обходить базаръ, торговцы предлагаютъ всевозможные товары, бедуины изъ пустыни ходятъ взадъ и впередъ съ винтовками за плечами, съ ножомъ за поясомъ, дервиши дико вопятъ, под-

нимая руки къ небу, нищія обступаютъ тебя, бросаются тебѣ подъ ноги и не желаютъ понимать какого бы то ни было мягкаго отказа, а подставляютъ къ самой твоей груди свои чашки за подаваніемъ; ослы и собаки производятъ невѣроятный шумъ; тяжелые верблюды идутъ, качаясь въ этой тѣснотѣ, нагруженные благовонными товарами изъ Индіи и Египта.

Арабская ночь! думаю я, и я замыкаюсь въ этомъ великолѣпнѣи.

У одной оружейной лавки стоитъ продавецъ армянинъ и кричитъ мнѣ навстрѣчу что-то, высоко надъ головой размахивая стальнымъ клинкомъ. Онъ беретъ клинокъ въ руки, сгибаетъ его въ дугу и отпускаетъ его опять; з-з-з-з!.. дѣлаетъ онъ въ воздухъ! Онъ ударяетъ клинкомъ объ стѣну—клинокъ издаетъ серебряный звонъ. Онъ бросаетъ въ воздухъ маленькую связку стальной проволоки, замахивается клинкомъ и разрѣзаетъ проволоку пополамъ. Затѣмъ, онъ смѣясь показываетъ мнѣ на лезвіе клинка: онъ безъ зазубринъ.

Турки сидятъ передъ своими лавками, на нихъ надѣты громадные тюрбаны, они сидятъ, скрестивъ ноги, и не вышаютъ голоса. Не хочу ли я что-нибудь купить у нихъ—они продаютъ мази и эссенціи, и розовое масло и душистыя пилюли въ золоченыхъ флаконахъ. У нихъ есть воды всѣхъ сортовъ, для одалиски и для эффенди, если они хотятъ надушиться, и порошки, придающіе блескъ глазамъ, и капли въ кофе, чтобы вызвать суетную радость! Но какъ бы ни было—я ничего здѣсь не куплю. Полны достоинства и неподвижны эти торговцы, носы у нихъ огромные. Они сидятъ и въ мозгу у нихъ проходятъ сны и сказки и событія многихъ дней. Сколько бы армянинъ ни вопилъ и еврей ни гнулъ спину и ни проклиналъ чужое невѣріе—ни у одного

изъ нихъ нѣтъ того мира, что у турокъ, и никто изъ нихъ не получить въ удѣль вѣчные сады Пророка.

Человѣкъ въ бѣломъ тюбанѣ—это арабъ. Онъ весь изъ жилъ и костей, и кожа у него совсѣмъ темная. Онъ еще болѣе гордъ, чѣмъ армянинъ, еврей и турокъ, вмѣстѣ взятые; онъ сверху внизъ смотритъ на эти народности, какъ на глупыхъ и необразованныхъ. Онъ одинъ соотечественникъ Пророка и говоритъ на священномъ языкѣ! И шелковые товары и другія драгоценности, которыя онъ продаетъ, онъ самъ однажды привезъ на верблюдахъ изъ Стамбула; если онъ ихъ продаетъ за дорогую цѣну, онъ посылаетъ за другими въ свою далекую страну; и если онъ во второй разъ распродаетъ свою лавочку, онъ пускается въ обратный дальній и радостный путь, назадъ въ Аравію, откуда онъ уже не возвращается никогда.

Я подхожу къ помѣщеніямъ, гдѣ торгуютъ старымъ платьемъ. Въ чемъ это такое меня увѣрялъ грекъ? Что евреи справляли здѣсь, на базарѣ, шабашъ? Лавки были открыты. И что онъ еще говорилъ? Что евреи торговали въ этихъ лавкахъ? Это были совсѣмъ не евреи! Здѣсь преобладалъ арабійскій носъ! Евреи держались Галаты, своего собственнаго семейнаго гетто, гдѣ они другъ друга могутъ надуть сколько хотятъ. Да они въ Константинополѣ кишатъ всюду; но они посредники для осѣдлыхъ торговцевъ, переводчики, разносчики, маклеры, проводники для иностранцевъ; нѣкоторые изъ нихъ сапожники, они носятъ свою мастерскую у себя на спинѣ и садятся посреди улицы, чтобы починить башмакъ.

На базарѣ стараго платья продается не одно только старое платье, но и другія старыя вещи, принадлежащія къ одеждѣ—отъ пращевскихъ кривыхъ сабель до разныхъ подвѣсокъ и вышитыхъ кошельковъ. Тряпье здѣсь имѣется всѣхъ цвѣтовъ, цвѣта всѣхъ оттѣнковъ, одежды изъ сѣраго

бедуинскаго сукна, изъ бархата, изъ шелка, изъ драгоценныхъ мѣховъ. Здѣсь встрѣчаются всѣ степени и званія: придворныя платья изъ парчи, шелковыя панталонья изъ гарема, рясы дервишей и плащи евреевъ. Глаза устаютъ смотрѣть на всѣ эти наваленныя кучи и навѣшанные ряды матерій, матеріи во всевозможныхъ состояніяхъ изношенности, потертыя и оборванныя, и матеріи почти новыя; гаремы все послали сюда—до разорванныхъ вуалей! Но имѣются здѣсь чудесно расшитые шелковые пояса, мистическіе пояса съ замками, и вышитыя туфли, и кофты изъ золоченыхъ перьевъ. Нѣсколько старыхъ туфель лежитъ въ ящикѣ. Въ нихъ, кажется, нѣтъ ничего особеннаго, но на передкѣ онѣ отдѣланы изумрудами. На одномъ мундирѣ виситъ орденъ.

Я окончательно усталъ отъ этого смущающаго разнообразія отошедшаго великолѣпія и пытаюсь вернуться къ своей спутницѣ. Хотя я замѣтилъ себѣ каждый поворотъ улицы, я все же запутываюсь, и очень долго ищу дороги къ булавкѣ съ бирюзой.

Тамъ и находилась моя спутница и твердо выдерживала соблазнъ передъ всѣми волшебными камнями. Теперь ужъ дѣло шло не объ одной булавкѣ, а рѣчь была и о браслетѣ очень значительной стоимости. Но на этотъ разъ я былъ рѣшителенъ и пустилъ въ ходъ мою великую хитрость: „развѣ ты не видишь, что это кольцо съ ноги одалиски“, сказалъ я. „Ты же не захочешь носить на рукѣ такую вещь!“ И браслетъ былъ очень быстро отвергнутъ. „Что касается булавки, то она въ своемъ родѣ очень мила“, прибавилъ я крайне хитро. „Мы подумаемъ объ этомъ, она же отъ насъ не убѣжитъ! Посмотри-ка только на меня—я страшно усталъ отъ этого стоянія и хожденія! Лучше пойдемъ куда-нибудь, гдѣ мы можемъ сидѣть!“

Это я сказалъ и этимъ возбудилъ состраданіе.

И проводникъ повелъ насъ въ лавки шелковыхъ матерій.

Это было самое худшее мѣсто, куда мы только могли попасть.

Это было большое помѣщеніе. Прежде чѣмъ попасть туда, мы ходили по лѣстницамъ внизъ и вверхъ, Эта запутанная дорога меня порядкомъ сбила; но я думалъ, что мы остановились во второмъ этажѣ. Тамъ было много прилавковъ, и вдоль каждаго прилавка сидѣли или стояли группы женщинъ въ покрывалахъ со своими евнухами; онѣ болтали, смѣялись и разсматривали товары. Къ намъ подходитъ человекъ, смиренно и любезно нашептывая намъ; онъ съ манерами, онъ представляется намъ: „Абдулахъ! Былъ въ Европѣ, въ Америкѣ на всемірной выставкѣ, говорю на всѣхъ языкахъ“.

Это—еврей.

Если вы сейчасъ же не достанете намъ турка, вонъ отсюда, думаю я. „Я сейчасъ видѣлъ клинокъ, который какъ разъ для васъ, для вашей шеи, вашего сердца! Точка! Мы хотимъ говорить съ туркомъ“, говорю я громко и вообще становлюсь нѣсколько требователенъ. Тогда еврей отступаетъ и достаетъ намъ турка. Турокъ въ нашемъ вкусѣ, онъ вообще совсѣмъ не можетъ говорить съ нами, онъ сынъ торговца, и не выказываетъ ни малѣйшаго искаательства.

Онъ спокойно выдвигаетъ и раскрываетъ ящики и коробки и достаетъ изъ нихъ разныя великолѣпія. О, старый Востокъ! Твои базары, что бы ни говорили—сказка! Я падаю на диванъ и смотрю до слѣпоты! Все больше и больше выкладываетъ турокъ на прилавокъ. Опытъ научилъ его поражать насъ не сразу, что бы могло насъ свести съ ума, а только постепенно потрясать нашъ разумъ, чтобы мы обезумѣли незамѣтно для себя! Всевозможныя вышивки имѣются здѣсь, вышивки жемчугомъ, золотомъ, серебромъ, затканныя шелковыя матеріи, парчи, драгоцѣннѣйшія ткани

всѣхъ цвѣтовъ со всего Востока! Шелковыя матеріи изъ Индіи, подобныхъ которымъ мы никогда не видали. Ткани, тонкія, какъ паутина, и толстыя, какъ войлокъ, шарфы изъ Бенгаліи, покрывала изъ перьевъ, пояса съ алмазами, вуали въ серебряную полоску, подушки съ золотыми цвѣтами, скатерти, шали, пурпурно-красныя плащи, усѣянные серебряными полумѣсяцами. Нѣкоторыя шелковыя матеріи прилипаютъ къ пальцамъ, другія такія гладкія, что ихъ еле можно взять въ руки. Нѣсколько ярко-розовыхъ шелковыхъ женскихъ рубашекъ, едва ли отъ міра сего — это рубашки для взрослыхъ, но ихъ можно такъ сложить, что онѣ помѣстятся въ моей ладони! Дѣлаешься совсѣмъ безпомощнымъ, и то и дѣло спрашиваешь:

„Это для чего?“

„Это украшеніе, чтобы повѣсить на стѣну“.

„А это?“

„Чтобы лежать на этомъ—это матерія для матраца!“

„А это, что это такое? Это длиною въ нѣсколько метровъ, оно все усѣяно мириадами крошечныхъ жемчужинокъ, и края позолочены“.

„Это матерія на платье“, отвѣчаетъ турокъ.

„А“, говорю я. Я смолкаю совершенно и ничего уже не спрашиваю.

Но если я ничего не умѣю больше сказать, то изъ этого не слѣдуетъ, что у нашего прилавка тихо. Напротивъ. Моя спутница все больше и больше попадаетъ въ свою сферу; она спрашиваетъ, ей отвѣчаютъ, драпировки вѣшаются на двери для примѣра, ткани поднимаются вверхъ въ соблазнительныхъ складкахъ, на моей собственной шеѣ пробуются кружева, потому что я сию тутъ же робко и тупо, не умѣю защититься.

Затѣмъ двое слугъ приносятъ мокка и папирсы. Я не долго заставляю себя просить, угощаюсь и тѣмъ и другимъ

чтобы опять занять свое положеніе руководителя. Но уже поздно: весьма порядочная куча купленныхъ предметовъ возвышается на прилавкѣ. И безпрестанно выдвигаетъ туюрокъ новые ящики и открываетъ новыя коробки — разбойникъ—онъ на сторонѣ противной партіи.

„Теперь я ухожу“, говорю я и встаю.

„Подожди-же еще немножечко! Еще нѣсколько ящиковъ осталось“. „Ты забываешь о булавокѣ“, говорю я, потому что булавка была много дешевле. „Сегодня я совсѣмъ не увѣренъ, что ее не придуть и не купить“.

„Тогда лучше булавки не надо“, говорятъ мнѣ въ отвѣтъ.

„Во всякомъ случаѣ это очень рѣдкая булавка съ бирюзой“, говорю я удивительно заманчиво. Но меня больше не слушаютъ. И разнообразнѣйшіе новые ящики и коробки появляются вновь съ чудеснѣйшими вещами. Пройдетъ цѣлая вѣчность, пока все это будетъ рассмотрѣно. „Теперь я просто на просто пойду къ самымъ красивымъ дамамъ изъ гарема и поболтаю лучше съ ними“, говорю я.

„Да, иди, иди! Ты намъ не будешь мѣшать... Этого не надо! Что это такое? Къ манто? Поднимите повыше! Еще выше! Вотъ такъ! Сколько это стоитъ?“

Тогда я пошелъ къ дамамъ изъ гарема.

Если необходимо носить покрывало на лицѣ, то я не могу, по крайней мѣрѣ, жаловаться на нихъ, думаю я. Онѣ почти какъ воздухъ, такъ прозрачны.

Но самое огорчительное при этомъ застѣнчивость турчанокъ! Не женщины смотрѣли на меня, а евнухи. Какой дурной обычай въ странѣ имѣть евнуховъ. Они огрызаются на мужчинъ! Они бѣгаютъ, дико размахивая бичами. И такъ какъ не знаешь языка, то не имѣешь никакой возможности поговорить съ ними и отослать ихъ на время съ какими-нибудь порученіями. Но вотъ они стоятъ и отнимаютъ у

васъ послѣднюю надежду! Я подошелъ къ одной красавицѣ и посмотрѣлъ на нее. Она была совсѣмъ юной, полная радости, правда, удивительная женщина. Вдругъ я слышу странный звукъ, какое-то хрипѣнье, и одинъ свирѣпый евнухъ наклоняется надо мной. Онъ смотритъ на меня каменно и начинаетъ двигать челюстями. Тутъ не мѣшаетъ быть осторожнымъ, думаю я и удаляюсь. Я подхожу къ другой. Судя по наружному виду, она была совершенно безукоризненна; мнѣ было-бы забавно затѣять съ ней короткій и остроумный разговоръ! Около нея былъ евнухъ и рабыни; значитъ знатная дама, думаю я; надо мнѣ съ ней попробовать съ тѣми крохами французскаго, что я знаю.

Въ отвѣтъ мнѣ раздался ревъ, и евнухъ изо всѣхъ силъ ударилъ бичемъ по прилавку. Онъ каталъ глазами, какъ полоумный. А красавица, что стало съ ней? Она вскочила, чтобы прикрыть меня собственнымъ тѣломъ и закричала: если ты его кровь возьмешь, то возьми сначала мою. И не подумала даже! И пальцемъ не шевельнула. Она слегка вздрогнула, когда бичъ свистнулъ, но продолжала разсматривать товары и болтать. Тогда я покинулъ ее. Если я ничего не значу для нея, то мнѣ тутъ нечего и дѣлать.

Я вернулся опять на свой диванъ, выпилъ нѣсколько чашекъ мокка и посмотрѣлъ на свой опорный пунктъ: неудавшійся штурмъ безъ капитуляціи! Турчанки не годятся для этого. Онѣ сидятъ цѣлыми часами здѣсь и разсматриваютъ всякій вздоръ, всякіе пустяки и мишуру, и не ведутъ умныхъ разговоровъ для собственного развитія. Поэтому онѣ остаются такими ничтожными, — онѣ смѣются надъ пустяками, онѣ украшаютъ своихъ дѣтей цвѣтами. Я огорченно протянулъ руку за обѣими красавицами, съ которыми я имѣлъ сейчасъ дѣло, и сказалъ: „я бы могъ васъ взять съ собой въ Европу и научить васъ играть на фортепьяно, и научить васъ праву подачи голосовъ и искусству писанія

романовъ! Вы же предпочитаете растрачивать ваши дни на базаръ, вмѣсто того, чтобы служить въ какой-нибудь конторѣ, или руководить школой; видите ли вы разницу? Не лежите ли вы праздно и глупо на вашихъ диванахъ, призывая цыганокъ съ улицы, чтобы онѣ танцовали передъ вами. Развѣ въ этомъ настоящее здоровье. О, вы, темныя ганимы и одалиски, вы въ конецъ разорите Турцію! Вы до того дойдете въ вашей жизни на базарѣ и на диванахъ, что въ одинъ прекрасный день вы не сможете быть матерями! Вы не будете больше къ этому пригодны! И какъ вы можете быть пригодны къ этому, если вы не поддерживаете вашего человѣческаго достоинства и не расхаживаете съ золой въ карманахъ, чтобы бросать ею наглымъ эффенди въ лицо! Какъ вы можете быть пригодны къ этому, если вы не занимаетесь никакими легкими спортами и не пишете въ журналахъ о вашемъ отечествѣ. Ганимы и одалиски, вы въ конецъ разорите Турцію...

Моя спутница, наконецъ, кончила свои дѣла; три пакета лежатъ на прилавкѣ. Я вынимаю кошелекъ—мой маленькій благословенный кошелекъ, тяжелый отъ благороднаго металла, и принимаюсь отсчитывать безчисленныя золотыя монеты. Грекъ считаетъ со мной. „Еще пять такихъ“, говоритъ онъ, „тогда вамъ что-нибудь отпустить“. Я выкладываю еще пять золотыхъ и называю его кровопійцей. Мы выходимъ на улицу. Теперь прямымъ трактомъ и не останавливаясь, домой, въ гостиницу, думаю я. Но грекъ намекаетъ на экипажъ.

„Это зачѣмъ?“

„Для васъ; это далекій путь“.

Я посмотрѣлъ на него; дѣйствительно, у него тяжелые свертки; но онъ нашъ слуга. „Ну, хорошо, возьмемъ экипажъ“, говорю я неохотно.

И мы уѣзжаемъ.

Но когда мы подъѣзжаемъ къ мосту, моя спутница вдругъ останавливаетъ лошадей, и кричитъ кучеру повернуть.

„Что случилось?“ спрашиваю я.

„Булавка!“ восклицаетъ она, „булавка съ бирюзой!“

Тутъ улыбнулся я весьма горько и только головой покачалъ; но покачалъ такъ, какъ будто мнѣ смертный приговоръ прочли.

VI.

ТУРКИ.

За послѣднія триста лѣтъ Турція пришла въ упадокъ.

Когда-то было иначе. Великій султанъ предводительствовалъ многими непобѣдимыми ордами, вся Европа сотрясалась, когда онъ топалъ ногой о землю. Большая часть свѣта принадлежала ему, онъ говорилъ и „земля смолкала“. Онъ стоялъ въ Вѣнѣ. Наши прадѣды дрожали передъ нимъ. То одинъ смѣлый народъ, то другой пытался сопротивляться ему, одинъ какой-нибудь король осмѣливался противодѣйствовать ему; когда великій султанъ объ этомъ узнавалъ, онъ поднималъ ураганъ огня и желѣза. И на землѣ опять все смолкало.

Стамбуль былъ сосредоточіемъ міра, центромъ культуры. Это была хорошая почва, чтобы строить на ней, и уже римляне возвели здѣсь великолѣпные храмы, театры, дворцы, статуи и бани; позднѣе городъ все больше и больше обогащался сокровищами и драгоценностями, которыя привозились съ побѣдныхъ войнъ изъ Греціи, Италіи и Египта; художники и ученые пріѣзжали сюда изъ Центральной Азіи, Индіи, Египта и Аравіи; основывались высшія школы, музеи, бібліотеки, возводились мечети, памятники, фонтаны, галереи въ сводахъ и башни. И непрестанно шли караваны верблюдовъ съ Востока, привозя новыя великолѣпія въ Стамбуль. А султанъ сидѣлъ въ своемъ красивомъ сералѣ и никогда ни отъ кого въ мірѣ не слышалъ: нѣтъ!

Были тогда времена для Стамбула!

Иногда бывало, что это огромное могущество становилось больше, чѣмъ его могъ вынести повелитель. Страшное величіе, окружавшее его, пригнетало его къ землѣ; онъ смотрѣлъ вокругъ себя и видѣлъ, что онъ неминуемо идетъ къ всемогуществу. Тогда повелитель поворачивалъ въ другую сторону. Онъ издавалъ приказъ, чтобы никто къ нему не обращался съ рѣчью, и никто бы не слѣдовалъ за нимъ. Куда онъ направлялся? Внизъ, въ сады свои, чтобы открыть свое сердце Аллаху, къ дервишамъ, чтобы унижить свое величіе въ пляскѣ, на горы въ отдаленные монастыри, гдѣ онъ одѣвался во власяницу и денно и ночью постился, хотя большая часть міра принадлежала ему.

Затѣмъ времена измѣнились, всемогущество Турціи не угнетало больше ея султановъ. Съ XVII-го столѣтія она пришла въ упадокъ. Военственный народъ, внушавшій всѣмъ страхъ, погрузился въ сны. Но Турція еще была одна изъ самыхъ могущественныхъ державъ на землѣ. Долженъ былъ наступить день, кагда варварскія державы дали турецкому султану щелчекъ, этому монарху, котораго теперь никто не боялся, котораго всѣ грабили—Повелителю безсилія! Искусство и научная жизнь пришли въ упадокъ, постройки ветшали, а турецкій султанъ сидѣлъ въ своемъ красивомъ сералѣ, какъ „больной человѣкъ“.

Уже наши дѣды вздохнули; обозначались предѣлы турецкому могуществу. А наши отцы имѣли полное основаніе потирать себѣ руки; Англія, Франція и Россія соединились, чтобы уничтожить Турцію при Наваринѣ.

А мы?

Мы видѣли, какъ Турція утратила остатки своего могущества. И все же она одна изъ сильнѣйшихъ державъ на землѣ. Сорокъ милліоновъ людей находятся подъ ея ски-

петромъ. Она владѣеть неизмѣримыми богатствами. И у нея незабываемое ученіе Магомета...

Когда султаны увидали, что страна ихъ и народъ все больше и больше приходятъ въ упадокъ, одни изъ нихъ впали въ мрачную задумчивость, другіе стали жить изо дня въ день, утѣшаясь выпивками и всякимъ распутствомъ. Нѣкоторые собирались войной на Европу, когда та подступала черезъ-чуръ близко и сообща отбирала себѣ земли у страны полумѣсяца. Но турки не могли сопротивляться такому превосходству силы, Европа переросла ихъ. Они еражались, какъ герои, какъ дикіе звѣри; но что они могли сдѣлать со своими кривыми саблями и копьями? Опасное дальное боевое огнестрѣльное оружіе отрывало имъ головы. Они не отступали, они нападали; но они пали.

Абдуль Гамидъ II наслѣдовалъ великую войну. Черезъ годъ по восшествіи на тронъ, онъ долженъ былъ защищаться отъ Россіи. И онъ былъ побѣжденъ. Былъ побѣжденъ, какъ его предки во многихъ поколѣніяхъ были побѣждены. Что же такое стало съ прежними ордами? Развѣ онѣ не стояли когда-то въ Вѣнѣ? Неужели же калифы осуждены вѣчно быть побѣжденными? Что же, Пророкъ отступилъ отъ нихъ? Нисколько; духъ Пророка виталъ надъ ними, и они совершили то чудо подъ Плевной.

Тогда нѣсколько выдающихся турокъ подали Абдуль Гамиду мысль, что, быть можетъ, дѣло страдаетъ нѣсколько отъ его кривыхъ сабель. Если Пророкъ въ свое время одерживалъ побѣды, то это зависѣло—кромѣ личной помощи Аллаха—и отъ того, что онъ зналъ и употреблялъ лучшее оружіе того времени. И какъ бы могли его калифы позднѣе покорить себѣ Аравію и завоевать Сирію, Палестину, Мессопотамію, Персію, Египеть, Сѣверную Африку, Испанію, Сицилію, и проникнуть во Францію? Что же, это было сдѣлано съ помощью нильскаго камыша, мѣшковъ песку изъ

Сахары? Это произошло съ помощью лучшаго меча на свѣтѣ.

Абдуль Гамидъ научился этому въ войну съ русскими, Онъ преобразовалъ свое войско и накопилъ современнаго оружія. Онъ раздобылъ лучшихъ инструкторовъ въ Европѣ, чтобы выучиться употреблять это оружіе. Онъ сталъ преобразователемъ вначалѣ не изъ удовольствія и не по своей охотѣ, а изъ нужды. Но даже и нужда не всегда можетъ заставить открыть глаза самодовольному азіату. Потому что у азіата единственный Богъ въ мірѣ и величайшій пророкъ Божій—въ чемъ же у него можетъ быть недостатокъ? Но такъ какъ Европа сдѣлалась черезчуръ сильной, турецкій султанъ въ возрастѣ, въ которомъ обыкновенно азіатъ перестаетъ развиваться, былъ принужденъ измѣнить свой собственный образъ мыслей и принять чужую систему. Больше чудо еще никто не переживалъ!

И не одинъ правовѣрный турокъ размышляетъ еще понынѣ о томъ, почему падишахъ не уничтожилъ Европу; вмѣсто того, чтобъ перенять ея вооруженіе и другія ея открытія. Что бы сдѣлалъ Сулейманъ Молніеносный?

Ахъ, правовѣрный турокъ не понимаетъ, какъ, въ сущности, плохи стали дѣла его падишаха! Вотъ сидятъ три, четыре могущественныхъ иноземца въ своихъ домахъ въ Перѣ и рѣшаютъ, что дѣлать падишаху. А не сдѣлаетъ онъ этого, такъ эти три, четыре иноземца выпустятъ своихъ черныхъ пѣтуховъ съ сумасшедшимъ огнемъ.

Такъ это.

Это не исключаетъ того, что Абдуль Гамидъ понемногу и самъ заразился европейскими идеями. Если и не вѣрить всѣмъ тѣмъ мало доброжелательнымъ сужденіямъ объ этомъ чловѣкѣ, напримѣръ, что онъ во всемъ, за исключеніемъ религіи, болѣе европеецъ, чѣмъ азіатъ, то его управленіе должно свидѣтельствовать немного за него. То, что имъ

было введено по части реформъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, было сдѣлано по необходимости; а то что онъ ввелъ съ тѣхъ поръ, начинаетъ носить на себѣ отпечатокъ искренняго убѣжденія! Въ извѣстныхъ направленіяхъ онъ ввелъ больше реформъ, чѣмъ отъ него требовалось, такъ, на-примѣръ, онъ воздвигалъ въ Турціи одно за другимъ выдающіяся европейскія учебныя заведенія. Кто его принуждалъ къ этому? Что же, онъ самъ пришелъ къ тому, что методъ Сулеймана Молніеноснаго устарѣлъ, и что онъ долженъ попробовать побить Европу собственнымъ ея оружіемъ?

Какія же учебныя заведенія могли быть воздвигнуты въ Турціи? Не раздавался ли во всѣ времена безнадежный крикъ объ обветшалости Турціи и о ея непрестанномъ паденіи?

Непосвященному, который случайно что-нибудь читалъ объ этомъ, или изрѣдка встрѣчался съ тѣмъ или другимъ туркомъ, которые отвѣчали на поставленные вопросы—этому непосвященному кажется, что учебное дѣло въ Турціи совсѣмъ ужъ не такъ скандально-плохо поставлено, какъ мы привыкли это слышать. Здѣсь, во-первыхъ, имѣются дѣтскія школы, общественныя и частныя, для обученія турокъ чтенію и письму. Это уже кое-что; потому что ихъ Пророкъ—подобно пророкамъ другихъ народовъ—не умѣлъ писать, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ подражалъ другимъ пророкамъ и фокусничалъ на пескѣ. Другое дѣло, что не всѣ турки, вѣроятно, такъ ужъ особенно ловки въ трудномъ искусствѣ рисованія буквъ. Довольно большой процентъ населенія Франціи тоже не умѣетъ читать и писать. Затѣмъ въ сотнѣ большихъ городовъ Турціи имѣются высшія учебныя заведенія; затѣмъ во всѣхъ вилайетахъ есть учительскія симинаріи и, наконецъ, университетъ въ Константинополѣ. Въ университетѣ четыре факультета; но какъ происходитъ преподаваніе тамъ, у меня нѣтъ свѣдѣній, и по-

этому я объ этомъ не произнесу своего сужденія. Въ 1892 г. правительству вздумалось устроить сельско-хозяйственный департаментъ и сельско-хозяйственный банкъ, который-бы ссужалъ деньгами турецкихъ феллаховъ на умѣренныхъ условіяхъ. Точно также во всѣхъ вилайетахъ дѣйствуютъ сельско-хозяйственныя и ветеринарныя школы съ лучшими преподавательскими силами; и на лѣса правительство обратило свое вниманіе. Въ Турціи есть громадныя участки лѣса, отчасти съ драгоцѣнными сортами деревьевъ, какъ-то: оливы, кедры и черное дерево. Съ этими цѣнностями надо было обходиться по настоящему, и правительство устроило школы лѣсоводства для веденія правильныхъ посадокъ и рубки лѣса. Въ 1885 г. была присоединена къ департаменту школа рыбной промышленности, которая руководила богатымъ рыбнымъ промысломъ по африканскому побережью. Въ 1888 г. была основана школа шелководства—по системѣ Пастера,—чрезвычайно важная отрасль турецкой промышленности. Къ этому надо еще присовокупить военныя школы, частныя учебныя заведенія, ученыя общества, монастыри, пріюты, торговыя школы, бібліотеки; издаются тоже нѣсколько газетъ.

Сдается, какъ будто Турція за послѣдніе двадцать пять лѣтъ очень бодро догоняетъ насъ! И для тѣхъ, которые высшее благо въ жизни видятъ въ желѣзной дорогѣ, дѣло обстоитъ не такъ уже безнадежно: за одни послѣдніе пять лѣтъ отъ 1888 до 1893 г. Турція выдала концессіи для двѣнадцати длинныхъ и короткихъ линій желѣзной дороги, изъ которыхъ однѣ кончены, другія строятся.

Но правовѣрный турокъ все же не понимаетъ, почему его падишахъ подражаетъ всѣмъ этимъ особенностямъ европейской жизни. Онъ не понимаетъ даже и того, что четыре великихъ державы, въ собственномъ городѣ падишаха, по крайней мѣрѣ, имѣютъ свое почтовое вѣдомство. Почему они не пользуются турецкимъ почтовымъ вѣдомствомъ? По-

тому что оно невѣрно. И потому что оно невѣрно, они устраиваютъ свое собственное почтовое вѣдомство въ чужой странѣ!

Этого правовѣрный турокъ не можетъ понять! Но Абдуль-Гамидъ и его правительство должны это хорошо понимать.

Въ апрѣлѣ 1901 года Высокая Порта была извѣщена черезъ своего посланника изъ Парижа, что въ революціонномъ комитетѣ младо-турокъ, имѣющемъ свое мѣстопробываніе въ Парижѣ, назрѣваютъ планы къ активной борьбѣ. Посланникъ совѣтовалъ Портѣ ознакомиться съ содержаніемъ заграничныхъ почтовыхъ мѣшковъ, которые должны были прибыть съ означеннымъ поѣздомъ. Порта такъ и сдѣлала; переписку посольствъ она отдѣлила и отправила по назначенію, а другую она разсмотрѣла и письма младо-турокъ оставила себѣ. Тутъ поднялись державы, стали протестовать и требовали, чтобы сдѣланное было не сдѣланнымъ. Порта объясняла и защищала необходимость такого мѣропріятія; на это державы пригрозили выпустить черныхъ пѣтуховъ на Дарданеллы. Тогда Порта отправила своего министра иностранныхъ дѣлъ съ письмомъ къ четыремъ могущественнымъ посламъ въ Перѣ; въ письмѣ правительство просило прощенія за вскрытіе писемъ революціонеровъ и поклялось никогда больше этого не дѣлать! Нѣмецкій посланникъ удовольствовался этимъ извиненіемъ; но другіе три могущественныхъ посланника отказались принять объясненія Порты. И опять грозились черными пѣтухами. Черезъ три дня турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ опять пошелъ со смиреніемъ къ могущественнымъ посланникамъ—съ тѣми же просьбами и съ тѣми же предложеніями. И наконецъ-то, писанія Порты были приняты—изъ милости!

Да—и даже если бы это ему стоило жизни—не понимаетъ правовѣрный турокъ этого образа дѣйствія своего падишаха!

Умень должно быть падишахъ! Не безъ намѣренія, должно быть, поступаетъ такъ падишахъ! Прежде всего, онъ умень по необходимости, затѣмъ умень изъ расчета, изъ политики и склонности! Кто знаетъ! Быть можетъ, у падишаха есть дѣль передъ глазами...

Онъ захотѣлъ войны съ Греціей, съ этой старой турецкой провинціей, которую вырвали державы въ 1829 году; Греція захотѣла имѣть Критъ. Война произошла, и маленькая, плохо вооруженная Греція была побѣждена. Но у Греции крестной матерью была епископша; когда Турція завоевала Фессалию, державы опредѣлили, что ей не слѣдуетъ оставлять себѣ Фессалию; и дальше онѣ опредѣлили, что она точно также можетъ обойтись безъ Крита, котораго она никогда не теряла. И такъ война осталась безъ добычи.

То есть война была величайшей побѣдой для мусульманъ всего Востока: оружіе Ислама одержало побѣду надъ одной христіанской державой.

Оказалось, что Абдуль-Гамидъ вѣрно расчелъ: если онъ купилъ оружіе въ Европѣ и учился обращенію съ нимъ, то онъ могъ успѣшно, какъ старые калифы, вести войну. Потому что онъ правилъ все еще самымъ упрямымъ воинственнымъ народомъ на свѣтѣ и воевалъ за дѣло Пророка. Вѣра въ себя турокъ, которая очень пострадала, сразу воскресла послѣ войны, радость овладѣла народомъ, пребывавшимъ въ упадкѣ, и съ утра до ночи возносились въ мечетяхъ благодарственныя молитвы къ Аллаху. Мало кто думалъ о томъ, какъ мала Греція, всѣ думали о томъ, какъ велика стала Турція. Не только въ Турціи царила радость—по всему исламскому міру прошло ликованіе! Тѣ, почти триста миллионъ магометанъ, разсыпанныхъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, устраивали иллюминаціи въ своихъ городахъ, собирали деньги на турецкое войско, посылали депутаціи въ Константинополь, чтобы благодарить султана за

то, что онъ сдѣлалъ; даже враждебно настроенныя арабскія племена передали ему большой денежный подарокъ, чтобы онъ употребилъ его на благо Исламу!

Потому что турецкій султанъ—послѣдователь Пророка и калифъ Ислама. И отъ плаща Пророка зависитъ война и миръ на Востокъ...

Кто этотъ Пророкъ? Ни въ одного смертнаго никогда такъ не вѣрили, какъ въ него. Онъ вышелъ изъ маленькаго народа, поклоняющагося каменнымъ богамъ; онъ возстановилъ въ своей странѣ вѣру въ единого Бога, онъ создалъ мировую религію. Магометане слѣпо и безумно относятся къ своему Пророку! А самъ онъ возсѣдаетъ теперь въ садахъ вѣчности и ждетъ ихъ!

Магометъ, сынъ Абдуль-Аллаха, родился въ Меккѣ въ 569 году. Его родители были бѣдны, но принадлежали къ знатному роду Корейшитовъ; семья его была почитаема, потому что его отецъ, а потомъ и братъ отца были въ городѣ старѣйшими храма. Это положеніе было не маловажное, потому что Мекка съ незапамятныхъ временъ была священнымъ городомъ, и храмъ ея Кааба—величайшей святыней Аравіи.

На двадцать пятый годъ Магометъ женился на вдовѣ Кадита и сталъ богатъ; и въ то же время приблизительно у него начались эпилептическіе припадки. Онъ не придавалъ никакого значенія богатству и чувствовалъ себя нехорошо въ атмосферѣ почета, который его теперь окружалъ, зато онъ приобрѣлъ своими высокими личными достоинствами въ жизни признаніе и уваженіе, въ которомъ ему не отказывало ни одно изъ племенъ! Уваженіе онъ, конечно, утратилъ, когда на сороковомъ году сталъ искать уединенія и имѣлъ откровенія. Вѣрили въ его экстазъ только жена его и нѣсколько родственниковъ; другіе члены семьи, родъ Корейшитовъ, всѣ арабы насмѣхались и издѣвались

надъ мечтателемъ; и когда онъ однажды созвалъ большое собраніе и объявилъ себя Пророкомъ, въ него стали бросать камнями, его побили и преслѣдовали; грозились убить его. Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ; Магометъ бѣжалъ въ Медину. Здѣсь вѣра въ его пророческое призваніе возросла со стремительной быстротой. Въ его ученіи была извѣстная обоснованность; онъ взялъ немного изъ христіанства, нѣсколько изъ Мишны и Талмуда, онъ проповѣдывалъ о водвореніи единого Бога Авраама и объ уничтоженіи всякихъ идоловъ! Послѣ нѣкоторыхъ экстатическихъ состояній, онъ сталъ диктовать Коранъ, который записали и распространили, и чѣмъ больше масса знакомилась съ его ученіемъ, тѣмъ больше возрастало количество приверженцевъ и учениковъ Магомета, пока не образовалось изъ нихъ большинство. Съ этимъ большинствомъ за собой онъ выступилъ уже рѣшительно: ему было откровеніе о расширеніи Ислама силой оружія! Едва онъ пришелъ въ себя послѣ сильнаго эпилептическаго припадка, онъ тотчасъ-же сообщилъ это поученіе съ пророческимъ жаромъ: многихъ пророковъ посылалъ Аллахъ; Иисусъ Христосъ былъ однимъ изъ нихъ. Онъ былъ праведенъ, соблюдалъ чистоту, творилъ чудеса, и ничего изъ этого не могло обратитъ людей. Я, Магометъ, послѣдній пророкъ, посланъ Аллахомъ съ мечемъ.

Какъ должно было придтись по душѣ арабамъ, этимъ прирожденнымъ воинамъ и пиратамъ пустыни, когда имъ возвѣстили о Божьемъ соизволеніи и даже повелѣніи сражаться!

И война началась. Магометъ завоевалъ Мекку, онъ покорилъ себѣ іудейскія и арабскія племена, онъ одержалъ побѣды надъ римлянами въ Сиріи. Магометъ умеръ, а война все продолжалась; всюду Исламъ одерживалъ побѣды; и конца не было войнѣ!

Таковъ магометанскій воинъ; онъ радостно бросался въ

битву, неудержимо, не дожидаясь приказа, без другой мысли как о своем торжествѣ. Потому что за каждую каплю крови, которую онъ прольетъ за свою вѣру, онъ на томъ свѣтѣ вознаградится съ избыткомъ! Уцѣлѣй онъ для жизни, его ждала награда здѣсь, погибни онъ, онъ вкуситъ радости рая. Коранъ описываетъ точно эти радости: онъ состоитъ—по арабскимъ представленіямъ—между прочимъ въ томъ, что живешь въ шелковыхъ палаткахъ среди потоковъ молока и меда, на горахъ цвѣтовъ. Земля въ райскомъ саду подобна пшеничной мукѣ; когда деревья шелестятъ при вѣтрѣ, по саду проносится музыка. И каждому борцу за вѣру должны были достаться многія темноглазая гуріи.

Правильно-ли было идти такъ въ битву, съ такимъ презрѣніемъ къ смерти? Развѣ не надо было беречься, укрываться? На этотъ вопросъ Магометъ далъ отвѣтъ, который для позднѣйшихъ временъ имѣлъ огромное значеніе, потому что онъ сдѣлалъ своихъ воиновъ какъ-бы непобѣдимыми. Это было послѣ сраженія при Оходѣ, гдѣ пало много воиновъ Магомета, между ними его родной дядя; затѣмъ воины окружили Магомета и помогли ему бѣжать. Тутъ Пророкъ возвѣстилъ—по повелѣнію Божьему—ученіе о предопредѣленіи: судьба каждаго предрѣшена Аллахомъ; когда пробьетъ его часъ, его смерть наступитъ, гдѣ-бы онъ ни былъ: на полѣ сраженія, или на одрѣ болѣзни. Поистинѣ, Магометъ необычайно хорошо понималъ разницу между солдатами, которые берегутся, и отрядами, которые слѣпо бросаются впередъ на жизнь или смерть, разъ все впередъ предрѣшено. Вѣра въ предопредѣленіе должна была усилить слѣпую и дикую смѣлость, и должна была предохранять войско во времена недовольства и деморализаціи. Быть можетъ, Магометъ учелъ это впередъ.

Потому что Магомета не считаютъ особенно выдающимся

полководцемъ; но онъ былъ блестящій теоретикъ. Чтобы, поставить превыше всего войну за Исламъ, онъ не побоялся даже обезчестить шабашъ. И онъ дерзнулъ на это въ столь раннее время, когда его авторитетъ еще далеко не былъ признанъ. Это было, когда онъ дозволилъ своимъ людямъ, среди Рамазана, въ священномъ мѣсяцѣ, когда все и всѣ должны были мирно отдыхать, напасть на караваны въ Меккѣ. Противъ него поднялась буря; но Магометъ возвѣстилъ, послѣ перваго же своего припадка, Божіе соизволеніе этому проступку и велѣлъ его внести въ Коранъ. Это соизволеніе калифы замѣтили себѣ для будущаго.

А затѣмъ, Пророкъ между прочими мелочами оставилъ свой плащъ. Этотъ плащъ сохраняется въ старомъ сералѣ въ Константинополѣ; его хранитель, калифъ, турецкій султанъ. Дѣло обстоитъ въ дальнѣйшемъ такъ: плащъ никогда не долженъ быть зримъ, кромѣ того случая, когда Исламъ находится въ величайшей бѣдѣ. А пришла бѣда, плащъ долженъ быть развернутъ передъ глазами всего народа высоко въ воздухъ; тогда каждый магометанинъ схватитъ мечъ—ради своей вѣры. И это развертываніе плаща всегда будетъ дѣйствительно; развернуть его—значитъ развернуть всемогущество! Вотъ послѣднее прибѣжище калифа.

Радость охватываетъ Востокъ послѣ побѣды надъ Греціей; и одновременно растетъ ненависть противъ „невѣрныхъ“. Обращеніе христіанскихъ державъ съ побѣдителемъ, постоянное присутствіе христіанскихъ державъ на Востокѣ доводитъ ненависть ихъ до предѣла. Въ одинъ прекрасный день она можетъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ!

Христіанскія державы могутъ очень легко отнестись къ этому; ни одна страна не можетъ устоять передъ Европой, весь міръ едва-ли бы могъ устоять передъ Европой. Но яркое пламя на Востокѣ могло бы привести къ тому, чего ужасается человѣчество и столѣтіе: ко всемірному пожару.

Съ огнемъ не играютъ. А если съ нимъ играютъ, многіе должны участвовать въ этой игрѣ. Такъ что тотъ, кто бы поджегъ, былъ бы никто!

Говорятъ о томъ днѣ, когда Россія займетъ Константинополь. Оно и не такъ невозможно, что Россія когда-нибудь займетъ Константинополь; когда государство дѣлается слишкомъ велико, то судьба обыкновенно вноситъ поправки, разбиваетъ его на куски и разсѣиваетъ похищенные земли. Отъ Европы зависитъ, гдѣ будетъ граница для Россіи на Черномъ морѣ; и странно—зависитъ это тоже нѣсколько и отъ Востока. Пусть только пойдетъ дальше такъ, какъ шло до сихъ поръ, по возможности еще немного похуже—Востокъ будетъ тихонечко подготавливаться, и въ одинъ прекрасный день онъ будетъ готовъ. Потому что Востокъ пошелъ по вѣрной дорогѣ, и у него есть—по расчету знатоковъ дѣла—время идти по ней.

Если союзъ магометанскій трехъ державъ состоится, Востокъ не будетъ безсильнымъ; а у Турціи, Персіи и Афганистана есть одна цѣль, за которую они борются. И за то же будутъ бороться восемьдесятъ милліоновъ магометанъ, которыми управляетъ Англія, сорокъ милліоновъ въ Китаѣ, тридцать милліоновъ въ Африкѣ, сорокъ милліоновъ подъ русскимъ и голландскимъ управленіемъ. Если сосчитать эти милліоны, то ихъ получится довольно много! И изъ этихъ милліоновъ выйдутъ сотни тысячъ, способные носить оружіе! Если къ этому прибавить, что главныя магометанскія государства, съ Турціей во главѣ, учатся европейскому военному искусству и покупаютъ современный матеріалъ, что солдаты ихъ поборники Ислама, что у нихъ есть плащъ Пророка...

Правовѣрный турокъ можетъ кивать головою въ тюрбанѣ и быть спокойнымъ: его падишахъ во время сдѣлаетъ все, что надо сдѣлать. Падишахъ уменъ и началъ учиться. „Боль-

ной человѣкъ“ хорошій игрокъ, теперь онъ просто выжидаетъ и выращиваетъ и увеличиваетъ свои силы. Три могущественныхъ господина въ Перѣ лучше придумали бы себѣ другое удовольствіе, чѣмъ выбивать искры на Востокъ! Они бы лучше поучились у четвертаго могущественнаго господина, который съ германской серьезностью, подъ ихъ носомъ цивилизуетъ и эксплуатируетъ Турцію. Послѣдствія такой тактики, вѣроятно, скажутся однажды!

„Больной человѣкъ“ оглядываетъ Востокъ и рассчитываетъ. Все двигается впередъ, силъ все прибавляется, близокъ разсвѣтъ! „Больной человѣкъ“ на Босфорѣ, тотъ человѣкъ, который однажды спустится въ сераль старыхъ султановъ, развернетъ плащъ Пророка и устроитъ пожаръ на весь міръ. Это такой человѣкъ.

Исламъ былъ когда-то носителемъ высокой утонченной культуры, съ Константинополемъ, столицей магометанскаго союза, всѣ народности Востока и Запада смѣшались бы въ источникахъ, и быть можетъ, въ живомъ потокѣ бурно возникла бы новая культура. Есть же безумцы, которые не въ состояніи видѣть спасеніе міра и будущей жизни въ одной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и социализмъ; такъ пусть бы эта новая культура принадлежала этимъ безумцамъ. И онъ могъ бы существовать—этотъ маленький курьезъ, который могли бы позволить себѣ міровые миллиардеры!